

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра теории и истории государства и права

**Г. А. Скипакий
А. А. Бейсеев**

**История государственно-правовых
взаимоотношений России и Казахстана
в XIX – начале XX века**

Учебное пособие

**Екатеринбург
2022**

ББК 67.3(2)53

С429

Скипский Г. А.

С429 *История государственно-правовых взаимоотношений России и Казахстана в XIX – начале XX века: учебное пособие* / Г. А. Скипский, А. А. Бейсеев. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 123 с.

ISBN 978-5-88437-882-7

Авторы: *Скипский Г. А.*, кандидат исторических наук, доцент – гл. 1 (1.1, 1.2, 1.3), гл. 2 (2.1), заключение, приложения 1, 2, 3;
Бейсеев А. А., кандидат филологических наук – введение, гл. 2 (2.2, 2.3), гл. 3 (3.1, 3.2)

Рецензенты: *А. И. Ложкарев*, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Уральского института ГПС МЧС России, кандидат философских наук, доцент;
Н. Ю. Тетерятников, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

В учебном пособии на основе анализа, обобщения широкого круга источников раскрывается процесс интеграции Казахстана в состав Российской империи в течение XIX – начала XX вв., адаптация законодательства Российской империи в правоприменительной практике органов государственного управления с учетом особенностей правосознания населения Казахстана, и его традиций в деятельности органов власти.

Издание предназначено для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, обучающихся по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 Правоохранительная деятельность, направлениям подготовки 40.03.01 Юриспруденция, 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка.

Обсуждено на заседании кафедры теории и истории государства и права УрЮИ МВД России (протокол № 9 от 25 мая 2022 г.).

Рекомендовано к использованию в образовательном процессе методическим советом УрЮИ МВД России (протокол № 11 от 20 июня 2022 г.).

ISBN 978-5-88437-882-7

ББК 67.3(2)53

© Г. А. Скипский, А. А. Бейсеев, 2022

© Уральский юридический институт
МВД России, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Изучение исторического опыта становления и развития российско-казахстанских отношений приобретает особую значимость и актуальность в контексте многовековой дружбы между странами и народами, реализации внешнеполитического курса современной России и Казахстана на дальнейшее укрепление интеграционных процессов в Евразийском пространстве.

Государственно-правовые отношения России и Казахстана имеют богатую историю. Интеграционные процессы усилились начиная с XVIII века. Эти процессы существенным образом повлияли на становление государства и права Казахстана и в определенной степени способствовали обновлению и усложнению конструкций его институтов.

Исторический процесс вовлечения казахских жузов¹ в состав Российской государства и проникновение России в социальное пространство Казахстана складывались из понимания правящими кругами казахского общества приоритетности и первостепенной важности торгово-экономических и военно-политических связей с северным соседом.

Политические отношения между Российской империей и Казахстаном эволюционировали начиная с 1730-х гг. и вплоть до ликвидации ханской власти в казахских жузах, до 1830-х гг.

В этот период казахское общество сохраняло относительную внутреннюю политическую самостоятельность, так как органы имперской власти в силу ряда объективных причин не смогли в тот период создать эффективный административно-колониальный аппарат по управлению казахскими землями. Тогда стали предприниматься определенные усилия по созданию единого хозяйственного комплекса, что привело к ломке традиционных устоев казахского общества под влиянием политики Российской империи. Одновременно с ростом товарно-денежных отношений и изменением хозяйственного быта продолжилось сближение русского и казахского народов.

В процессе интеграции Казахстана в состав Российской империи возникла необходимость распространения на степные окраины определенной системы управления. Первоначально эта система сочетала в себе черты отношений протектората и вассалитета. По мере нарастания интеграции казахских жузов в имперское пространство России их автономия постепенно была сведена к минимуму.

Говоря о российско-казахстанских взаимоотношениях в первой половине XIX века, С. З. Зиманов отмечает: «Серьезные изменения происходят и в политической жизни казахского общества: окончательно ликвидируется ханская власть, местная власть сращивается с колониальными органами, завер-

¹ Жуз – исторически сложившееся объединение казахских родов.

шается процесс присоединения Казахстана к России, изменяется положение отдельных социальных групп»¹.

В 1820-е – 1840-е гг. определенное влияние на Казахскую степь оказало национально-освободительное движение, которое последовательно охватило все три казахских жуза под руководством последнего казахского хана Кенесары Касымова. «Восстание это особенно интересно потому, что в процессе его была сделана последняя попытка образования единого казахского государства с целью отстоять его политическую независимость»².

Различия в социально-экономическом и политическом устройстве российского и казахского обществ не могли не привести к ряду проблем, проявившихся при включении в состав России кочевого казахского населения.

В. Д. Васильев отмечал: «В середине XVIII в. перед Российской империей встала новая чрезвычайно сложная задача удержания присоединенных владений в повиновении. Не создавая особых органов для вновь приобретенных территорий, Россия избрала три способа решения этой задачи: использование внутриказахских противоречий во избежание концентрации власти в степи в одних руках, последовательное превращение ханов в ставленников правительства и приведение казахов к повиновению посредством периодических карательных экспедиций в степь»³.

Начиная с 1760-х гг. усилилось влияние Оренбургской и Западно-Сибирской губернских администрации на казахское кочевое население, начал осуществляться регулярный сбор налогов, были выработаны определенные проекты, направленные на изменение российскими властями системы управления в Казахской степи.

Опираясь на противоречия внутри казахских элитарных групп и межэтнические противоречия между «инородцами», губернские власти сумели добиться ослабления позиций правящих кругов Казахской степи. С момента реформ Оренбургского генерал-губернатора О. А. Игельстрома российские власти приступают к постепенному введению территориального принципа в системе управления Младшим и Средним жузами вместо существовавшего прежде родоплеменного управления. В 1801 г., с образованием Букеевской орды в междуречье Волги и Урала, впервые на практике была введена система управления, которая была основана на административно-территориальных принципах с включением казахов в чиновничий аппарат российской имперской администрации. Здесь же нашла применение дистанционная система

¹ *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы: Арыс, 2009. С. 6.

² *Бекмаханов Е. Б.* Казахстан в 20–40-е годы XIX века: учебник. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. С. 7.

³ *Васильев Д. В.* Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. С. 28–29.

управления с последующим распространением на все казахское население Оренбургского ведомства.

В поисках оптимального варианта административного устройства в Западно-Сибирском и Оренбургском ведомствах российским властями в течение 1820-х гг. вводится окружная система управления казахскими родами и племенами, которая устанавливала достаточно логичную бюрократическую систему административно-территориального управления с введением системы ответственности по должности для чиновников из числа казахской знати.

В связи с реформами, проводившимися в течение 1860-х гг., в рамках Временных положений об управлении вновь созданными тогда Степным и Туркестанским краем усиливается административная правовая ответственность представителей наследственной казахской знати (чингизидов), которые потеряли все легальные привилегии предусмотренные потестарным казахским обществом. Существенным образом были ограничены права и полномочия суда биев, казиев, старшин. На низшем и среднем уровне административного аппарата устанавливалась выборная система получения должностей в системе областного, волостного и аульного управления. Земли, населенные казахами, стали государственной собственностью Российской империи. Был запущен процесс крестьянской колонизации степных областей выходцами из Центрально-Европейской части Российской империи. Дальнейшая унификация системы имперского управления в Казахской степи продолжала осуществляться в контексте контрреформ, проходивших в 1880-х – 1890-х гг. уже на территории всего государства.

Включение традиционных институтов в имперскую иерархию, расшатывание родового строя не могли не привести как к активным формам протеста казахского населения, так и к попыткам саботирования этих процессов посредством введения внутренних запретов на использование имперских административных и судебных институтов для решения тех или иных проблем кочевого социума.

В конце XIX – начале XX вв. знакомство новых элитарных групп (в лице казахской интеллигенции) с европейскими либеральными идеями, формирование нового мировоззрения по политическому и экономическому обустройству Казахской степи, способствовали развитию здесь национальной печати, различных общественно-политических объединений и возникновению национальных отделений общероссийских политических партий. Именно в этот период был заложен новый фундамент для дальнейшего развития общественного мировоззрения, выработано кредо демократических основ и принят тот сценарий и ход истории, который сегодня стал возможным в современном и независимом Казахстане.

Изменения в общественной жизни Степного края, политические и экономические мероприятия российской имперской администрации, события Первой мировой войны значительно усилили реформаторский дух национальной интеллигенции и привели к перестройке основ кочевой жизни, традиционно-

го быта: «Для народов, находившихся в составе Российской империи, Первая мировая война 1914–1918 гг. оказалось губительной не только ввиду разрушительной природы войн и социальных катаклизмов, но и в силу ряда латентных факторов последствий войны: изменения мировоззрения казахского социума, модерации новых регламентов политического, социального и отчасти поведенческого стереотипа в традиционном сознании»¹.

Таким образом, социально-экономические преобразования и процессы трансформации казахского кочевого общества были объективны и неизбежны, а их характер, темпы и формы во многом стимулировались политикой России.

В результате активизации российского интереса к Казахской степи был накоплен богатый эмпирический материал о казахском обществе, который можно разделить на три части: работы исследовательского характера; отчеты чиновников и описания путешественников; различные сборники государственных актов и норм обычного права казахов².

«Отдаленность и периферийность казахского кочевого общества от центров азиатской и европейской цивилизации, его завалуированность и «кочевая отсталость» служили причиной позднего внимания к нему со стороны евроазиатской образованной элиты. Первые зарубежные, а особенно русские исследователи, именно исследователи, пришли в Казахскую степь только в начале XIX века»³.

К работам исследовательского характера, содержащих не только ценные факты из истории Казахстана, но и научные обобщения, в первую очередь, относятся труды П. Рычкова, А. Левшина, И. Г. Георги, П. С. Палласа, Г. Броневского, Бларамберга, Сильвергельма, М. Красовского, В. Григорьева, Н. Гродекова, А. Добрамыслова, Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и др.

Среди работ, которые носят характер мемуарных документов, путевых заметок, описаний чиновников и других лиц следует особо отметить Бланкенагеля, Д. Гладышева, Ф. Назарова, Поспелова и Бурнашева, Е. Кайдалова, А. Грена, Н. Лыкошина, Г. Арандаренко и др.

К сборникам документальных материалов относятся сборник материалов по истории завоевания Туркестанского края, «Русский Туркестан», сборники по обычному праву казахов.

¹ *Алимгазинов К. Ш., Жугенбаева Г. С.* Казахские депутаты I и II Государственной Думы в период событий 1916 г. в Туркестане // Первая мировая война и Государственная Дума: материалы Международ. науч. конференции (Казань, 17–18 октября 2014 г.). М.: Изд. Государственной Думы, 2015. С. 22.

² См.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство. С. 8.

³ *Зиманов С. З.* Казахский суд биев сохранился и утвердился в памяти поколений как независимое, профессиональное и мудрое правосудие // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования: в 10 т. / под ред. С. З. Зиманова. Алматы: Жеті жарғы, 2006. Т. 8. С. 30.

В советский период проблемы реформ, осуществлявшихся в Казахской степи в рассматриваемый период, нашли отражение в трудах М. Тынышпаева, М. П. Вяткина, С. Л. Фукса, Н. Г. Аполловой, С. З. Зиманова, Т. Ж. Шойнбаева, В. Я. Басина и Б. С. Сулейменова, Е. Б. Бекмаханова, Н. Э. Масанова и др.

Отметим, что особое внимание было уделено проблеме присоединения Казахстана к Российской империи в работах Н. Г. Аполловой, Е. Бекмаханова, С. Ибрагимова, Б. Ахмедова, В. Юдина.

Советский период изучения истории государства и права стал временем систематического исследования такого многогранного и сложного процесса, как эволюция государственно-правовых систем.

После распада СССР интерес к проблемам пребывания Казахской степи в составе Российской империи не ослабевал, как в России, так и в Казахстане. При этом стоит отметить, что степень научной разработанности тематики и введение в оборот новых источников позволили исследователям наряду с общими вопросами подробно исследовать и отдельные аспекты объективных процессов, происходивших в различных областях жизни казахского народа.

В целом, учеными-правоведами и историками была проделана большая работа по изучению истории развития взаимоотношений Казахстана и России, ее эволюции в XIX – начале XX столетия. В обобщающих исследованиях историографического характера достаточно полно освещены вопросы процесса интеграции Казахской степи в состав Российской империи, административно-территориального управления, инкорпорации сословий и этнических групп в социальное пространство империи, история складывания и развития стабильных связей и межнационального общения между русским и казахским народами.

ТЕМА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С МЛАДШИМ И СРЕДНИМ ЖУЗАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1.1. ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ЖУЗОВ

Владения Младшего жуза к концу XVIII в. населяли казахские племена алимулы, байулы, жетыру. В них входили сухие степи и полупустыни современного Западного Казахстана между Каспийским и Аральским морями, захватывая полуостров Мангышлак, северную часть плато Устюрт, долины рек Эмба, Орь, Илек, Урал, а также нижнее и часть среднего течения р. Сырдарья. Главным племенем Младшего жуза считались алимулы.

Средний жуз занимал территорию северо-восточного, центрального, части юго-восточного современного Казахстана. На юге границы Среднего жуза шли по реке Сырдарья, по северу Балхаша до Зайсана и Тарбагатайского хребта. С востока на запад граница жуза шла от западного Алтая и Тарбагатай через бассейны рек Тобол, Ирғиз, Торғай до Мугоджарских гор. Здесь кочевали аргыны, кыпчаки, найманы, керей, коньраты. Главным племенем Среднего жуза считались аргыны.

К началу XIX в. владения Младшего и Среднего казахских жузов оказались в достаточно сложной геополитической ситуации. С одной стороны, продолжало усиливаться военно-политическое и экономическое влияние Российской империи, с другой – вместо разгромленного Джунгарского ханства на восточных границах Казахской степи появилась более мощная и многолюдная Цинская империя. На южных рубежах активизировались Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства, причем последние стали претендовать на владения не только Старшего, но и остальных казахских жузов. В то же время среди самих казахов усиливалась междоусобная борьба отдельных родов и племен, в результате чего авторитет ханской власти стал снижаться, что незамедлительно сказалось на росте взаимных нападений с целью осуществления барымты (баранты)¹.

Дальнейшее развитие геополитической ситуации в Казахской степи стало зависеть от состояния соседних государств – Российской империи, Цинской империи, среднеазиатских ханств. Последние, несмотря на рост своей политической и военной экспансии в Казахскую степь, сами оставались в состоянии феодальной раздробленности, которая только провоцировала все новые грабительские набеги на Казахскую степь.

¹ Барымта (баранта) – захват скота у тюркских кочевых народов как способ мести за обиду или вознаграждения за причиненный ущерб.

Цинская империя стремилась использовать противостояние казахов и ойратов (основное население Джунгарского ханства) для того, чтобы самой установить свое влияние в данном регионе, причем цинская дипломатия всячески стремилась спровоцировать казахов на борьбу с проникновением в данный регион и Российской империи.

На момент принятия Младшим жузом подданства Российской империи (1731 г.) последняя не проявляла активного политического интереса к Казахской степи, поскольку была вовлечена в борьбу с Османской империей и Крымским ханством за овладение Северным Причерноморьем, а также готовилась к расширению своих сфер влияния в Курляндии и Речи Посполитой.

К началу XIX в., помимо решения «восточного вопроса» (борьба европейских держав за раздел сфер влияния во владениях Османской империи), экспансия Российской империи стала все более отчетливо проявляться в направлении Казахской степи и всего Центрально-Азиатского региона в целом. Тем не менее, во второй половине XVIII в. происходили процессы постепенного присоединения к Российской империи владений Младшего и Среднего жузов. В этот период начинается строительство системы пикетов, постов и крепостей, которые соединялись в военные линии, предназначенные для предотвращения набегов в пределы Российской империи.

В течение первого и второго десятилетия XIX в. вовлечение Российской империи в серию войн против наполеоновской Франции, а также усиление ее военного присутствия на Кавказе и Балканах, потребовали огромного количества людских, материальных и финансовых ресурсов.

Только после стабилизации военно-политического положения Российской империи на новых западных рубежах (присоединение Финляндии и Царства Польского) появились дополнительные возможности для усиления военно-политического влияния во владениях Младшего и Среднего жузов. Они уже более не испытывали агрессии со стороны Джунгарского ханства, которое было окончательно разгромлено Цинской империей во второй половине XVIII в.

После разгрома Джунгарского ханства Цинская империя временно приостановила свою военно-политическую экспансию в западном направлении и перешла в основном к дипломатическим методам, сводившимся к проведению стратегической разведки, выявлению существующих противоречий у потенциальных противников и провоцированию их на взаимные столкновения, с последующей перспективой расширения своего влияния на фоне взаимного ослабления враждующих сторон.

Следует отметить, что в самой Цинской империи в течение первой половины XIX в. стали усиливаться социально-экономические и политические кризисы, а также сепаратистские тенденции. В 1840-х гг. они переросли в восстания Тайпинов и серию «опиумных войн» с Великобританией и Францией в 1840-х – 1850-х гг. После поражений в этих войнах Цинская империя сама стала утрачивать свой государственный суверенитет и затем преврати-

лась в полуколонии европейских держав. В связи с этими событиями в течение первой половины XIX в. угроза нарастания китайской экспансии в Казахской степи (прежде всего во владениях Старшего жуза) постоянно снижалась.

Данное геополитическое обстоятельство способствовало усилению феодальной раздробленности в казахских жузах. Султаны и старшины более не видели смысла в подчинении своим ханам, и в казахских жузах стала нарастать феодальная раздробленность, усиливавшаяся борьбой за власть.

После смерти хана Абылая власть унаследовал его сын Вали-хан (Уали) (1781–1819 гг.). Но его не признали многие бии и султаны, поэтому Вали-хану приходилось искать поддержку, как в Российской империи, так и в Цинском Китае. В результате ослабления его власти Младший жуз утратил владения в низовьях р. Сырдарья. Примерно в это же время в г. Ташкент укрепил свою власть Юнус-ходжа, который для укрепления своих позиций заключил союз со Старшим жузом. К концу XVIII в. под контролем Юнус-ходжи оказались города Шымкент (Чимкент) и Туркестан – ранее бывший древней столицей казахских ханов. Вскоре Юнус-ходжа признал вассалитет Бухарского ханства. В 1799 г. он начал войну против Коканда, но потерпел поражение, в результате которого Ташкент и Шымкент вошли в состав Кокандского ханства, а Туркестан захватило Бухарское ханство.

В 1815 г. Кокандский хан Омар взял Туркестан приступом и овладел средним течением Сырдарьи, воздвигнув на границе своих новых владений крепость Ак-Мешит (Ак-Мечеть, совр. Кзыл-Орда).

Таким образом, в начале XIX в. южные районы Казахской степи попали в основном под власть Кокандского ханства, чьи войска периодически стали совершать набеги на казахские кочевья Старшего жуза, а также на владения Среднего жуза, находившегося уже в пределах Российской империи.

Владения Младшего жуза, ослабленные откочевкой части родов во главе с султаном Букеем за реку Урал, стали подвергаться постоянным набегам со стороны Хивинского ханства. Вторжения среднеазиатских государств сопровождались истреблением мужчин, угоном в рабство женщин и детей, грабежом и угоном скота. Те казахские роды, которые при набеге не оказывали вооруженного сопротивления, облагались дополнительным налогом (зьякет, который ранее не был принят у казахов) за право продолжать кочевать в своих прежних владениях.

Ситуация ухудшалась тем, что нападениям войск Кокандского и Хивинского ханства подвергались зимние кочевья казахских племен Среднего и Младшего жузов, в результате чего, последние были вынуждены искать защиты от набегов уходя на север, переноса кочевья ближе к линиям военных крепостей Российской империи. Эти территории тогда использовались только в качестве летних кочевий, а в зимнее время они были непригодны для постоянного проживания.

Климат в степях Казахстана тогда был резко континентальным, поэтому зимой люди и их стада страдали от сильных морозов, снежных бурь, джута

(ледяная корка на поверхности льда, образующаяся в краткие периоды оттепелей и ранившая конечности животных). В результате начинался массовый падеж скота от болезней и бескормицы.

Таким образом, казахам, подвергавшимся набегам со стороны Кокандского и Хивинского ханства, зимой приходилось терпеть холод и голод, обусловленные недостатком топлива, падежом скота и отсутствием для него стационарных укрытий.

Обстановка в Казахской степи осложнялась расколом не только среди всех трех жузов, но и среди отдельных племен и родов. Реализация обычаев барымты (баранты) тогда стала перерастать в ожесточенные кровопролитные столкновения между ними, хотя, согласно ранее принятым традициям, убийства казахами при угоне скота, как правило, не допускались. В результате обычаи барымты стали провоцировать борьбу на полное истребление или вытеснение соперников в освоении мест постоянных кочевий.

В 1816 г. при поддержке Российской империи казахи Среднего жуза провозгласили ханом Букея, который ранее уже был признан ханом Внутренней (Букеевской) орды. В 1817 г. в Младшем жузе появилось еще два хана. Казахи кыпчакских общин, кочующих в долинах рек Тобол и Аят, провозгласили ханом влиятельного султана Жанторе, потомка хана Каипа, а аргынские общины Торгая, Тобола и Обагана провозгласили ханом Жумажана, сына Кудайменде.

На фоне нарастания набегов со стороны Хивинского ханства на кочевья Зауральской орды в них в апреле 1816 г. состоялся съезд старшин и биев, который избрал своим новым ханом Арынгазы. Новый хан предложил ряд новшеств по организации жизни жуза и способствовал более эффективному отражению набегов хивинцев. В течение 1816–1821 гг. Арынгазы удавалось временно приостановить междоусобицы и отражать хивинскую агрессию на юго-западных рубежах Младшего жуза (в пределах современной Мангыстауской области Республики Казахстан). В то же время Арынгазы всячески сопротивлялся продвижению российских войск вглубь владений Младшего жуза и враждовал с Внутренней (Букеевской) ордой.

Геополитическая ситуация осложнялась тем, что часть казахских племен Младшего и Среднего жузов периодически поднимали восстания против усиления влияния российской имперской администрации, которое сопровождалось ужесточением феодальной эксплуатации и еще более способствовало ослаблению прежней родоплеменной организации во всех казахских жузах. Политическая ситуация значительно обострилась еще в предыдущий период в связи с массовым крестьянским и казацким восстанием под руководством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Тогда в нем активное участие приняли многие казахские шаруа (социальные низы казахских родов и племен) поддерживаемые батырами (профессиональные воины) и даже частью феодальной знати – султанами, беками и биями.

В конце XVIII в. наиболее мощным стало антиколониальное восстание под руководством батыра Срыма Датеры (Датова) (1783–1797 гг.).

В первой половине XIX века антироссийские восстания проводили султан Каратай (1806–1816 гг.), батыр Жоламан Тленшиулы (Тленшиев) (1823 г.), султан Саржан Касымулы (Касымов) (1824–1837 гг.), батыры Исатай Тайманулы (Тайманов), Махамбет Отемисулы (Отемисов) и султан Каипкали Есимулы (Есимов) (1837–1838 г.).

Самым крупным было восстание под руководством Кенесары Касымулы (Касымов) (1837–1847 гг.), который временно смог объединить под своей властью казахов Среднего жуза, Зауральской орды и части Старшего жуза, организовать массовые вооруженные выступления не только против Российской империи, но и одновременно против Кокандского ханства. Следует отметить, что ранее его предшественники в основном стремились заключать военно-политические союзы с Кокандом и Хивой против Российской империи и неизбежно укрепляли влияние последних в южной части Среднего жуза.

Примечательно, что значительная часть султанов, старшин и биев Младшего и Среднего жузов в первой половине XIX в. в основном поддерживала нововведения российской имперской администрации. За это их имперские власти награждали российскими воинскими чинами с соответствующим денежным жалованием, давали военную защиту, гарантировали сохранение их привилегий и имущества.

Султаны, старшины и бии Старшего жуза были вынуждены признавать вассальную зависимость от Кокандского ханства, поскольку до середины XIX в. российское военное и политическое присутствие на юго-востоке Казахской степи оставалось весьма незначительным. В то же время значительная часть знати Среднего и Младшего жузов не признавали над собой власть российской администрации, что приводило к дальнейшему углублению раскола в Казахской степи.

Первым ярким примером раскола Младшего жуза стало образование Букеевской (Внутренней) орды в 1801 г. Тогда султан Букей, младший сын Нуралы-хана, попросил у российских имперских властей (предварительно получив поддержку от Астраханского генерал-губернатора Кнорринга в 1799 г.) разрешение на переселение своих сторонников в междуречье Урала и Волги, что фактически привело к расколу Младшего жуза.

Впервые казахи Младшего жуза в поисках защиты от вражеских нападений и новых пастбищ стали периодически перекочевывать через р. Урал еще в середине XVIII в. когда Младшим жузом правил хан Нуралы.

После 1801 г. эти кочевья, оставленные ранее волжскими калмыками после подавления их восстания (в 1771 г.) стали первоначально осваивать 5 тыс. семей, в основном из племени байулы. В дальнейшем к ним присоединились представители и племен жетыру и алимулы.

Со временем количество переселенцев стало нарастать, что привело к нехватке пастбищ и стало стимулировать казахов Внутренней (Букеевской) орды

к постепенному переходу к оседлому скотоводству и земледелию. В 1825 г., по подсчетам чиновника Оренбургской пограничной комиссии асессора Кузнецова, в ней проживало 10490 семей. В 1845 г. на момент ликвидации Букеевской орды в междуречье Урала и Волги проживало уже более 52 тыс. семей, т. е. более половины того количества семей, которое существовало во всем Младшем жузе к началу XIX в. (около 100 тыс., по данным С. З. Зиманова).

По данным начальника Пограничной комиссии Оренбургской губернии полковника М.И. Иванина население Внутренней орды составляло тогда около 30 тыс. кибиток.

Это расхождение вполне объяснимо, поскольку многие казахи Внутренней орды продолжали перекочевывать через р. Урал во владения Зауральской орды, а М.И. Иванин учитывал население, исходя из того числа семей, которые в данный момент находились на территории Внутренней орды. Кроме того, тогда было крайне сложно учитывать реальное число кочевников, поскольку многие из них стремились уклоняться от встречи с российскими имперскими чиновниками, справедливо полагая, что после такой переписи населения будут увеличены налоги в российскую казну.

В 1812 г. султан Букей официально получил титул хана Внутренней орды, дарованный ему российским императором Александром I. Этот факт юридически закреплял полное подчинение Внутренней орды и ее вхождение в состав Российской империи. Поскольку ранее казахская знать традиционно сама избирала себе нового хана, Младший жуз номинально оставался независимым от имперской администрации. После смерти Букея новым ханом Внутренней орды был назначен его малолетний сын Джангир (Жангир) (получивший образование и воспитание в семье Астраханского губернатора), который номинально правил Внутренней ордой до своей смерти в 1845 г.

Образование Букеевской (Внутренней) орды привело к значительным изменениям в родоплеменной организации этой части Младшего жуза, но самое главное – способствовало началу постепенного перехода казахов к оседлому образу жизни, что впоследствии способствовало фактической интеграции в состав государства Российской империи всего Казахстана. Со временем опыт, полученный российской имперской администрацией по созданию Букеевского ханства, стал применяться во владениях Среднего жуза, а в середине XIX в. – Старшего жуза.

В начале XIX в. власти Российской империи приступили к постепенному процессу присоединению остальных владений Младшего и Среднего жузов. В связи с наметившейся перспективой экспансии в Центрально-Азиатский регион территории Младшего и Среднего жуза стали активно изучаться российскими офицерами и гражданскими чиновниками – участниками дипломатических и военно-политических экспедиций. Так, в 1803 г. в Бухару отправилось российское посольство во главе с поручиком Я. П. Гавердовским.

Следует отметить, что данное посольство перед началом своей экспедиции вглубь Казахской степи обратилось за консультативной помощью к чле-

нам Академии наук. Особую роль в изучении образа жизни, обычаев и традиций казахов, уральских казаков, истории и природы Казахстана сыграл чиновник Министерства иностранных дел А. И. Лёвшин (1772–1878). Он начал свои этнографические, исторические и географические исследования еще в 1818 г. В 1820 г. он был переведен в аппарат оренбургского губернатора. Под его редакцией были изданы очерки «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» (1823 г.), «О просвещении киргиз-кайсаков» (1825 г.), трехтомный труд «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832 г.).

В 1841 г. из Оренбурга к реке Сырдарье совершил разведывательную экспедицию генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг. Он дал подробное описание земель Внутренней (Букеевской) орды и Малой (Зауральской) орды Оренбургского ведомства, их границ, хозяйственной жизни, населения, торговли. Выдающийся военный востоковед, историк и путешественник, генерал-лейтенант Генерального штаба А. И. Макшеев также неоднократно участвовал в рекогносцировках в степях Казахстана. В 1848 г. совместно с лейтенантом Бутаковым на шхуне «Константин» совершил плавание по Аральскому морю для описания его берегов.

В результате работы военных и дипломатических российских экспедиций в первой половине XIX в. были составлены подробные топографические карты территорий Младшего и Среднего жузов, собраны статистические базы данных, геологические сведения, информация о состоянии дорог, месторасположении колодцев – т. е. всего, что было необходимо для снабжения российских войск при их продвижении вглубь Центрально-Азиатского региона.

Российские офицеры и чиновники, исследовавшие обычаи и традиции казахов, обратили внимание на тот факт, что они в силу весьма суровых природных условий Казахской степи не могли перейти к оседлому образу жизни. Недостаточное количество осадков в летний период делало земледелие весьма убыточным и рискованным. Летом травы, необходимые для выпаса скота, быстро выгорали, мелкие реки пересыхали. Поэтому казахи были вынуждены постоянно кочевать со своими стадами в поисках новых пастбищ и водопоев.

Кочевой образ жизни казахов способствовал воспитанию у них навыков выживания в степи и приучал к необходимости ожесточенной борьбы за дефицитные природные ресурсы. Он же позволял использовать возможности для совершения набегов с целью проведения барымты (баранты), а также для уклонения от военных столкновений с более сильными в военном плане соседями. В частности, об этом независимо друг от друга сообщали Я. П. Гавердовский, Е. К. Мейндорф, И. Ф. Бларемберг, А. И. Лёвшин, М. И. Красовский и другие российские участники военных и дипломатических экспедиций вглубь Казахской степи.

В то же время российские востоковеды отмечали, что казахи занимались земледелием, но в основном опять же в качестве вынужденной меры, чтобы компенсировать потери от барымты, последствий джута, засухи, нехватки

пастбищ и т. д. В основном очаги полуседлого земледелия существовали в поймах рек Сырдарья, Урал, а также в Айгерикской долине. Там же и происходило развитие городского ремесла и транзитной торговли с феодальными государствами всего Центрально-Азиатского региона.

Российские офицеры и чиновники-востоковеды А. И. Тевкелев, П. И. Рычков, Я. П. Гавердовский, А. И. Лёвшин, М. И. Красовский, Л. Л. Мейер, В. В. Вельяминов-Зернов и др. отмечали, что присоединение Младшего и Среднего жузов к Российской империи произошло добровольно. Они выделяли две основные причины, заставившие Младший и Средний жузы обратиться за помощью к Российскому государству. Это военная поддержка и преодоление конфликтов внутри казахских жузов.

Следует отметить, что военные востоковеды неоднозначно оценивали итоги присоединения жузов к России. С одной стороны, по мнению П. И. Рычкова, принятие присяги казахскими жузами не принесло Российскому государству никакой пользы, так как казахи тогда не платили никаких податей и налогов, не несли никаких служб. С другой стороны, по мнению Я. П. Гавердовского, это принесло большую пользу обеим сторонам – и казахам, которые спаслись от угрозы со стороны Джунгарского ханства, и россиянам, которые получили возможность торговать со среднеазиатскими странами.

Фактическая независимость Среднего жуза от российской имперской администрации сохранялась до начала 1820-х гг. Усиление военно-политической экспансии Российской империи в этот период во многом стало ответом на очередную попытку Цинской империи укрепить свои позиции в Казахской степи. Султаны и старшины Среднего жуза в 1821 г. выбрали ханом Губайдулла – сына Вали-хана (Уали) который пытался проводить политику лавирования между Российской империей и Цинским Китаем. Российские власти более не считались с мнением цинской дипломатии, поэтому решили прекратить эту практику.

В 1824 г. российская военная экспедиция прибыла в Баян-Аул, где хан Губайдулла должен был встретиться с посольством Цинской империи. Хан был арестован и вынужден отказаться от признания своего ханского титула со стороны китайского императора. Впоследствии Губайдулла был сослан, а русская администрация начала планомерную колонизацию владений Среднего жуза.

В первой половине 1820-х гг. начались судебно-административные реформы, проводимые параллельно Западно-Сибирским (М. М. Сперанский) и Оренбургским (П. К. Эссен) губернаторами.

Данные преобразования кардинально изменили военно-политическую ситуацию в Казахской степи в течение второй четверти XIX в. Благодаря им российская имперская администрация стала последовательно ликвидировать элементы независимости управления Младшего и Среднего жузов, параллельно проводя преобразования в системе местного самоуправления казахов, адап-

тируя ее к механизму действия государственного аппарата Российской империи и фактически лишая властных полномочий ханов, султанов и старшин.

С другой стороны, данные административные преобразования М. М. Сперанского и П. К. Эссена обеспечивали возможности более планомерного продвижения вглубь Казахской степи системы военных линий, созданных в предшествующий период.

В результате проведенных территориально-административных реформ российская военно-политическая экспансия вглубь Центрально-Азиатского региона приобретала поступательный характер, способствуя формированию и эволюции российской колониальной системы управления Казахской степью в течение всего XIX – начала XX вв.

Так, в течение 1820-х – 1830-х гг. происходило строительство новых военных линий среди казахских кочевий Младшего и Среднего жузов. Тогда были основаны крепости Каркалинск (1824 г.), Кокчетав (совр. Кокшетау) (1824 г.), Баян-Аул (1826 г.), Акмолинск (Целиноград, Астана, совр. Нур-Султан) (1830 г.), Сергиополь (совр. Аягуз) (1831 г.). Они опирались на поддержку ранее построенных российских военных крепостей: Илецкая защита (совр. Соль-Илецк), Эмбинский пост (недалеко от совр. Жем), Орск, Троицк, Павлодар, Семипалатинск (совр. Семей).

К концу 1840-х гг. русские войска в ходе постоянных военных экспедиций против восставших казахов, которых возглавлял Кенесары Касымұлы (Касымов), далеко продвинулись вглубь Казахской степи и взяли под свой контроль большую часть владений Среднего и Младшего жузов. Постепенно строились новые линии военных укреплений.

Система крепостей, форпостов, редутов, пикетов и постов постепенно продвигалась на юг от прежних границ Российской империи и была нацелена на установление военно-политического контроля над кочевьями Старшего жуза. Главной целью было предотвращение всех попыток, как небольших набегов, так и крупных, вторжений казахских родов и племен, не признававших над собой власть Российской империи и вступавших в военно-политические союзы с Кокандским ханством. Для достижения поставленной цели строились новые крепости: Кокпектинская (совр. Кокпекты) (1844 г.), Оренбургская (Тургай, совр. Торгай) (1844 г.) и Уральская (Иргиз, совр. Ыргыз) (1845 г.). Атбасар (1846 г.), форт Ново-Александровский (совр. Форт-Шевченко) (1846 г.). Так, для борьбы с набегам со стороны Кокандского ханства была построена крепость Копальская (совр. Капал) (1847 г.)

Следует отметить, что значительное число данных крепостей стало возводиться именно в периоды активизации антиколониальных выступлений казахов против Российской империи в течение 1820-х – 1840-х гг.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. В каком геополитическом положении оказались Средний и Младший жузы в конце XVIII – начале XIX вв.?
2. В чем отличия во внешней политике Российской империи и Цинской империи в первой половине XIX в.?
3. Какие политические последствия имело создание Внутренней (Букеевской) орды?
4. Какое значение имели российские военные и дипломатические экспедиции вглубь Казахской степи?
5. Где и с какой целью стали создаваться новые линии военных укреплений Российской империи? Какие города стали строиться на основе военных линий?
6. В чем были отличия в геополитическом положении Младшего, Среднего и Старшего жузов в начале XIX в.?

1.2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЫЧНОГО КАЗАХСКОГО И РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО ПРАВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

К началу XIX в. во всех казахских жузах для регуляции общественных отношений продолжали использоваться законы хана Тауке, основанные на нормах казахского обычного права. Согласно ему, основным объектом собственности казахов являлся скот, именуемый «даулет», и остальное имущество – «мульк». Скот, для того чтобы облегчить определение его принадлежности к тому или иному роду или племени, подвергался клеймению особыми знаками – тамгой. Разные виды тамги для каждого племени и рода, согласно преданиям, ввел еще хан Тауке.

Следует отметить, что к началу XIX в. у казахов получает распространение и семейная тамга, как правило, применявшаяся для клеймения скота, принадлежавшего родовой и племенной знати.

Основным субъектом обычного казахского права выступала семья кочевников-скотоводов. Она, как правило, состояла из многочисленных кровных родственников, во главе ее стоял старший мужчина – отец и дед. Средний состав семьи в тот период предполагал наличие в среднем примерно около 20-30 родственников. Многочисленная семья благодаря четкому распределению обязанностей лучше справлялась с содержанием своего хозяйства, а в случае опасности могла защитить себя и свои стада от нападений немногочисленных чужаков или стай хищников.

Наследование имущества в семье осуществлялось не от отца к сыну, а к старшему брату. В случае если в семье не оставалась взрослого (дееспособного) наследника, то все дети и имущество умершего переходило в распоряжение к ближайшему родственнику. Право на наследование имели только мужчины, но в богатых семьях стал появляться и обычай наследования женщиной своей доли, но только при отсутствии наследников мужского пола. В то же время существовал обычай, согласно которому вдова и ее дети переходили в семью брата мужа, который брал на себя обязанности по их содержанию и защите.

До начала XIX в. имуществом также являлись и рабы – «кулы». При этом рабы являлись коллективной собственностью всей семьи.

Начиная с 1822 г., согласно «Уставу о сибирских киргизах», созданному Западно-Сибирским губернатором М. М. Сперанским, рабство было значительно ограничено. В частности, «Уставом о сибирских киргизах» был установлен запрет на покупку и продажу «природных киргизов», то есть лиц, не принадлежащих казахским родам и племенам. Калмыки, ойраты, кыргызы, уйгуры и другие представители народов, проживавших в Казахской степи, как правило, брались в плен во время набегов и обращались в рабство.

Окончательно рабство в Казахской степи было отменено в период 1859–1863 гг., причем данное решение было принято российской имперской администрацией с согласия большинства казахских султанов, биев и старшин.

Ранее его было добиться практически невозможно, поскольку рабство органично вписывалось в хозяйственную деятельность казахской родовой и племенной знати.

До начала XIX в. ханы, султаны, старшины в основном использовали рабов в качестве подневольных пастухов своих многочисленных стад, и при малейшем устремлении российской администрации по освобождению и (или) выкупу рабов стремились откочевать на юг, к границам среднеазиатских государств, которые сами поощряли и стимулировали вовлечение казахской знати в работорговлю. Именно постоянный спрос на рабов в городах Хивинского, Кокандского и Бухарского ханства провоцировал казахских феодалов на организацию набегов на своих соседей – причем, не только на владения Российской империи, но и на кочевья других казахских жузов, а также среднеазиатские государства.

Российская имперская администрация брала под защиту рабов, бежавших из Казахской степи, в случае если они принимали православие или ранее исповедовали христианство любой конфессии. Данное обстоятельство постоянно являлось предметом конфликтов султанов, биев и старшин с российской имперской администрацией.

Следует отметить, что рядовые кочевники жили крайне бедно, и многие не могли позволить себе покупку и содержание рабов. Более того, они в голодные годы сами были вынуждены продавать своих детей в рабство. Основными рынками работорговли тогда являлись города феодальных среднеазиатских государств. В период засухи и бескормицы детей у казахских бедных кочевников – шаруа покупали также российские богатые купцы и дворяне в Оренбургской и Астраханской губерниях. В частности, в 1815 г., по сведениям тогда ещё исполняющего обязанности чиновника Министерства иностранных дел А. И. Лёвшина, в г. Гурьев (совр. Атырау) было продано 200 казахских детей. При этом за мальчика платили 3-4 куля ржаной муки, а за девочку 2-3 куля (куль муки тогда весил около 6-8 пудов, или примерно от 96 до 128 кг).

Интересно отметить, что документы по продаже рабов – купчие, составлялись тогда на русском и татарском языках, в которых сыновья казахских старшин и султанов – участники сделки купли-продажи, выступали не только как самостоятельные продавцы или покупатели, но и как законные представители своих отцов. В купчих обязательной была фраза, что сделка происходит «по приказу» отца или деда. Это один из примеров, когда оформление сделок происходило с учетом законодательства Российской империи, но при этом учитывало нормы казахского обычного права.

Еще одним свидетельством сильного влияния традиционного казахского права являются случаи, когда происходил процесс дарения какого-либо имущества без согласия главы семьи. В случае обнаружения им пропажи, даритель был вынужден красть это имущество у одариваемого, чтобы не нести ответственности перед своим отцом или дедом за свое непослушание. Такие

случаи описывались в трудах российского офицера Н. И. Гродекова, участника Хивинского похода 1873 г., впоследствии ставшего Туркестанским генерал-губернатором.

Работоторговлей, как и разведением скота на продажу, занималась тогда в основном родовая и племенная знать. Султаны и старшины организовывали оптовые продажи скота в пределы Российской империи и других соседних государств. В обмен они получали дорогие ткани, ковры, ювелирные украшения, оружие. Судебные функции осуществляли бии – знатоки традиционного казахского права, которые за свои услуги предпочитали получать оплату оговоренным количеством голов скота.

Товарно-денежные отношения в Казахской степи долгое время были в зачаточном состоянии, поскольку большинство кочевников в силу своей бедности в основном вели натуральное хозяйство, а торговая инфраструктура (дороги, система караван-сараев, охрана караванов от грабителей, система взаимных расчетов по долговым распискам и т. п.) была неразвита. Торговля с соседями в основном носила характер бартерных сделок.

Товарно-денежные отношения получили свое развитие только в ходе окончательного вхождения Казахской степи в состав Российской империи, когда каждая кибитка (единица налогообложения, соответствующая семье) стала облагаться денежным налогом – 1,5 рубля серебром. Данный налог был введен в 1837 г. в рамках проводимой в Российской империи министром Е. Ф. Канкриным финансовой реформы.

Транзитная торговля стала развиваться, благодаря созданию системы российских военных линий происходило пресечение взаимных набегов, а за барымту, согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных», принятому в Российской империи в 1845 г., также была подтверждена уголовная ответственность, которая ранее была введена еще Уставами 1822–1824 гг.

Помимо барымты, уголовному наказанию (как правило, это была ссылка в Сибирь) подвергались преступники, совершившие разбой, грабеж, убийство, а также изготовление и сбыт фальшивых монет.

Снижение уровня преступности создавало более благоприятные условия для прохождения торговых караванов, что стимулировало казахов к отказу от взаимных набегов, и способствовало постепенной экономической интеграции всех жузов в состав Российской империи. Наиболее активно стали организовываться ярмарки (собрания купцов для совершения крупных оптовых сделок), сначала во владениях Внутренней орды, чему способствовал хан Джангир, а затем и во владениях Зауральской орды, Среднего жуза и в районах Жетысу (Семиречья), принадлежавших Старшему жузу. Например, ярмарка, которая была организована Джангиром в своей ханской ставке Внутренней орды в 1832 г., дала торговые обороты около 2 млн руб., в основном благодаря привлечению на нее купцов из российских Казанской, Оренбургской, Самарской, Астраханской и других губерний, а также из Персии, Хивы, Бухары,

Коканда и Цинской империи. Казахская знать стала активно участвовать в ярмарках в Оренбурге, Уральске, Троицке.

Для регулирования возникавших споров и поддержания общественного порядка в Ханской ставке была учреждена ярмарочная полиция – базарные султаны, которая подчинялась ханским чиновникам – жасаулам (есаулам). Споры участников ярмарки разрешались не только с участием биев, представлявших интересы казахской знати, но и ахуна (ходжи), являвшегося знатоком шариата – основных норм мусульманского права – и являвшегося главным духовным лицом при хане Джангире.

Аналогично впоследствии были организованы ежегодные ярмарки в других районах Казахской степи. Русские купцы чаще стали посещать ярмарки на форпостах и казачьих станицах: в Новом Узене, станицах Черноярской, Семипалатинской, Кояндинской. Это стало возможным благодаря постепенному прекращению взаимных набегов в Казахской степи с целью угона скота и продажи пленников в рабство.

Ранее барымта являлась одним из основных способов увеличения доходов родовой и племенной знати, особенно в условиях падежа скота. В ней участвовали профессиональные воины – батыры и слуги старшин и султанов – толенгуты. Именно батыры и толенгуты являлись основной боевого ополчения казахских родов и племен и часто принимали участие в набегах, а также в восстаниях против российской имперской администрации. Они не имели своих стад, поэтому содержались за счет своих покровителей. Поскольку владения султанов и старшин часто страдали от бескормицы и падежа скота, батыры и толенгуты оставались без средств к существованию. В этом случае они могли самостоятельно заниматься барымтой, причем это не являлось нарушением обычного казахского права.

Традиционно барымта не воспринималась как преступление, поскольку являлась доступным и эффективным способом исполнения решения суда биев, если ответчик не желал его исполнять. Но, в то же время, процедура взыскания долга часто приводила к откровенному грабежу ответчика, в результате чего тот получал право на ответные действия против истца.

Конфликты по поводу барымты между отдельными родами и племенами становились все более запутанными и переходили из поколения в поколение. При этом их противоречивое толкование судами биев было изначально предопределено тем, что сами бии часто преднамеренно затягивали судебный процесс (с целью вымогательства дополнительных подношений от тяжущихся сторон), а также стремились отстаивать интересы своих сородичей и соплеменников, если конфликт происходил с представителем другого рода или племени. Только применение норм имперского российского уголовного права в судопроизводстве в Казахской степи способствовало значительному ограничению масштабов взаимного угона скота.

Казахские бии осуществляли судопроизводство, опираясь на систему ценностей, традиционно принятую во всех жузах. В качестве платежа за на-

несенный ущерб – «кун» прежде всего рассматривался скот: бараны, верблюды, лошади. Именно они и являлись объектом традиционной казахской барымты (баранты). Поэтому чаще всего причиной судебных исков был прежде всего угон скота – главного средства выживания любого кочевника.

Стоит отметить, что в качестве платежа в случае вынесения судебного приговора выступали не только рабы, но и казахские женщины. Например, Н. И. Гродеков сообщал, что в качестве куна в размере 1 тыс. баранов, бием по согласованию с тяжущимися сторонами была осуществлена замена этого стада на двух девушек. Дочери, сестры казахов являлись также и предметом наследования. Это объяснялось тем, что при выдаче замуж своих дочерей и сестер казахи получали заранее оговоренный размер выкупа – «калым». Размер калыма за невесту зависел от социального статуса семьи, из которой она выкупалась, и составлял иногда целый табун в несколько десятков лошадей или стадо в несколько сотен баранов.

В то же время следует отметить, что права казахской женщины были достаточно защищены. Она не принуждалась к полевым работам, ее нельзя было подвергать телесным наказаниям, но это было принято, прежде всего, чтобы сохранить и не портить «товар». В случае жестокого обращения с ней со стороны мужа она могла получить защиту от отца и своих братьев.

Поскольку субъектом обычного казахского права выступала семья, то, соответственно, ответственность за совершенные правонарушения любого своего члена она несла в полном составе. Если семья (или старший в семье) не выполняла требований суда биев, то тогда, согласно законам хана Тауке, за них отвечал род, который имел право взыскать с семьи должников свои судебные издержки.

У казахов существовал обычай «отрезания подола», который означал отторжение злостного правонарушителя от своих сородичей. Такой обычай применялся в качестве крайней меры наказания правонарушителя за часто повторяющиеся рецидивы и в случае если должник постоянно не выполнял (или не мог выполнять) своих долговых обязательств по уплате куна. Кочевник, исторгнутый из рода, был вынужден либо заниматься барымтой, либо наниматься на работу на соляные промыслы, в рыболовецкие артели, или искать себе покровителей в другом кочевом роду или племени.

Система коллективной судебной ответственности также поддерживалась обычаями обязательных подарков незначительных родичей своим султанам, старшинам и биям («кунакасы»), а также регулярных отчислений своих доходов в пользу своего рода («саун», «жилу», «журтшылык»).

Обычай кунакасы означал обязанность казахов оказывать всемерное гостеприимство всем должностным лицам, будь то султан, бий, старшина или российский чиновник, следующих через их кочевья. Часто наблюдались факты, что при приближении российских чиновников или представителей казахской знати бедные казахи стремились откочевать как можно дальше от их пути следования, поскольку обычай кунакасы для шаруа был крайне разори-

телен. Казахская народная поговорка гласила: «Если гость раз остановится – счастье, если два раза – бедствие». Если султан останавливался в ауле хотя бы на час, он обязательно получал подарок. Гость также имел право на любую вещь в доме хозяина, и тот не имел права отказывать гостю.

С другой стороны, как указывал И. А. Гродеков и другие участники российских военных экспедиций, у казахов был обычай, что к бедным кочевникам, как правило, угощаться не идут, чтобы не подвергать их окончательному разорению. В то же время бедные кочевники были обязаны угощать своих гостей в пределах своих возможностей.

Все обычаи подношений сложились в качестве обязательной традиции для того, чтобы создавать своеобразный страховый фонд, предполагавшийся для использования старшинами и биями для погашения судебных долгов своих бедных сородичей за барымту, убийства, долги и т. п., а также для их содержания в частые периоды голода и падежа скота.

Жилу предоставлялась в качестве оплаты за коллективную помощь рода. За выпас многочисленных стад родовой знати выделялся саун – несколько голов скота выделялось семье бедных кочевников. Фактически же значительная часть подношений использовалась родовой и племенной знатю для собственного обогащения и превращалась в своеобразные формы феодальных повинностей, возлагаемых на рядовых членов казахских племен и родов.

Поскольку выживание в степи было невозможно без традиций взаимопомощи и взаимовыручки, у казахов к XIX в. сохранялись обычаи побратимства – «тамыр», которые предполагали обязательный обмен подарками и его повторение при всякой новой встрече. В данном случае размер и стоимость подарка, как правило, ничего не означали и были знаками проявления уважения. Такой обычай позволял побратимам всегда надеяться на помощь и поддержку друг друга, тем более, что суровый быт кочевников, особенно в условиях холодных зим и частых летних засух постоянно приводил к таким ситуациям, когда без посторонней помощи человек в Казахской степи был обречен на смерть.

Существовало и побратимство «по кости» между сватами – «сюектамыры». В данном случае это был обычай закрепления брачного союза между представителями разных родов, и он предполагал достаточно строгий порядок обмена подарками, который должен был соответствовать имущественному и социальному положению новых побратимов.

Следует отметить, что нарушение обязательств одной из сторон сюектамыры, как правило, рассматривалось судом биев, который разрешал спор, исходя из норм соответствия размеров и стоимости подарка и социального и имущественного статуса его дарителя. Безусловно, что судом биев всегда осуждался отказ от преподнесения ответного подарка побратиму.

Следует отметить, что кочевники постоянно рисковали остаться без своего стада, поскольку частыми были не только случаи барымты. Скот мог погибнуть в случае засухи летом или джута зимой. И тогда казаху крайне слож-

но было соблюдать обычай сюек-тамыры, что собственно и приводило к частым судебным искам между побратимами, поскольку ответный дар в последнем случае явно не мог соответствовать статусу дарителя, что воспринималось как оскорбление всей семьи, а то и целого рода.

Исполнение множества обычаев побратимства, гостеприимства и постоянные обязательные подношения в пользу старшин, биев, султанов были крайне разорительны для рядовых кочевников, что не могли не отметить российские чиновники, посещая казахские кочевья еще в начале XIX в. Многие из них сами злоупотребляли обычаями гостеприимства, рассматривая подношения как способ личного обогащения, учитывая традиционно низкий уровень денежного жалования чиновников Российской империи. Были, конечно, и исключения, среди которых прежде всего казахи отмечали безупречное поведение чиновника Оренбургской пограничной комиссии А. И. Лёвшина, который изучив их обычаи, старался не злоупотреблять гостеприимством хозяев, принимавших его у себя во время частых экспедиций.

Как указывалось ранее, до начала 1820-х гг. российская администрация не проявляла активности по вмешательству во внутренние дела Младшего и Среднего жузов. Но участвовавшие попытки значительной части султанов, старшин и биев восстановления свое независимости и непризнание ими ставленников российской администрации привели к тому, что впервые была предпринята попытка по совершенствованию казахского обычного права, которая неизбежно могла привести к созданию централизованного государства, первоначально в пределах Младшего жуза.

В 1816 г. после поражения восстания хана Каратая, который перешел на сторону имперской администрации, новым ханом в Зауральской орде султанами и старшинами был избран Арынгазы. Он предпринял попытку совершенствования казахской судебной системы. Помимо суда биев он ввел суд казиев, который стал осуществлять судебный процесс, основываясь на нормах шариата. Арынгазы впервые ввел в казахское уголовное право понятие государственного преступления и начал применять к своим противникам смертную казнь, что ранее не допускалось в казахском обычном праве, поскольку смертный приговор выносился только съездом всех биев жуза.

Данные преобразования в перспективе могли привести к созданию еще одного централизованного исламского государства на границах Российской империи, которая к этому времени втягивалась в кровопролитную Кавказскую войну (1817–1864 гг.), что могло значительно ухудшить ее геополитические позиции в Казахской степи. Поэтому создание «Устава о сибирских киргизах» в 1822 г. и «Устава об оренбургских киргизах» в 1824 г. стало достаточно быстрым и оперативным ответом имперской администрации на новые геополитические угрозы.

Уставы, принятые Западно-Сибирским губернатором М. М. Сперанским и Оренбургским губернатором П. К. Эссеном для Среднего и Младшего жузов, соответственно, стали формировать новую судебную систему, которая пре-

дусматривала сохранение ведения судами биев судебных дел по поводу имущественных исков между казаками.

Согласно принятым Уставам 1822 г. и 1824 г. судебные дела стали делиться на уголовные и гражданские. Особо тяжкие преступления из компетенции суда биев были изъяты. В то же время появились возможности пересмотра решений суда биев, если апелляция подавалась в окружные приказы.

В то же время случаи крупных набегов, особо крупных размеров барымты и, безусловно, вооруженные восстания против российской администрации теперь были переданы в компетенцию российских военных судов, располагавшихся как в пограничных, так и во вновь построенных крепостях на новых военных линиях. В случае спорной ситуации, когда тяжущиеся стороны были не удовлетворены решением военного суда – дело рассматривала Пограничная комиссия, заседавшая, соответственно подведомственности Средне-го или Младшего жуза. Для казахов Зауральской орды она работала в г. Оренбурге еще с 1799 г., а для казахов Среднего жуза – в г. Тобольске. Начиная с 1838 г. Сибирская пограничная комиссия стала действовать в г. Омске.

Безусловно, в ходе судебных процессов с участием российских пограничных комиссий, и особенно военных судов, чиновники, как правило, выносили приговор в пользу тех участников, которые проявляли большую лояльность к имперской администрации. Этим стали злоупотреблять некоторые султаны и старшины, стремившиеся уйти от ответственности по решениям судов биев и апеллировавшие к военным судам либо в саму Пограничную комиссию. Свои прошения они всегда сопровождали богатыми подношениями российским чиновникам, тесно связанным прежде всего с Астраханским, Оренбургским, а также и Саратовским губернаторами, традиционно оказывавшими покровительство ханам Внутренней орды. Появились прецеденты пересмотров решений судов биев, которые теперь отменялись в военных судах и приказах.

В то же время российские имперские чиновники стремились заручиться поддержкой султанов и старшин Внутренней орды, защищая их интересы в спорах с уральскими казаками из-за наиболее благоприятных пастбищ в междуречье рек Большого Узеня и Малого Узеня. Это происходило, несмотря на то, что последних имперская администрация часто использовала для подавления восстаний, проведения военных экспедиций в Зауральской орде, а также для охраны общественного порядка в той же Внутренней орде.

Уральские казаки, в свою очередь, сами эпизодически совершали нападения на казахские кочевья Зауральской орды и таким образом стремились компенсировать ущерб от утраты части своих угодий, часто совершая набеги на аулы под предлогом проведения военных экспедиций. Тем самым они проявляли скрытое недовольство действиями Оренбургской пограничной комиссии. Особенно часто это стало происходить после того, как новым атаманом Уральского казачьего войска был назначен артиллерийский офицер полковник В. О. Покатилов, который пользовался покровительством со стороны председателя Оренбургского пограничной комиссии Г. Ф. Генса и не

стремился объективно рассматривать обращения уральских казаков из-за спорных пастбищ во Внутренней орде.

Об этом периодически сообщали в своих отчетах в Министерство иностранных дел чиновник для особых поручений Оренбургской пограничной комиссии А. И. Лёвшин (в 1821 г.), ассессор Оренбургской пограничной комиссии А. Д. Кузнецов (в 1823 г.), шеф Астраханского казачьего полка полковник И. И. Завалишин, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс (в качестве свидетеля). Это подтверждал чиновник по особым поручениям Оренбургской пограничной комиссии А. Т. Ларионов (в 1829 г.), а также сенатор Ф. И. Энгель, специально отправленный из Санкт-Петербурга для инспектирования деятельности чиновников Астраханской, Самарской и Оренбургской губерний.

В частности, сенатор Ф. И. Энгель в своем отчете от 4 февраля 1828 г. докладывал о вскрытых им многочисленных случаях превышения служебных полномочий со стороны губернаторов вышеперечисленных губерний. Он также выявил систематическое получение взяток и подношение «подарков» российским чиновникам от самого хана Внутренней орды Джангира, а также его султанов и старшин.

В ходе инспекторской проверки также были выявлены факты вымогательства взяток от казахских шаруа со стороны российских помещиков Юсуповых и Безбородко, чьи управляющие требовали от казахов плату за право зимнего кочевания в прибрежной полосе вдоль Каспийского моря. Они же стали организовывать из казахов-шаруа рыболовные артели и стали дополнительно заниматься рыбной ловлей, которая прежде была исключительной привилегией только уральских и астраханских казаков, которые продавали рыбу раньше без уплаты налогов и пошлин.

Это право казаки получили еще в период правления царя Михаила Федоровича Романова. Затем оно было подтверждено специальной комиссией, возглавляемой князем Г. А. Потемкиным в 1780 г. Но теперь (в 1820-х гг.), князья Юсуповы и графы Безбородко, являясь представителями российской дворянской аристократии, позволяли себе беспрепятственно распоряжаться богатыми природными ресурсами Каспийского моря и р. Урал (тогда в них водилось множество осетровых пород рыб) и ущемлять права и интересы как уральских казаков, так и казахов, проживавших во Внутренней орде. Данное обстоятельство дополнительно обостряло конфликты уральских казаков и казахов – подданных Внутренней орды.

К сожалению, все должностные лица, уличенные в коррупции и превышении служебных полномочий, существенно наказаны не были. Новый российский император Николай I, специально учредивший для таких случаев Собственную Его Императорского Величества канцелярию (СЕИВК) в 1826 г., первоначально стремился разрешить такие конфликты политическими методами, поскольку в конце 1820-х гг. происходило нарастание антироссийских выступлений в Зауральской орде и кочевьях Среднего жуза. Поэтому

обычаи подношений при дворе хана Внутренней орды Джангира оставались без изменений, о чем впоследствии упоминал тогда исполняющий обязанности «попечителя кочующих народов» при губернаторе Астраханской губернии А. М. Фадеев, побывавший на гостях у хана Джангира в его Ханской ставке в 1839 г. Он сообщал о вопиющем случае чрезвычайно богатых подношений хана Джангира Саратовскому губернатору И. М. Бибикову, любившему «покутить». Все это впоследствии закончилось тем, что в 1841 г. А. М. Фадеев сам занял пост губернатора Саратовской губернии, после того как И. М. Бибиков был отправлен императором Николаем I в отставку.

Такие жесткие кадровые решения были обусловлены тем, что постоянное вымогательство взяток и коррупция имперских чиновников происходили за счет постоянно растущих дополнительных обложений казахских шаруа, которые стали массово поддерживать восстания не только в Зауральской орде и Среднем жузе, но и в пределах владений самого хана Внутренней орды Джангира.

Данные обстоятельства, а также случаи некомпетентного вмешательства российских чиновников и офицеров в межродовые и племенные споры казахов, только усиливали антироссийские настроения и способствовали росту масштабов вооруженных выступлений казахов Младшего и Среднего жузов. Самым крупным стало восстание Кенесары Касымулы (Касымова). Он был провозглашен новым ханом и в период своего самостоятельного управления частью территорий Среднего и Младшего жузов фактически отменил суды биев. Теперь сам Кенесары стал назначать биев для ведения важных дел. За особые заслуги биям присваивалось звание графа, позаимствованное у Российской империи.

Таким образом, преобразования Кенесары Касымулы (Касымова) привели к превращению биев в государственных чиновников, чем потом воспользовалась имперская администрация после того, как это антироссийское восстание было подавлено. Многие бии сохранили свои должности уже в составе новых окружных приказов, создававшихся по мере отступления сторонников Кенесары на юг, в пределы владений Кокандского ханства.

Следует отметить, что на территории Внутренней (Букеевской) орды раньше, чем в других районах Казахской степи стали развиваться поземельные отношения, к которым до XIX в. особого внимания в обычном казахском праве не уделялось. Этому способствовала территориальная ограниченность кочевий Внутренней орды и недостаток благоприятных пастбищ (районы между реками Урал и Волга – это в основном полупустыни, почва насыщена солончаками и глиной, на которой плохо растет трава). Кроме того, переселенцы стали строить по примеру русских соседей капитальные деревянные дома для зимнего проживания и, соответственно, стали переходить к заготовке сена для зимних стойбищ скота.

Раньше казахи Младшего жуза при наступлении зимних холодов откочевывали в более теплые районы, прилегающие к Аральскому морю, где нахо-

дились зимние пастбища. Теперь для казахов Внутренней орды привычные маршруты кочевания стали не только недоступными, но и опасными в силу роста числа нападений со стороны Хивинского ханства. Процесс постепенного перехода к оседлому хозяйству у казахов Внутренней орды был отмечен в отчете сенатора Энгеля управляющему Министерством иностранных дел графу Нессельроде от 4 февраля 1828 г.

Таким образом, в практике казахского обычного права появляется недвижимая собственность в виде зимних пастбищ.

При этом следует отметить, что вскоре все удобные пастбища во Внутренней орде были перераспределены ханом Джангиром в пользу лично ему преданных султанов, старшин и ходжи. Об этом сообщалось в письме хана от 12 декабря 1830 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу, за подношения поощрявшему земельные захваты во Внутренней орде.

Джангир-хан мотивировал такой способ распределения земли как гарантию сохранения преданности казахской знати российской имперской администрации. На самом деле это был традиционный способ укрепления вассальных отношений во Внутренней орде на фоне нарастания антироссийских выступлений во всем Младшем жузе, в которых принимали участие многие султаны и старшины, имевшие родственников и во Внутренней орде. Наиболее преданный хану род ногай получил во владение около 1800 тыс. десятин угодий. Сам хан Джангир закрепил за собой в качестве феодального домена около 400 тыс. десятин лучших пастбищ, на которых были посажены его толентугы и слуги со своими небольшими хозяйствами.

Таким образом, казахская знать во Внутренней (Букеевской) орде быстро стала превращаться в крупных феодальных землевладельцев. Теперь ее правовой статус был гарантирован имперскими российскими властями, жестко подавлявшими любые антифеодальные выступления и набеги на владения Внутренней (Букеевской) орды со стороны соседей.

В то же время к оседлому скотоводству стали переходить и рядовые кочевники. Свои владения они обозначали вехами, колышками. При этом свидетельства на владения выдавались биями в виде куэлынама, а также выдавались официальные бумаги (намекагаз) или разрешения (руксатнаме), которые юридически узаконивали право частной собственности.

Вскоре, уже в течение 1830-х гг., среди казахов Внутренней (Букеевской) орды стали появляться и первые земледельцы. Причем это были в основном представители шаруа, которые при общении с русскими крестьянами стали перенимать у них способы пашенного земледелия. Такие земледельцы, как правило, находились в полной феодальной зависимости от своих султанов и старшин, заимствующих у русских помещиков методы создания крепостного хозяйства.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. Каковы были основные нормы обычного казахского права в области семейных отношений? В чем заключались особенности правового статуса женщин у кочевников?
2. В чем заключались особенности рабства? Почему оно долго сохранялось в Казахской степи?
3. Каким образом и на какой правовой основе было организовано судопроизводство судов биев?
4. Как и в чем проявлялась система коллективной судебной ответственности при исполнении решений суда биев?
5. В чем заключалось противоречивое толкование норм казахского обычного права при судебных спорах по нарушению обычаев барымты, кунакасы, тамыр и др.?
6. Как повлияло на изменение судебного процесса принятие Уставов 1822 и 1824 гг.?
7. Какие изменения произошли в уголовном праве после принятия Уставов 1822 и 1824 гг. и «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.?
8. Какие причины приводили к росту коррупции и превышения служебных полномочий у российских имперских чиновников? Почему в этом были заинтересованы представители казахской родовой и племенной знати?
9. Каким образом во Внутренней (Букеевской) орде стали формироваться феодальные формы землевладения?

1.3. СТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первоначально система колониального управления стала складываться во владениях Внутренней орды, начиная с правления в ней султана Букея, сына Нуралы-хана, начиная с 1801 г., и заканчивая смертью его сына – хана Джангира в 1845 г. После 1845 г. институт ханской власти во Внутренней орде фактически был ликвидирован, орда номинально продолжала управляться Ханским советом, находившимся под полным контролем имперской российской администрации.

Колониальный характер управления Внутренней ордой подтверждался тем фактом, что император Павел I еще 11 марта 1801 г. (в свой последний день правления перед дворцовым переворотом) дал официальное согласие на переселение сторонников султана Букея в междуречье Урала и Волги.

Тогда же российский император дал согласие на просьбу султана Букея о выделении к нему в качестве личной охраны одной сотни астраханских казаков, а также вменил в обязанность командиру полка астраханских казаков полковнику Попову перейти к выполнению обязанностей начальника новой пограничной комиссии, специально созданной для поддержания порядка во Внутренней орде. Пограничная комиссия была создана при Астраханском генерал-губернаторе Кнорринге. Полковник Попов при этом получил очередной чин генерал-майора, в знак признания его заслуг за «успешное его поведение в усмирении киргиз-кайсацких народов».

Вместе с тем многие специалисты по дореволюционной истории Казахстана (С. З. Зиманов, Н. А. Халфин, В. Ф. Шахматов и др.) считали, что создание Внутренней (Букеевской) орды являлось компромиссным решением проблемы урегулирования нараставших конфликтов в Младшем жузе, грозивших перерасти в очередное антироссийское восстание, по масштабам не уступавшее выступлению Срыма Датова (сподвижника Е. И. Пугачева).

В то же время получение новых земель для кочевания позволяло снизить остроту конфликтов из-за ограниченного количества пастбищ между родами и племенами Младшего жуза, а также уменьшить количество случаев барымты. Более того, батыр Срым Датов, ранее получивший амнистию от имперских властей и обладавший большим авторитетом среди казахов Младшего жуза, тоже стал активно содействовать переселению своих сородичей (род байбакты) за р. Урал.

Переход казахских жузов от вассальных отношений с Российской империей к полному вхождению в ее состав, способствовал формированию колониальной системы управления в Младшем и Среднем жузах. Номинальная независимость жузов была ими фактически утрачена в начале 1820-х гг. Это процесс особенно явно стал нарастать после подавления восстания Арынгазы (1816–1821 гг.).

Этому способствовало образование вакуума власти в связи с тем, что сам Арынгазы был арестован, наследник умершего хана Внутренней орды Букея – Джангир тогда был еще несовершеннолетним, а также в связи с тем, что после смерти Вали-хана в 1819 г. выборы нового хана в Младшем жузе не были санкционированы Оренбургским губернатором.

Переход от вассальных отношений к колониальной системе управления предполагал постепенное установление экономического контроля над населением казахских жузов.

Принятие «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. и «Устава об оренбургских киргизах» 1824 г. привело к дальнейшему развитию системы налогообложения. Если ранее казахи не платили никаких налогов в российскую казну, то теперь вводился «ясак».

Новая форма налога предполагала уплату 1 головы скота с каждой сотни. Такому натуральному налогу подвергались не только бараны и лошади, но и верблюды, которых тогда использовали в качестве основного транспортного средства как для развития транзитной торговли во всем Центрально-Азиатском регионе, так и для проведения военных экспедиций.

Следует отметить, что российская имперская администрация предполагала льготный налоговый период в течение 5 лет для тех казахов, кто признавал требования Уставов.

В то же время Уставы теперь возлагали на казахов Среднего и Младшего жузов ряд новых повинностей в пользу российских имперских властей: охрана торговых караванов, гужевая повинность, доставка почтовых сообщений, наблюдение за исправностью путей сообщения (содержание караван-сараев, колодцев, ремонт мостов). Благодаря привлечению казахов к этим видам деятельности в Казахской степи стала активно развиваться транзитная торговля с Цинской империей и среднеазиатскими государствами. Российская промышленность теперь получала новые рынки сбыта и источники сырья. Развивалась транспортная инфраструктура, что одновременно ускоряло процесс строительства новых российских военных линий.

Уставы привели к новому административному разделению территории Среднего и Младшего жузов. Соответственно, Средний жуз с 1822 г. перешел под полный административный контроль Западно-Сибирского губернатора с его резиденцией в г. Тобольске (с 1839 г. губернским центром стал г. Омск), а Младший жуз – под контроль Оренбургского генерал-губернатора (с 1824 г.).

Согласно Уставу 1822 г., составленному М. М. Сперанским, территория Среднего жуза была поделена на внутренние и внешние округа. Внешние округа составили кочевья казахов, располагавшихся южнее р. Иртыш. Внутренние округа создавались в пределах старых военных линий, построенных во второй половине XVIII в.

Всего в период 1822–1838 гг. в составе Западно-Сибирской губернии было образовано семь округов: Каркаралинский, Кокчетавский, Аягузский, Акмолинский, Баянаульский, Кушмурунский, Кокпектинский. При определении

административных границ округов и волостей российские имперские чиновники учитывали родовое деление казахов и места их постоянных кочевий. Но теперь маршруты перекочевки менять было запрещено.

Во главе округов были созданы окружные приказы – «дуан». Они выполняли административные, судебные и полицейские функции. Во главе каждого приказа стоял ага-султан (старший среди султанов). В аппарат приказа тогда входили по четыре заседателя: два русских чиновника, назначаемые губернатором, и два казаха, которые выбирались на два года из числа почетных биев и старшин.

Начальник окружного приказа – ага-султан избирался собранием султанов сроком на 3 года. Ему присваивалось на время службы воинское звание майора. Таким образом, ага-султаны сочетали военную и гражданскую власть в округе. Они же были обязаны поддерживать общественный порядок, бороться с преступностью, обеспечивать исправную и своевременную уплату налогов. Ага-султан, который трижды избирался на свой пост, имел право на получение титула потомственного российского дворянства. В результате создания новой территориально-административной системы представители родовой и племенной казахской знати получали значительное расширение своих властных полномочий, поскольку продолжали сохранять также и свою традиционную власть над рядовыми кочевниками.

В состав каждого округа входило от 15 до 20 волостей. Во главе волости стояли волостные султаны. В случае отсутствия султанов на эту должность допускалось выбирать из числа «кара-суек» («черной кости») – представителей рядовых кочевников. Но, как правило, должностных лиц в имперской администрации предпочитали выбирать из числа «ак-суек» («белая кость») – представителей родовой и племенной знати – старшин, султанов, биев.

Волостные султаны согласно Табели о рангах Российской империи (была принята в 1722 г.) приравнивались к государственным чиновникам 12 ранга – губернским секретарям. Их служебными обязанностями было выполнение распоряжений губернаторов, ага-султанов, постановлений дуана, а также исполнение судебных приговоров.

Каждая волость состояла из 10–12 аулов. Аульные старшины избирались каждые 3 года, и их кандидатуры утверждались окружным приказом. В административном плане аул теперь объединял от 50 до 70 юрт – шаныраков.

Таким образом, «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. стал нормативной правовой базой для установления полного административного и политического контроля Российской империи над владениями Среднего жуза и способствовал его окончательному вхождению в состав Российского государства.

Западно-Сибирский губернатор М. М. Сперанский получил возможность реализовать свои административные способности и выработать механизм модернизации государственного управления, получив для этого практически неограниченные полномочия от императора Александра I, который к концу

своего правления фактически отошел от управления страной, предоставляя полную свободу действий высшим чиновникам Российской империи.

Опыт административных преобразований М. М. Сперанского вскоре был позаимствован и Оренбургским генерал-губернатором П. К. Эссеном, который в также в 1822 г. предложил проект «Устава об оренбургских киргизах». Данный нормативно-правовой акт был согласован и одобрен Азиатским комитетом Министерства иностранных дел в 1824 г.

Ханская власть в Зауральской орде была ликвидирована после того, как ее хан Сергазы в 1824 г. был вызван в Оренбург, принял должность «первоприсутствующего» в Оренбургской пограничной комиссии и стал получать ежемесячное денежное жалование в размере 150 руб. серебром. Его статус был достаточно формальным, поскольку все вопросы в Оренбургской пограничной комиссии решал председатель, назначаемый на этот пост генерал-губернатором.

Владения Младшего жуза после 1824 г. был разделены на три части. Западную часть составляла Внутренняя (Букеевская) орда, фактически управляемая имперской администрацией еще с 1801 г.

Среднюю часть Младшего жуза в основном составляла Зауральская орда (ее кочевья распространялись от р. Урал (Жаик) на западе до р. Эмба (Жем) на востоке). В дальнейшем она стала территориально-административной основой для образования Уральской области.

Восточная часть Младшего жуза занимала степи от р. Эмбы на западе до р. Тургай (Торгай) на востоке, где уже начинались владения Среднего жуза.

Во главе каждой части Младшего жуза Оренбургская пограничная комиссия теперь назначала ага-султанов, полностью подотчетных в своей деятельности перед ней и перед Оренбургским генерал-губернатором. В качестве советников и заседателя Пограничной комиссии приглашались представители наиболее влиятельных султанов, старшин и биев. Фактически пограничная комиссия являлась исполнительным органом при оренбургском генерал-губернаторе. Он лично по рекомендации чиновников Пограничной комиссии производил назначения на занимаемую должность. Данное обстоятельство создавало благоприятные условия для распространения коррупции и превышения служебных полномочий среди российских и казахских чиновников.

Следует отметить, что, в отличие от М. М. Сперанского, Оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен предоставлял больше прав казахским султанам и старшинам при формировании низового бюрократического аппарата. В частности, все чиновники окружного звена (в отличие от округов бывшего Среднего жуза) подбирались самими ага-султанами, а их кандидатуры впоследствии лишь согласовывали с председателем Пограничной комиссии. Данное обстоятельство, как указывалось ранее, способствовало стремительному росту коррупции среди российских и казахских чиновников в Оренбургской губернии.

Чтобы заинтересовать казахских султанов, старшин и биев в работе имперского аппарата управления, в 1837 г. чиновники из казахской знати были освобождены от уплаты кибиточной подати – 1,5 руб. серебром с каждой семьи. Следует отметить, что налог был одинаков как для семьи бедных кочевников, так и для семьи представителя родовой и племенной знати. Данное обстоятельство только усиливало хозяйственную зависимость шаруа от биев, старшин и султанов.

Налоговую льготу получили и муллы. Это делалось для того, чтобы ослабить позиции мусульманского духовенства, особенно влиятельного среди участников антирусских выступлений. Как известно, в ходе наиболее крупных восстаний, возглавляемых Арынгазы в 1816–1821 гг. и Кенесары Касымулы (Касымова) в 1837–1847 гг., именно муллы призывали к джихаду – священной войне против Российской империи. При этом мусульманское духовенство было тесно связано с властями Хивинского и Кокандского ханства, которые использовали ислам как идейное основание для военно-политических союзов, направленных против укрепления позиций Российской империи во всем Центрально-Азиатском регионе.

Для поддержания общественного порядка и борьбы с преступностью, а также для более оперативного подавления антирусских выступлений при каждом ага-султানে теперь постоянно состоял казачий отряд под командованием русского офицера. Ставки ага-султанов располагались в казачьих станицах и военных крепостях. Именно ага-султаны и их слуги стали основой для создания кочевой милиции, которая оказывала существенную помощь казачьим отрядам при проведении военных экспедиций против антирусских восстаний. Например, весной 1838 г. отряды под руководством Кенесары Касымулы (Касымова) разгромили казачий отряд старшины Симонова, а также напали на аулы, поддерживавшие ага-султана Кудаймендина, находившиеся недалеко от Аманкарагайского приказа. Летом 1838 г. повстанцами была захвачена и уничтожена Акмолинская крепость. Отряды Кенесары вскоре получили поддержку султанов в районе Торгая (Тургая) и Ыргыза (Иргиза) и стали нападать на Илецкую военную линию.

После провала ряда военных экспедиций имперские власти пошли на переговоры с Кенесары и временно прекратили боевые действия. Тогда Кенесары начал войну с Кокандским ханством, чтобы вернуть владения в нижнем и среднем течении Сырдарьи. В сентябре 1841 г. его отряды заняли города Созак, Яны-Курган, Жулек и Ак-Мечеть.

Наступление русских войск возобновилось в 1842 г. при этом их поддерживали отряды под руководством ага-султана Ахмета Жантюринина, опиравшегося на свои аулы, расположенные на р. Тобыл (Тобол). В августе 1843 г. они содействовали экспедиции отряда полковника Бизанова, выступившего из крепости Сахарной, а также других воинских экспедиций из Омска, Петропавловска и Каркаралинска.

Следует отметить, что первоначальные успехи отрядов Кенесары были во многом обусловлены его попытками создания основ регулярной армии и постоянного государственного аппарата. Армия повстанцев стала использовать принципы единоначалия, в отрядах были введены воинские чины жузбасы, мыцбасы и сардара. Кроме того, существовали мергенбасы – командиры отрядов стрелков-снайперов. Отряды повстанцев теперь делились на сотни и тысячи, а не как раньше – по родовому и племенному принципу. Для поддержания дисциплины Кенесары ввел институт жасаулов (есаулов) из числа своих батыров и толенгутов.

Повстанческая армия к началу 1840 г. объединяла в своих рядах до 20 тыс. чел. При этом в рядах отрядов Кенесары Касымулы (Касымова) в качестве специалистов использовались русские солдаты, дезертировавшие из воинских частей, а также ссыльные поляки и башкиры, которых имперские власти ранее определяли для несения военной и пограничной службы на военных линиях в Западно-Сибирской губернии.

В июле 1844 г. отрядам Кенесары Касымова удалось при помощи маневрирования в степи обойти русские регулярные части и разгромить формирования Ахмета Жантюрина на р. Упкояк. Затем повстанцы стали нападать уже на Оренбургскую военную линию. В августе 1844 г. была разгромлена воинская крепость и станица Екатерининская.

В ответ на рейды отрядов повстанцев Оренбургский и Западно-Сибирский генерал-губернаторы организовали строительство новых военных крепостей и стали активно привлекать на свою сторону казахских султанов и старшин, недовольных тем, что Кенесары обязал их платить новые налоги и подчиняться своим жасаулам.

Осенью 1845 г. русские войска и отряды ага-султанов, сохранявших верность имперским властям, начали новые наступления на аулы Кенесары. Несея тяжелые потери, повстанцы были вынуждены оставить Торгайскую (Тургайскую) степь и отступить в районы рек Сарысу и Шу. Затем Кенесары Касымов вновь втянулся в войну с Кокандским ханством.

В 1846 г. отряды Кенесары были вытеснены кокандскими войсками в районы р. Или (владения Старшего жуза) и Алатау, где он попытался привлечь на свою сторону кыргызских манапов для совместной борьбы против Российской империи и Кокандского ханства, но не получил от них поддержки. В 1847 г. в ходе войны против кыргызских манапов, поддержанных кокандскими войсками и казачьим отрядом Жемчужникова, сторонники Кенесары были разгромлены в горах Кеклы (недалеко от совр. г. Бишкек).

Новое территориально-административное деление владений Младшего и Среднего жузов, установленное в 1820-х гг., способствовало постоянному нарастанию военно-политического влияния Российской империи во всем Центрально-Азиатском регионе.

Представители казахской родовой и племенной знати теперь стремились делать карьеру в качестве имперских чиновников и были заинтересованы в

получении статуса российского дворянства, который давал гарантии неприкосновенности их имущества, а также возможности для дальнейшего обогащения за счет бедных сородичей и соплеменников. Антиколониальные восстания в Казахской степи теперь подавлялись с активным участием знати, привлекавшей для участия в военных экспедициях батыров и своих слуг толенгутов. Это позволяло планомерно вытеснять повстанцев за пределы новых строящихся военных линий, и лишать их возможности снабжать и пополнять свои ряды за счет лиц, недовольных российской колониальной политикой.

Следует отметить, что ядром повстанческих формирований Кенесары Касымулы (Касымова) являлись в основном те же султаны, старшины и батыры, в то время как представители шаруа занимали в них подчиненное положение. По мере создания новых территориально-административных округов, все большая часть казахской знати переходила на службу Российской империи, а недовольство бедноты теперь подавлялось не только военными экспедициями, но и судебными инстанциями, применявшими как нормы обычного казахского права, так и уголовного права Российской империи.

Российские имперские власти при введении Уставов 1822 г. и 1824 г. предполагали постепенный переход казахов к оседлому образу жизни. Для этого каждый аул закреплялся к конкретной волости. Теперь, после принятия Уставов, кочевать за пределами волости было запрещено. За нарушение предполагался штраф.

С одной стороны, данные ограничения приводили к быстрому истощению пастбищ и провоцировали казахов к постоянному нарушению требований Уставов. Но с другой стороны – разграничение территорий для кочевания в рамках новых административных границ способствовало уменьшению неизбежных конфликтов между родами и племенами, что, несомненно, приводило к снижению количества случаев взаимных набегов с целью совершения барымты.

Новое административное деление в прежних владениях Среднего и Младшего жузов сдерживало казахов от новых междоусобиц и постепенно способствовало мирному разрешению конфликтов, с привлечением российских и выборных казахских чиновников. Арбитражный характер деятельности приказов обеспечивал достаточно объективное рассмотрение предметов для спора.

В то же время установление колониальной системы управления привело к значительным изменениям в общественных отношениях в Казахской степи. Султаны, которые не пошли на службу в имперские органы власти, стали разоряться, поскольку теперь были лишены своих привилегий и не имели права заниматься барымтой и работорговлей. Вскоре значительная часть султанов стала сливаться с основной массой рядовых кочевников. Это окончательно привело к разделению казахского общества на категории ак-суйек («белая кость») и кара-суйек («черная кость»).

В первой половине XIX в. султаны и родовые старшины, состоявшие на государственной службе, при поддержке российских чиновников начали захватывать лучшие зимние пастбища в личную собственность. Рядовые кочевники и часть родовой и племенной знати, не состоявшие на службе, пытались вернуть эти пастбища силой, но теперь на стороне представителей ак-суйек стояла вся военная и административная мощь Российской империи.

Таким образом, становление колониальной системы управления привело к ускорению процессов феодализации родовой и племенной казахской знати, и устранению из ее рядов противников объединения с Российской империей.

Распаду стала подвергаться не только родовая и племенная знать, но и кочевая община у казахов. Этому способствовало ускорение процессов развития товарно-денежных отношений.

Налаживание постоянной торговли способствовало имущественной дифференциации среди семей кочевников. К середине XIX в. сформировалась новая социальная группа – бай. Раньше так назывался любой богатый человек. Теперь же слово «бай» обозначало человека, занимавшегося организацией караванной торговли, а также ростовщика, предоставлявшего деньги под большие проценты.

Повышение спроса на скот и продукты скотоводства привело к тому, что казахское скотоводческое хозяйство, прежде всего байское, постепенно начинало приспосабливаться к требованиям рынка. Не только скотоводство, но и другие отрасли хозяйства стали приобретать товарный характер. Казахская степь становилась, в свою очередь, рынком сбыта зерна и промышленной продукции из других губерний Российской империи. В 1851 г. был разрешен беспшлинный ввоз хлеба. Активное участие в развитии торговли с другими российскими губерниями принимали казахские байы. Они брали у русских купцов на комиссию товары, которые затем перепродавали жителям своих аулов по более высокой цене. В связи ростом торговых оборотов российские деньги стали чаще использоваться казахами для взаимных расчетов, хотя значительная часть бедных кочевников, была вынуждена использовать натуральный продуктообмен.

По мере нарастания процессов экономической интеграции Казахской степи с Российской империей начиналось становление добывающей промышленности. Помимо традиционной добычи соли в солончаковых отложениях и соленых озерах начинается добыча руд цветных металлов, к которой в качестве дешевой рабочей силы стали привлекаться разорившиеся кочевники.

Разорение значительной части рядовых кочевников было напрямую связано с установлением колониальной системы управления. Если ранее родовые старшины и султаны согласно прежним традициям и обычаям были обязаны оказывать помощь бедным сородичам, то теперь, в условиях развития феодальных отношений рядовые кочевники были такой помощи лишены. В результате стала нарастать социальная дифференциация и массовое обеззе-

меливание казахов. Они привели к образованию новых общественных групп – «консы» и «байгус».

Консы – бедняки, потерявшие скот и вынужденные за небольшую плату обслуживать хозяйства баев. Они кочевали вместе с аулом хозяина, пасли его скот, выполняли всевозможные работы по хозяйственному обслуживанию, получая за это средства передвижения при кочевках.

Самую низшую часть казахского общества стали составлять байгусы. Они вообще отказывались от кочевого образа жизни и в поисках временного или постоянного заработка нанимались на работы в хозяйства прилинейных казахов (казаков, проходивших военную службу в крепостях, постах, пикетах, составлявших основу системы военных укреплений) а также уходили на рыболовные и соляные промыслы, на золотодобывающие рудники. Кроме того, байгусы за ничтожную плату нанимались к более состоятельным казахам пасти скот, пахать землю и выполняли различные домашние работы.

Следует отметить, что отсутствие скота тогда считалось у казахов показателем крайней нищеты. Поэтому если байгус смог накопить необходимые деньги, он обязательно покупал скот и снова уходил кочевать в степь.

В XIX в. резко упала роль такой социальной группы, как толенгуты, которые раньше были военными слугами хана и султанов. В связи с установлением колониальной системы управления и ликвидацией власти ханов и многих султанов их воинские навыки стали не востребованы. Самовольное обращение к барымте быстро заканчивалось уголовным наказанием и, как правило, ссылкой. В связи с этим часть толенгутов превратилась в полукрепостных работников в хозяйствах султанов, другая часть начала кочевать с остальными казахами, образовывая целые толенгутские роды.

Российское законодательство в середине XIX в. негативно относилось к рабству. Поэтому у казахов стало стремительно уменьшаться число рабов – кулов. Если в 1822 г. «Устав об управлении сибирских киргизов» установил запрет на приобретение новых рабов, то в 1859 г. Западно-Сибирский генерал-губернатор потребовал от всех султанов и баев расписку о том, что они предоставят свободу всем им принадлежащим рабам. Фактически же кулы стали пополнять ряды байгусов.

Таким образом, в течение 1820-х – 1850-х гг. казахское общество подвергалось стремительным процессам феодализации и распада кочевых общин. Этому способствовало новое территориально-административное деление Младшего и Среднего жузов. Участие в нем представителей казахской родовой и племенной знати способствовало социально-экономической интеграции значительной части Казахской степи в составе Российской империи. Переход к оседлому земледелию и пастбищному скотоводству способствовал преодолению набеговой системы и пресечению обычаев барымты, ранее процветавшей казахов на междоусобные войны.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. Какая система управления сложилась во владениях Среднего жуза в 1820–1840-х гг. после принятия Устава 1822 г.?
2. Какая система управления сложилась во владениях Младшего жуза в 1820–1840-х гг. после принятия Устава 1824 г.? В чем ее отличие от Устава 1822 г. М. М. Сперанского?
3. Какие социальные изменения стали происходить в казахском обществе при завершении присоединения Казахстана к Российской империи?
4. Какие изменения произошли в хозяйственном укладе казахов после вхождения в состав Российской империи Младшего и Среднего жузов?
5. В чем заключались отличительные черты в организации восстания Кенесары Касымулы (Касымова)? Почему, несмотря на его максимальный масштаб, оно потерпело поражение?
6. Каковы были основные причины антироссийских восстаний в Младшем и Среднем жузах?

ТЕМА 2. ИНТЕГРАЦИЯ КАЗАХСТАНА В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

2.1. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ СТАРШЕГО ЖУЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Владения Старшего жуза к началу XIX в. включали в себя районы Семиречья (Жетысу), среднего течения р. Сырдарья, предгорья Джунгарского, Заилийского и Киргизского Алатау, Каратауского хребта, междуречье рек Чу и Талас.

В отличие от Среднего и, особенно, Младшего жузов, в первой половине XIX в. казахские кочевые племена Старшего жуза находились в более сложной геополитической ситуации. Географическая близость Бухарского и Кокандского ханства на юге и западе, а также Цинской империи на востоке, позволяла этим государствам оказывать достаточно сильное политическое влияние на кочевавшие здесь племена Старшего жуза – жалаир, ошакты, дулат, канлы, шаньшыкылы, албан, суан, уйсун, сргели, ысты.

Предметом конфликтов являлись достаточно благоприятные в климатическом и географическом плане степи и предгорья между оз. Балхаш (Балкаш) и Алатау, а также долины, орошаемые ирригационными системами, с древних времен построенными на р. Сырдарья.

Климат в южных и юго-восточных районах всегда был более мягким, чем в засушливых районах западной, северной и центральной части Казахской степи. Это позволяло кочевникам здесь благополучно пасти большие стада. Вдоль достаточно увлажненных долин рек развивалось оседлое земледелие, сохранялась транзитная торговля по древнему «Шелковому пути», которая связывала караванными путями все достаточно крупные города Центрально-Азиатского региона.

После разгрома Джунгарского ханства владения Старшего жуза стали подвергаться постоянным набегам со стороны Кокандского ханства. Под их непрерывным давлением часть казахских родов и племен Старшего жуза была вынуждена признать над собой власть кокандских ханов. Другая часть казахских племен и родов Старшего жуза стремилась сохранить независимость от Коканда, поэтому стала обращаться за военной и политической помощью к Российской империи и изъявила согласие на принятие ее подданства. Впервые такое обращение поступило в 1818 г. Вскоре, в 1819 г., султан племени жалаир в составе примерно 66 тыс. чел. принес присягу на верность Российской империи.

В мае 1824 г. император Российской империи Александр I подписал указ о принятии в российское подданство 14 султанов Старшего жуза, кочевавших в Семиречье (Жетысу). В 1825 г. казахи племени уйсун также приняли подданство Российской империи и дали согласие на создание в своих владениях

нового внешнего округа. Затем в течение последующих 15 лет подданство Российской империи приняли почти все остальные племена и роды Старшего жуза. Данному процессу во многом способствовали благоприятные социально-экономические последствия присоединения к Российской империи владений Среднего и Младшего жузов. Их примеру теперь стали следовать и многие племена и роды Старшего жуза.

Следует отметить, что к середине XIX в. геополитические позиции Российской империи в Центрально-Азиатском регионе значительно укрепились. Имперская администрация и военное командование приобрели богатый опыт противодействия междоусобицам кочевых родов и племен в Казахской степи, что в первую очередь учитывалось султанами и биями Старшего жуза, когда они принимали решение о переходе в российское подданство.

В то же время необходимо учесть, что географическая близость и длительные культурные и экономические контакты казахов Старшего жуза с Кокандским и Бухарским ханствами способствовали более интенсивному распространению идей ортодоксального ислама в этой части Казахской степи, по сравнению с владениями Среднего и Младшего жузов. Это способствовало усилению политического влияния Кокандского ханства на ряд племен и родов Старшего жуза.

Казахские бии и султаны, принявшие ортодоксальный ислам суннитского толка становились искренними сторонниками идей ведения газавата – «священной войны» против Российской империи, проповедуемых хаджи (верующий, совершивший хадж в Мекку для поклонения мусульманским святыням. У казахов он обозначался приставкой к имени «кожа») и муллами, которых присылали в кочевья Старшего жуза власти Кокандского и Бухарского ханств.

При этом те кочевники, кто предпочитал сохранять традиционное вероисповедание и мировоззрение, больше ориентировались на расширение контактов с Российской империей, выступавшей мощным военно-политическим противовесом мусульманским государствам в Центрально-Азиатском регионе. Ими учитывался тот факт, что религиозная политика в Российской империи в первой половине XIX в. была достаточно терпимой к представителям разных конфессий, в том числе как к мусульманам, так и к представителям различных традиционных культов.

В то же время мусульманские проповедники из Коканда и Бухары всячески осуждали сторонников поклонения древнему культу Тенгри (Неба), который являлся основой для мировоззрения всех кочевников в Казахской степи. Агрессивная пропаганда ислама, наряду с введением дополнительных налогов в пользу Кокандского хана и его чиновников убеждала многих казахов Старшего жуза в том, что сохранение ими народных обычаев и традиционных ценностей возможно только под патронажем Российской империи.

По мере постепенного присоединения к Российской империи новых племен Старшего жуза в течение 1830-х – 1840-х гг. и создания в их владениях

военных крепостей и территориально-административных округов, пропаганда идей газавата среди казахов только усиливалась и приобретала откровенно антироссийские черты.

В середине XIX в. власти Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств активизировали набеги в пределы владений Российской империи, причем к этому они призывали и подчиненные им казахские племена Старшего жуза. В ходе постоянных вторжений кокандских войск в пределы российских военных линий разорению подвергались не только казачьи станицы и российские крестьянские села, но и владения аулов, подчиненных ага-султанам и другим чиновникам российской имперской администрации.

Кокандские ханы предоставляли военно-политическую помощь и убежище подвластным им казахским султанам от ответных экспедиций российских войск. В Кокандском ханстве находили укрытие и участники антироссийских восстаний. Все участники набегов на российские владения всегда имели законную возможность распродать награбленный скот и угнанных рабов на рынках городов Кокандского и Бухарского ханств.

В набегах на владения Российской империи в Казахской степи принимали участие в основном те представители родовой и племенной знати Среднего и Старшего жузов, которые были недовольны установленными ограничениями их традиционных прав, проявлявшимся в деятельности окружных и военных судов, руководствовавшихся нормами российского уголовного права.

Особенно много было султанов, недовольных отменой института ханской власти, и теперь утративших возможность получить возможность независимого управления в своих племенах. Наиболее влиятельным среди них был султан Садык – сын Кенесары Касымулы (Касымова). Он, в отличие от своего отца, признал над собой суверенитет Кокандского ханства и взамен получал от него необходимую материальную и финансовую помощь для систематических организации новых антироссийских выступлений, охвативших в 1850-х – начале 1860-х гг. районы Жетысу (Семиречья) и Алатау.

В Заилийском крае против продвижения российских войск и установления внешних округов в 1850 г. выступали казахи рода дулат, кочевавшие в долине р. Или. Они заключили союз с Кокандским ханством, а также с кыргызами, и начали крупномасштабные действия против русских войск. Центром вооруженного сопротивления являлось укрепление, принадлежавшее бию Тайшибеку при впадении р. Алматы в р. Каскелен.

Для борьбы с казахско-кокандским войском была сформирована специальная военная экспедиция под командой подполковника М. Карбышева. В мае 1851 г. русские войска разрушили укрепление бия Тайшибека и овладели междуречьем рек Или и Шу.

Помимо силовых методов имперская российская администрация использовала раздачу денежных пособий и обещания султанам и биям сохранить их прежние привилегии. Это способствовало значительному снижению масштабов антироссийского восстания в Заилийском крае.

Такая же политика сочетания военной силы и предоставления различных социально-экономических преференций родовой и племенной знати стала проводиться и в отношении кыргызских племен. Так, например, еще летом 1846 г. в ходе российской военной экспедиции в долине р. Кызылагаш манапы кыргызских родов во главе с Жантаем, Жангаром и Ормоном с 40 тыс. кочевников приняли присягу на верность Российской империи.

В 1847 г. отрядом сибирских казаков, возглавляемым есаулом Абакумовым, было основано военное укрепление Капал (в 81 км северо-восточнее от совр. г. Талдыкорган).

В январе 1848 г. здесь при нем был создан новый внешний округ, во главе которого был назначен российский пристав майор барон Врангель. Тогда он подчинялся судебнополицейскому ведомству Западно-Сибирского генералгубернаторства, возглавляемого князем Горчаковым.

Вскоре между крепостями Капал и Аягуз (основана в 1831 г. и переименована в Сергиополь в 1860 г.) были построены еще 12 пикетов, чьи гарнизоны стали формироваться за счет переселения сюда сибирских казаков.

Весной 1850 г. крепость Капал стала исходной базой для военной экспедиции капитана Гутковского, направленной для захвата кокандской крепости Таучубек (Таушубек), являвшейся опорным пунктом для набегов кокандских войск против казахов Жетысу (Семиречья), признававших подданство Российской империи. Подавляющее численное превосходство кокандского отряда, пришедшего на помощь к осажденным, тогда вынудило отряд Гутковского отступить обратно в крепость Капал.

Летом 1851 г. новую военную экспедицию с участием в ней отрядов казахского ополчения возглавил подполковник М. Карбышев (отец знаменитого советского генерала Д. М. Карбышева). Она без сопротивления кокандцев, без боя покинувших крепость, смогла захватить и разрушить укрепления Таучубека. Успех военной экспедиции М. Карбышева привел к тому, что в российское подданство попросились многие манапы кыргызских родов, кочевавших севернее оз. Иссык-Куль.

В 1853 г. последовала новая военная экспедиция, которую возглавил майор М. Перемышльский. Весной 1854 г. его отряд в долине р. Малой Алматинки начал строительство нового военного укрепления, которое впоследствии стало называться Верное (в дальнейшем г. Верный, Алма-Ата, совр. Алматы). В 1855 г. здесь была основана казачья станица под руководством нового пристава Шайтанова. В нее было переселено 400 семей сибирских казаков.

Помимо семей сибирских казаков первым населением укрепления Верное стали 470 солдат и офицеров русской регулярной армии. Если учесть, что в тот время солдат был обязан служить 20 лет (до 1834 г. срок службы в русской регулярной армии составлял 25 лет), то многие из военных поселенцев к окончанию срока своей военной службы имели семьи.

Дети солдат пополняли сословие кантонистов (военные поселяне) – социальной основы для расселения в крепостях военных линий Российской империи. Эти солдаты совмещали военную службу с ведением домашнего хозяйства, что способствовало в дальнейшем росту числа сельскохозяйственных колонистов в Семиречье, в основном из крестьян Воронежской губернии.

В дальнейшем вокруг поселения Верный стало увеличиваться число предприятий перерабатывающей промышленности (мельницы, пивоварни и т. п.), что стало привлекать казахов к более интенсивному переходу к оседлому земледелию. Это способствовало снижению конфликтности между ними и колонистами, прибывавшими из других районов Российской империи, и способствовало быстрому социально-экономическому развитию Семиречья.

Опорными пунктами для продвижения войск Российской империи в ходе боевых действий против Кокандского ханства восставших племен Старшего жуза также стали укрепления военной линии Алатау, Капал, Сергиополь, Лепсинск (Лепсы). Впоследствии образовались новые казачьи станицы Урджарская, Малая Алма-Атинская, Талгарская, Иссыкская, укрепления Узун-Агачское и Кастекское. Новые крепости позволяли постепенно вытеснять войска Кокандского ханства и их союзников из Заилийского края.

Одновременно с продвижением российских военных укреплений в Жетысу (Семиречье) происходило дальнейшее проникновение военных экспедиций к северному побережью Аральского моря и в долины р. Сырдарья. Здесь продвижением российских войск руководил Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский, который с 1833 г. (т. е. с момента своего назначения) поставил задачу предотвращения набегов на подведомственную ему территорию. В 1847 г. отряды уральских и оренбургских казаков закрепились в устье р. Сырдарья, где было основано Раимское укрепление (совр. аул Раим).

В 1848 г. был построен российский форт Казалы, ставший плацдармом для продвижения военных экспедиций вверх по течению р. Сырдарья, тогда находившихся под властью Кокандского ханства.

В 1853 г. в результате очередной военной экспедиции, возглавлявшейся Оренбургским генерал-губернатором В. А. Перовским, была взята штурмом крепость Ак-Мешит (Ак-Мечеть). Крепость была переименована в форт Перовск (совр. Кзыл-орда). Эта крепость стала опорным пунктом при образовании новой Сырдарьинской линии военных укреплений.

Данная экспедиция проводилась в качестве превентивной меры, направленной на ликвидацию крепостей Бухарского и Кокандского ханства, используемых в качестве опорных пунктов и баз сосредоточения казахских батыров и старшин, совершавших набеги в пределы владений Российской империи. В связи с возобновлением наступления русских войск в 1853 г. в степях, примыкавших к северному побережью Аральского моря, а также в низовьях р. Сырдарья при поддержке кокандских войск подняли восстание, соответственно, батыр Есет Котебарулы (Котебаров) и бий Жанкожа (Джан-ходжа) Нурмахамедулы (Нурмухамедов).

Поводом к антироссийскому восстанию стали проводимые русскими отрядами конфискации у кочевников верблюдов, необходимых для переброски военных грузов. Тогда и восстал род шекты, первоначально возглавляемый батыром Есетом Котебарулы. Повстанцы совершали постоянные нападения на военные посты и крепости и фактически контролировали степную местность, препятствуя подвозу продовольствия, боеприпасов для русских гарнизонов, располагавшихся в Ак-Мечети (Ак-Мешит) и других укреплениях в северном Приаралье.

Попытки военного разгрома отрядов повстанцев, предпринятые в течение 1854 г. существовавшего результата не давали, поскольку отряды батыра Есета Котебарулы уклонялись от прямых боестолкновений с русскими отрядами и уходили от преследования далеко в степи. Аналогичной тактики в низовьях р. Сырдарья затем стали придерживаться отряды повстанцев под руководством Жанкожи Нурмухамедулы, поднявшего восстание в декабре 1856 г.

В связи с тем, что Российская империя вела кровопролитную Крымскую войну в 1853–1856 гг. и не могла перебрасывать новых подкреплений для окончательного завоевания Центрально-Азиатского региона, установление ее полного военно-политического контроля во владениях Старшего жуза в тот период было далеко от завершения. Более того, воспользовавшись неудачным ходом Крымской войны, отряды батыра Есета Котебарулы в 1855 г. значительно активизировались и напали на владения ага-султана Арслана Жантюрина, традиционно выступавшего на стороне Российской империи. В июле 1855 г. его отряд толенгутов был разгромлен повстанцами, а сам султан Арслан Жантюрин убит.

Только после окончания Крымской войны у имперских властей появились возможности для переброски новых русских войск, усиливших гарнизоны крепостей и укреплений, созданных в результате военных экспедиций в конце 1840-х – начале 1850- гг. в районах северного Приаралье и Семиречья.

В результате появления свежих резервов русские войск военные экспедиции, предпринимавшиеся во второй половине 1850-х гг., отказались от попыток военного разгрома отряда повстанцев и перешли к систематическому их выдавливанию в безводные участки казахской степи.

Имперские власти, не имея достаточных сил для подавления восставших, стали подкупать отдельных казахских старшин и султанов, разжигать вражду между казахскими родами, пытаясь расколоть ряды повстанцев. В сентябре 1856 г. в урочище Сан отряд батыра Есета Котебарулы потерпел окончательное поражение, а остатки его сторонников присоединились к отрядам бия Жанкожи Нурмухамедулы.

Жанкожа Нурмухамедулы, один из соратников Кенесары хана в связи поражением его восстания в конце 1840-х гг. прекратил вооруженное сопротивление имперским властям. Однако после начала строительства укреплений в низовьях р. Сырдарьи и проведения мероприятий по обеспечению казахской колонизации он возобновил военные действия против русских войск.

Его поддержали кочевники рода шекты, выступавшие против трудовых мобилизаций на строительство военных укреплений, дополнительных поборов и откровенных грабежей, а также захвата земли переселенными в северное Приаралье оренбургскими казаками. Об этом докладывал Оренбургскому генерал-губернатору Перовскому комендант форта № 1 майор Булатов в декабре 1856 г. Он отдал распоряжения об усилении караульной службы, что было оправдано появлением 3 января 1857 г. у стен форта около 3 тыс. повстанцев под руководством Жанкожи Нурмухамедулы.

В декабре 1856 г. из Ак-Мечети на помощь форту № 1 вышла карательная экспедиция под командованием генерал-майора Фитингофа. В ходе кровопролитных боев 9–10 января 1857 г. повстанцы потерпели поражение и были вынуждены отступить на территорию Хивинского ханства. Бий Жанкожа Нурмухамедулы вскоре был убит своими соперниками. Аулы рода шекты, поддерживавшие повстанцев, были подвергнуты разграблению и жестоким репрессиям.

Поражение повстанческих отрядов было обусловлено прежде всего значительным техническим превосходством русской регулярной армии, постоянно получавшей пополнения из европейской части Российской империи.

Немалую роль сыграла и позиция большинства казахских султанов и биев, предпочитавших переходить на военную службу Российской империи и получать за это офицерские чины и денежные пожалования, но самое главное – сохранявших власть над своими сородичами.

Следует отметить, что русское военное командование принимало меры по пресечению грабежей казахских кочевников, которые периодически совершали казачьи отряды. После подавления восстания батыра Есета Котебарулы и бия Жанкожи Нурмузамедулы участникам военных экспедиций в степи было запрещено отбирать верблюдов у кочевников. Теперь за каждого верблюда кочевникам предусматривалась выплата по 5 руб. серебром, а захват скота у родов, не поддерживавших повстанцев, порицался, угнанный скот виновные теперь были обязаны вернуть прежним владельцам.

Сыграла свою роль и своекорыстная политика Кокандского и Хивинского ханства, а также Бухарского эмирата, которая не была нацелена на сохранение независимости казахских родов и племен Старшего и части Среднего жуза, и сама предполагала установление над ними своей власти посредством методов агрессивной исламизации и стремилась уничтожить наиболее самостоятельных вождей казахских повстанцев.

Наконец среди самих вождей племен и родов после смерти Кенесары Касымулы не нашлось харизматичного лидера, способного объединить всех кочевников Казахской степи, традиционно стремившихся сохранить прежний общественный уклад и не желавших признавать над собой власть своих соплеменников.

Таким образом, в течение двух десятков лет происходило поэтапное продвижение владений Российской империи, которые вплотную приблизились к границам Бухарского и Кокандского ханств в первой половине 1850-х гг.

В качестве военных укреплений Сырдарьинской линии вскоре стали строиться Аральское (совр. аул Раим), форт № 1 около селения Казалинское (совр г. Казалинск), форт № 2 в урочище Кармакчи (совр. п. Джусалы), форт № 3 на р. Куандарья (Куван-Дарья).

Военные гарнизоны этих крепостей в основном составляли оренбургские и уральские казаки. Сырдарьинская военная линия с 1853 г. начала объединяться с укреплениями Сибирской военной линии, которой командовал Западно-Сибирский генерал-губернатор Г. Гасфорд, командующий отдельным Сибирским корпусом внутренней стражи.

Военные линии состояли из цепочки пикетов, располагавшихся друг от друга на расстоянии 30–40 км и соединявшие форты в единую систему укреплений, позволявших оперативно перемещать резервы для подавления вооруженных выступлений и обеспечения продвижения русских войск вдоль караванных путей и рек.

Продвижение русских войск под общим командованием Г. Гасфорда (со стороны Семиречья) и В.А. Перовского (со стороны Ак-Мечети) по сходящимся линиям привело к формированию более благоприятных геополитических условий для дальнейшего вторжения во владения Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств в первой половине 1860-х гг.

В 1859 г. в пограничном районе Старшего жуза и современного Северного Кыргызстана было возведено новое военное укрепление Кастек. Это позволяло в дальнейшем продвигаться русским войскам в долине р. Чу и обеспечить захват кокандских крепостей Аулие-Ата, Шымкент и Ташкент.

В начале 1860 г. русским войскам удалось потеснить кокандцев на территории северной части современного Кыргызстана. Весной 1860 г. под командованием майора Г. А. Колпаковского в долинах р. Чу проходила экспедиция, в ходе которой были захвачены кокандские крепости Токмак и Пишпек (г. Фрунзе, совр. Бишкек).

В ответ Кокандский хан решил контратаковать русские позиции с целью восстановления своего политического контроля над Семиречьем. В октябре 1860 г. 20-тысячное кокандское войско вторглось в Заилийский край. Двумя отрядами хана Канаата-ша, правителя Ташкента и хана Алимбека из Коканда кокандская армия двинулась на укрепление Верное.

Основу кокандской армии составляла конница (состояла из наемных джигитов, оснащенных холодным оружием и кольчугами) и пехота из сарбазов (плохо обученные ополченцы из ташкентских и кокандских ремесленников и мелких торговцев). При кокандцах была артиллерия, состоявшая из шести медных пятифунтовых пушек, под командой русского беглого каторжника Евграфа.

Хан Канаат-ша предполагал набегами конных отрядов распылить силы русских отрядов вдоль укрепленной линии, а затем обрушиться с главными силами своего войска на укрепление Верное и его станицы, где находились склады, магазины и всякого рода запасы.

Навстречу ему выдвинулся сводный Заилийский отряд подполковника Г. А. Колпаковского. Сводный отряд состоял из 9 рот и 6 казачьих сотен при 9 орудиях и 2 ракетных станках – всего 2440 солдат и казаков, а также включал в себя отряд лёгкой казахской конницы.

Во главе казахских ополченцев стоял знаменитый Сураншы батыр вместе со своими братьями, который возглавил восстание против Кокандского хана Кудияра ещё в 1858 г. Кроме них при отряде Г. А. Колпаковского были казахские ополченцы под руководством султана Аблеса Аблиева, прапорщика Коджегула Байсеркина и батыра Куата.

Узун-Агачское (состоялось недалеко от урочища Узынагаш) сражение длилось в течение трех дней – с 18 по 21 октября 1860 г. недалеко от укрепления Кастек.

В результате решительных действий офицеров отряда есаула Бутакова, подполковника Шайтанова, штабс-капитана Обуха, капитана Соболева, поручиков Вроченского и Шаняевского, фельдфебеля Штинева, а также хорошей выучки солдат и казаков, все атаки кокандской конницы были отбиты. Войска хана Канаат-ша понесли большие потери (на поле боя осталось более 400 человек, ранено – более 600) и были вынуждены отступить.

За участие в сражении при Узун-Агаче султан Аблес Алиев был награжден золотой медалью, прапорщик Каджегул Байсеркин – орденом Святого Владимира 4-й степени. Награждены были все активные участники сражения. При этом Г. А. Колпаковский, получивший за победу под Узун-Агаче очередное звание полковника, не стал привлекать к ответственности тех султанов из племени дулат, кто уклонился от участия в боевых действиях.

Имперские власти тогда не стали применять репрессии даже по отношению к ополченцам Суранчи бия, которые в ходе наступления кокандского войска примкнули к нему. Их оправдывало только то, что эти ополченцы в ходе сражения заняли выжидательные позиции, и активных действий против русских войск не предпринимали. Сам Г. А. Колпаковский лишь пожурил султанов за измену. Их даже не лишили данных ранее офицерских званий русской армии и государственных наград.

Стремительное продвижение российских военных экспедиций вдоль р. Сырдарья, в Семиречье и Заилийском Алатау в 1850-х – начале 1860-х гг. во многом осуществлялось при добровольной поддержке большей части казахских племен, недовольных усилением власти Кокандского хана. В завершающий период вхождения Старшего жуза в состав Российской империи на стороне российских войск выступали отряды под руководством батыра Сураншы, батыра Шаяна, Жайнак бия.

Успешные боевые действия при Узун-Агаче были использованы для дальнейшего наступления русских войск в Заилийском крае. В 1862 г. окончательно был взят контроль над г. Пишпек (совр. Бишкек).

В 1863 г. подданство Российской империи приняли 4 тыс. семей племени коньрат и 5 тыс. семей рода бестанбалы Старшего жуза.

Весной 1864 г. началось новое наступление русских войск. В мае из укрепления Верное вышел отряд под командованием полковника М. Г. Черняева, который вскоре штурмом взял крепости Аулие-Ата, Туркестан и Мерке. 22 сентября 1864 г. отряды полковника М. Г. Черняева и подполковника Лерхе взяли Шымкент (Чимкент). В результате этой военной экспедиции произошло окончательное соединение в единую систему Сибирской и Оренбургской линий военных укреплений.

В 1865 г. русские войска под командованием генерал-майора М.Г. Черняева овладели г. Ташкент. При этом был использован военный конфликт Бухарского эмира и Кокандского хана. После захвата Ташкента приказом военного министра Д. А. Милютина была образована Туркестанская область, которая была подчинена Оренбургскому генерал-губернатору.

Осенью 1866 г. отряды М. Г. Черняева начали вторжение во владения Бухарского эмирата. При этом продвижение русских войск не встречало вооруженного сопротивления со стороны местного населения. Благодаря этому северные владения Бухарского эмирата вошли в состав Российской империи.

В мае 1873 г. русские войска под командованием генерал-адъютанта К. П. Кауфмана и генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина захватили г. Хиву. Хивинский правитель Мухаммад Рахим-хан признал над собой протекторат Российской империи.

В результате военных поражений Кокандского и Хивинского ханства, а также Бухарского эмирата были созданы новые геополитические условия, когда все казахские племена и роды Старшего жуза, а также племена Среднего жуза, кочевавшие в северном Приаралье окончательно оказались под полным административным и военно-политическим контролем Российской империи.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. В чем заключалась особенность геополитического положения владений Старшего жуза в первой половине XIX в.?

2. Почему многие кочевники Старшего жуза не стремились отказываться от прежних обычаев и традиций и переходить в ислам?

3. Какие причины способствовали переходу в подданство Российской империи многих родов и племен Старшего жуза в середине XIX в.?

4. Почему антирусские восстания во владениях Старшего жуза были обречены на поражение?

5. Как повлияли на присоединение Старшего жуза к Российской империи сражение при Узун-Агаче, а также объединение Оренбургской и Сибирской линий военных укреплений?

2.2. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ РОССИИ В КАЗАХСТАНЕ в 1867–1868 гг., 1886–1891 гг. и их последствия

В начале 1864 года российское правительство приступило к разработке проектов административных преобразований в казахских землях. Правительство учитывало мнение сибирской и оренбургской администрации, которые имели определенный опыт управления кочевым населением Младшего и Среднего жузов. В разработке проекта принимали участие различные правительственные учреждения: Азиатский департамент, Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел и Военное министерство.

В 1865 г. была создана «Киргизская степная комиссия» по инициативе военного министра и министра внутренних дел. В результате более чем двухлетней деятельности «Степной комиссии» в конце 1867 г. был завершен проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства», утвержденного указом императора Александра II от 11 июля 1867 г.

Весной 1868 г. был завершен проект положения об управлении в Приуральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях, утвержденный 21 октября 1868 г.

«Положение» вводилось сроком на два года. Сроки, определенные в этих документах, указывали на то, что российское правительство было не уверено в положительном эффекте новой системы управления в Степных областях. В связи с этим положения назывались «временными»¹.

Согласно «Временным положениям», правительство отнесло кочевое казахское население к категории сельских обывателей. Российское законодательство освобождало казахов от военной обязанности. В «Положении» отмечалось, что служащие от коренного населения, а также знатные родоначальники «за усердную службу» награждались почетным гражданством, орденами и ценными подарками.

Правительство существенно ограничило влияние мусульманского духовенства в Казахстане. Духовные дела в Степном крае были изъяты из ведения Оренбургского духовного управления и были переданы непосредственно российской администрации. Строительство мечетей и соборов могло осуществляться только с разрешения генерал-губернатора. В каждой волости разрешалось иметь только одного выборного муллу из числа местных жителей. Строго запрещалась миссионерская деятельность на территории Казахстана представителей духовных центров Средней Азии, Поволжья, а также стран мусульманского Востока.

Согласно новым правилам, в каждом уездном городе планировалось открыть общую школу «для всех без различия народностей». Детям кочевников

¹ См.: *Ахметова Н. С., Кожжахметов Г. З.* История государства и права Республики Казахстан. Караганда: КарГУ, 2001. Ч. 1. С. 256.

разрешалось учиться в школах казачьих станиц, деревнях «безвозмездно или за умеренную плату». На устройство и содержание школ правительством отпускались определенные суммы.

В каждом уездном городе предполагалось открытие специального медицинского пункта с назначением уездного врача и повивальной бабки. Главный надзор за медицинской частью осуществлял областной доктор, которому предоставлялись права губернского врачебного инспектора. Лечение больных осуществлялось бесплатно, причем, кроме этого, уездный врач должен был объезжать поселки и аулы, особое внимание уделяя оспопрививанию и общему медицинскому осмотру населения¹.

«Временное положение» четко закрепляло правовой статус казахских земель. В нем отмечалось, что земли, занимаемые кочевниками, считаются государственными и передаются во временное пользование населению. Это означало, что государство могло перераспределить земли казахов в случае острой необходимости. В последующем эта идея была развита дальше в «Степном положении» в интересах переселения и колонизации края².

Во «Временных правилах» 1868 г. указывалось, что они вводятся в крае сроком на два года. Это означало, что местные власти, учитывая двухлетний опыт работы с новыми управленческими и правовыми институтами, выскажут свое мнение об их целесообразности и недостатках. Предполагалось, что будут представлены более приемлемые способы и методы организации колониальной власти на местах.

Обсуждение этой проблемы началось в 1871 г. В Оренбургском и Западно-Сибирском губернаторствах были созданы местные Комитеты для рассмотрения результатов деятельности администрации по реализации Временного положения и выработке своих предложений по данному вопросу.

В 1885 г. для разработки общего положения по управлению Степным краем была создана специальная правительственная Комиссия под председательством заместителя министра внутренних дел В. К. Плеве. Состав Комиссии был весьма представительным, в него вошли руководители различных министерств и ведомств – Военного, Иностранных дел, Юстиции, Министерства государственных имуществ, Азиатского департамента и т. д.³

В результате пятилетней деятельности Комиссией было выработано «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», законодательно утвержденное 25 марта 1891 г.

Как показала дальнейшая практика, в таком окончательном виде Положение 1891 г., параллельно с «Туркестанским положением» 1868 г., просуществовало вплоть до 1917 г.

¹ См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 131.

² См.: *Ахметова Н. С., Кожжахметов Г. З.* Указ. соч. С. 259.

³ См.: *Абдрахманова Б. М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 95.

«Степное положение» подтвердило статус казахов как сельских обывателей. Кроме этого, оно позволяло им приобретать привилегии на общих со всеми гражданами империи основаниях. Как и во «Временных правилах», правительство поощряло кочевников, принявших христианство. Давало им защиту, привилегии и льготы.

Статус мусульманского духовенства в крае в связи с принятием «Степного положения» не изменился. Все так же на каждую волость избирался один духовный наставник. На возведение мечетей по-прежнему давал разрешение генерал-губернатор. Вопросы образования и здравоохранения были намного усилены в «Степном положении», оно по-прежнему оставалось бесплатным и доступным для населения, намного увеличилось штаты, а также объем обслуживания местных жителей¹.

Основная подать с местного кочевого населения по «Степному положению» была определена в 4 рубля с каждой кибитки, что было выше, чем в предыдущих «Временных правилах». Подсчет кибиток осуществлялся один раз в три года. Налог собирался ежегодно и не дифференцировал финансовое положение казахских семей, поэтому и бедные, и богатые платили одинаково, что было несправедливо².

В «Степном положении» особое место уделено земельному вопросу. Если в предыдущих «Временных правилах» отмечалось, что земли кочевников считаются государственными, то «Степное положение», подтверждая эту идею, идет дальше. В ст. 120 отмечается «Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ», что на деле означало: государство может изымать, при необходимости, земли коренных жителей. Впоследствии это стало юридическим обоснованием для изъятия миллионов десятин под переселение крестьян из Центральной России и вытеснение коренных жителей в пустынные и полупустынные земли³.

В соответствии с «Положением» Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области относились к Степному генерал-губернаторству. Чуть позже Семиреченская область отошла в ведение Туркестанского генерал-губернаторства. Штаб-квартира Степного генерал-губернатора находилась в г. Омске. Две другие области – Уральская и Тургайская были под ведением МВД и управлялись военными губернаторами. Военные губернаторы выше-названных областей были самостоятельными в своих действиях и решениях. При этом, находясь в едином регионе, они подчинялись единому законодательству, и все свои планы согласовали со Степным генерал-губернатором.

Резиденция военных губернаторов Уральской области находилась в г. Уральске, Тургайской – в г. Оренбурге. В административном порядке в

¹ См.: *Ахметова Н. С., Кожяхметов Г. З.* Указ. соч. С. 266.

² См.: *Материалы по истории политического строя Казахстана.* Т. 1. С. 398.

³ См.: *Ахметова Н. С., Кожяхметов Г. З.* Указ. соч. С. 268.

«Степном положении» не произошло особых изменений: области по-прежнему делились на уезды, уезды – на волости, волости – на аулы и поселки. По сравнению с предыдущими «Временными правилами» усилились полномочия Степного генерал-губернатора. В частности, ему вверялось высшее управление в крае и не один нормативный акт не имел законной силы без одобрения генерал-губернатора¹.

Вся структура колониального управления, начиная от военного губернатора и кончая аульным старшиной, была подконтрольна Степному генерал-губернатору. Таким образом, многое зависело от личности генерал-губернатора, его взглядов, убеждений и отношения к коренному населению.

Как и по «Временным положениям», области управлялись военным губернатором и Областным правлением. Полномочия военного губернатора не изменились. По-прежнему оставалось неизменным и Областное правление. Однако позже, в 1898 г., с ведением на территории Казахстана некоторых элементов российского судоустройства и созданием окружных судов и судебных палат, Областные правления потеряли судебные полномочия².

В 1902 г. в Казахстане в структуру уездного управления была введена должность крестьянского начальника. Крестьянских начальников в каждом уезде назначалось по четыре человека, они являлись первыми помощниками уездных властей. Необходимость введения этого института в Степном крае была вызвана усилением переселенческого дела в Казахстане и увеличением численности его жителей.

Крестьянские начальники выполняли все функции уездных начальников и наделялись широкими административно-полицейскими полномочиями³.

Подытоживая значение обоих документов – «Временного» и «Степного» положений – можно отметить, что их различие было лишь в том, что они законодательно отражали определенные этапы колонизации края, в которых еще конкретно не были определены гарантии прав и свобод коренных жителей.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. По чьей инициативе была создана «Киргизская степная комиссия»?
2. Почему административные положения 1867–1868 гг. были названы «Временными»?
3. Какой правовой статус за казахскими землями закреплялся согласно «Временному» положению?
4. Назовите особенности правового статуса, закрепленного за казахами согласно административным реформам 1867–1868, 1886–1891 гг.
5. Охарактеризуйте в общих чертах структуру управления согласно административным положениям второй половины XIX в.

¹ См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 338.

² См.: Ахметова Н. С., Кожаметов Г. З. Указ. соч. С. 270.

³ См.: Дамешек Л. И. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. Иркутск, 1986. С. 67.

2.3. СИСТЕМА ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

11 июля 1867 г. было издано «Временное положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей», составлявших часть только что образованного Туркестанского генерал-губернаторства. В следующем году было утверждено «Временное положение об управлении в Уральской Тургайской Акмолинской и Семипалатинской областях». В 1886–1891 гг. эти «Временные положения» с изменениями были утверждены как постоянные и продолжали действовать до самой Октябрьской революции 1917 г.

Положениями 1867-1868 гг. казахское население было отнесено к категории сельских обывателей. Устанавливая такое положение, российское законодательство исходило из того что материальный быт как кочевых, так и оседлых инородцев обуславливается пользованием землей. Временным положением 1868 года казахам были предоставлены преимущества перед другими сельскими обывателями, состоявшие в освобождении от уплаты гербовых пошлин и от выполнения всеобщей воинской повинности. Однако уже в 1882 г. они были подчинены гербовому уставу наравне с другими сельскими обывателями, были отменены переходящим к оседлости казахам и другие льготы.

В 1910 в Оренбурге, Омске и Ташкенте были созваны совещания с участием генерал-губернаторов, губернаторов и других должностных лиц для обсуждения этой проблемы. Всесторонне обсудив настроения казахского и других народов, совещание отрицательно отнеслось к введению воинской повинности среди них¹.

Положение 1867–1868 гг. внесло существенные изменения в правовое состояние казахской аристократии.

Казахским султанам Сибирского ведомства были предоставлены права потомственного дворянства при том условии, что они прослужат по выборам трехлетний срок в звании старших султанов, а с ликвидацией должностей последних – в должности волостных управителей.

Это существенно изменило социально-политическое положение в казахском обществе. Звание султана теперь имело уже скорее почетное историческое, чем юридическое значение.

Только три султанских фамилии сохранили дворянское звание и были освобождены от уплаты налогов: Букея, Вали и Айшуака. Они давно и активно сотрудничали с российскими имперскими властями, содействуя всеми силами интеграции Казахской степи в состав Российской империи.

По «Временному положению» звание биев присваивалось лишь на время состояния в должности судей. После введения в действие Положения 25 мар-

¹ См.: История государства и права Казахской ССР: учеб. пособие / под общ. ред. С. С. Сартаева. Алма-Ата, 1982. Ч. 1. С. 122.

та 1891 г. звание биев не сохранилось уже и за народными судьями. Но в народе они продолжали называться биями.

До реформ 1860-х гг. казахи платили два вида налога: ясачный и кибиточный сбор. «Временные положения» установили единообразную налоговую систему для кочевников: кибиточный сбор. Если в 1867 г. размер кибиточного сбора равнялся цене одного барана: 2 руб. 50 коп., то в 1887 г. он был повышен до 4 рублей. Был установлен одинаковый размер налога независимо от благосостояния отдельных хозяев¹.

Кроме этого, на население возлагались расходы по местному управлению, подворная повинность и так называемый «карашыгын». Последний собирался полуофициально для организации и проведения различных съездов казахской аристократии, обеспечения поездок чиновников российской администрации.

В этот же период, в 60-х гг. XIX в., территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства, в основу которых было положено старое деление на Старший, Средний и Младший жузы.

По реформам 1867–1868 гг. территория Казахстана была разделена на шесть областей, входивших в состав трех генерал-губернаторств. Области Уральская и Тургайская были переданы в ведение Оренбургского генерал-губернаторства; Акмолинская и Семипалатинская – Западно-Сибирского; Семиреченская и Сырдарьинская входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Области делились на уезды, уезды, в свою очередь, подразделялись на волости, а волости – на аулы.

В составе аула предполагалось от ста до двухсот, а в волости – от тысячи до двух тысяч кибиток.

Вновь установленное административное деление не соответствовало группировкам казахов в общины по родовым признакам, прежние родовые группы, численность которых значительно превышала две тысячи кибиток, должны были распастись на части, отходя в разные волости, а мелкие родовые группы должны были соединиться с другими, чтобы составить волости установленных размеров. Таким образом, введение «Временным положением» в 1867–1868 гг. территориальной определенности способствовало разрушению родоплеменной структуры казахского общества.

Во главе областей стоял военный губернатор и областное правление. Областное правление состояло из трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судебного. Начальники отделений областных правлений назначались и увольнялись генерал-губернатором, а отдельные члены областного правления назначались военным губернатором.

Военные губернаторы в Казахстане обладали исключительно широкими полномочиями, они совмещали в своей деятельности гражданскую, военную,

¹ См.: История государства и права Казахской ССР: учеб. пособие / под общ. ред. С. С. Сартаева. С. 124.

административную и судебную власть, тогда как губернаторы в центральных районах Российской империи обладали только гражданской и административной властью.

Распорядительное отделение занималось административным делением областей, административными взысканиями и преданию суду должностных лиц за преступления и проступки по должности, рассмотрением решений по выборам на должности «общественного самоуправления».

Хозяйственное отделение наблюдало, в частности, за распределением земель между жителями, а также за взиманием с казахов податей и сборов; судебное отделение готовило к слушанию гражданские и уголовные дела, которые областное правление рассматривало как судебная палата.

Волостные управители по представлению уездного начальника освобождались от должности военным губернатором. Кроме того, уездный начальник имел право временно отстранять от должности волостного управителя с последующим уведомлением об этом военного губернатора; от уездного начальника зависела также смена и отстранение от должности аульных старшин.

Во главе низовых административных единиц волостей и аулов, созданных по реформам 1867–1868 гг. в Казахстане, была введена двухзвенная система управления, состоявшая, соответственно, из аульного схода и аульного старшины, волостного схода и волостного управителя.

Время и место аульных сходов и волостных съездов для выборов определялись уездным начальником.

Выборы аульного старшины должны были происходить при обязательном участии в них волостного управителя, который обязан был наблюдать за порядком на выборах, но вмешательство его «в направление выборов строго воспрещалось».

Аульным старшиной становилось лицо, пользовавшееся благосклонностью волостного управителя.

Выборы волостных управителей сопровождались ожесточенной предвыборной борьбой. А. Букейханов в своей статье «Выборы» отмечал, что выборы в Казахстане, подобно «джуту» в степи, когда все население, бросив свои дела, занято только мыслью: кто встанет у власти? А те, кто боролся за власть, пускали вход деньги, угрозы, насилие, с надеждой, получив должность, сполна расплатиться со своими противниками и в многократном размере вернуть затраченное¹.

Перед выборами волостного управителя в каждой волости образовались две, а иногда и больше родовых «партий», которые стремились провести своего кандидата в волостные управители.

¹ См.: Нургалиев Р. Творческое наследие А. Букейханова // Простор. Алматы, 1995. № 4–5. С. 130.

Выборы волостного управителя должны были производиться при обязательном участии в них уездного начальника или его помощника, которыми допускались злоупотребления и нарушения на выборах.

Главными распорядительными органами «общественного самоуправления» считались в волости – волостной съезд, а в аулах – аульный сход.

К ведению волостного съезда относились следующие вопросы: выборы должностных лиц волостного управления – волостного управителя и кандидата к нему, а также биев – судей; разрешение споров по земельным вопросам, представление ведомости о числе кибиток в волости уездному начальнику, присутствующему на съезде; определение сборов и повинностей, кибиточного сбора.

В ведении же аульного схода был следующий круг вопросов: выборы аульного старшины; перераспределение летних и зимних кочевий между отдельными семьями; разрешение земельных споров; распределение всякого рода сборов и повинностей между ними; принятие определенных мер к взысканию недоимок по налогам; определение суммы жалования, выплачиваемого аульному старшине.

Решение волостного съезда и аульного схода должны были выполняться, соответственно, волостным управителем и аульным старшиной.

Волостные управители наделялись и определенными полицейскими функциями. В частности, они отвечали за сохранение «спокойствия» и «порядка» в подчиненной им волости; должны были наблюдать за тем, чтобы в волости не производилась барымта; доставлять ответчиков по судебным искам и представлять свидетелей на судебное заседание биев – судей¹.

Аульный старшина, который находился в непосредственном подчинении у волостного управителя, выполнял почти те же самые функции, что и волостной управитель.

Несмотря на массовые злоупотребления «народных избранников», подерживаемых уездным начальником и военным губернатором «Временные положения» 1867–1868 гг. в какой-то степени носили и объективно положительный характер. Они способствовали переходу казахов к оседлому земледелию, в определенной мере ограничивали произвол казахской родовой знати в отношении бедных слоев казахского населения, вводя выборные начала в формирование органов «общественного самоуправления» и предоставляя активное избирательное право большому количеству казахского населения по сравнению с предыдущими законодательными актами, согласно которым такое право имели только представители феодально-родовой знати.

В 1865 г. был принят закон об образовании Туркестанской области, управление которой было поручено особому военному губернатору с возложением на него функций командования всеми расположенными в области

¹ См.: История государства и права Казахской ССР: учеб. пособие / под общ. ред. С. С. Сартаева. С. 133.

войсками, в военном отношении он подчинялся командующему войсками Оренбургского края. С учреждением в 1867 г. Туркестанского края был образован Туркестанский военный округ для управления военными силами в Семиреченской и Сырдарьинской областях. Командование всеми войсками округа было вверено генерал-губернатору, а военные губернаторы командовали войсками в областях.

Для военного управления степными областями был организован в 1865 г. Западно-Сибирский военный округ, преобразованный затем в Омский. В соответствии с особенностями местной службы в Омском военном округе управление местными войсками подчинялось военным губернаторам Семипалатинской области и области Сибирских казахов. В декабре 1868 г. было принято Временное положение о военном управлении в степных областях, в соответствии с которым военное и гражданское управление в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях вверялось военным губернаторам с присвоением им званий командующих войсками в областях.

В дальнейшем функции военных губернаторов расширились. В соответствии с Положением Военного Совета от 23 января 1896 г. Военный губернатор Уральской области был вместе с тем и наказным атаманом Уральского казачьего войска. Наказным атаманом являлся и военный губернатор Семиреченской области. Военные губернаторы начальствуют над всеми регулярными войсками и строевыми казачьими частями, военными укреплениями, расположенными во вверенных им областях. Уездным начальникам войска подчинялись в отношении боевого и служебного их употребления, сохранения общего воинского порядка и дисциплины.

Таким образом, вся военная власть, как и гражданская, сосредоточивалась в руках уездных начальников и военных губернаторов.

Организация военного управления в Казахстане преследовала двоякую цель. Во-первых, российское правительство стремилось укреплять границы, создавая там военно-казачьи поселения. Так, в 1872 г. Государственный совет предоставил командующему войсками Западно-Сибирского военного округа право ежегодно поселять по пятьдесят семей из казачьего войска на новой границе. Во-вторых, создание в Казахской степи казачьих поселений имело целью создание военных сил как опоры российской имперской администрации на случай волнений среди казахского населения¹.

Первоначально «Временное», а затем «Степное» положения стали реализовывать идею подчинения местных жителей общеимперскому праву и суду с большими или меньшими успехами, узаконив в крае две категории судебных учреждений (имперские и народные суды), параллельно действовавших до падения самодержавия в России.

¹ См.: История государства и права Казахской ССР: учеб. пособие / под общ. ред. С. С. Сартаева. С. 137.

В систему имперских судов по «Временным положениям» входили областное правление, военно-судные комиссии и уездные суды.

Областное правление не только являлось органом колониального управления, но и имело функции судебной палаты по уголовным и гражданским делам. Оно рассматривало все уголовные и гражданские дела, не относящиеся к компетенции военных судов и уездных судей. Областное правление как вышестоящая инстанция рассматривало жалобы на приговоры и решения, вынесенные уездным судьей.

Военно-судные комиссии в отношении коренных жителей рассматривали следующие виды преступлений: за измену, возбуждение к сопротивлению против правительства, явное неповиновение властям, нападение на почты и казенные транспорты, повреждение телеграфов, убийство лиц, изъявивших желание принять христианство, и убийство должностных лиц. Губернатор официальным распоряжением передавал следственные материалы в военно-судные комиссии.

Следующей инстанцией судебной системы края был уездный судья. Уездный судья назначался правительством по представлению генерал-губернатора с утверждением министра юстиции в каждом уезде. Непосредственный надзор за уездными судьями осуществляло Областное правление.

Уездному судье законодательством предоставлялись полномочия мировых судей согласно судебным Уставам 1868 г. и обязанности судебного следователя. Любая жалоба или заявление о совершенном преступлении поступали непосредственно к уездному судье. Если дело попадало под его юрисдикцию, он сам осуществлял судопроизводство и выносил решение. В другом случае он вел расследование как судебный следователь и направлял дело той инстанции, которой оно было подсудно. При проведении следственных действий судья мог привлечь на помощь местные полицейские органы. При решении дел он руководствовался общероссийским законодательством. Кроме уголовного, уездный судья занимался и гражданским судопроизводством.

Областное правление как главная инстанция в крае рассматривало все крупные гражданские дела. Однако и решение управления можно было обжаловать в Правительствующем Сенате, который являлся высшим судебным органом Российской империи¹.

Дальнейшее развитие судебная система получает по «Степному положению» 1891 г. Согласно ему имперская судебная система состояла из мировых судей и областных судов; как и прежде, высшей инстанцией оставался Правительствующий Сенат Российской империи.

Областной суд рассматривал все крупные уголовные и гражданские дела, которые были связаны с лишением или ограничением прав состояния. Все остальные вопросы решались мировыми судьями.

¹ См.: *Ахметова Н. С., Кожяхметов Г. З.* Указ. соч. С. 275.

Закон допускал представлять интересы тех или иных лиц на судебном процессе частным поверенным, т. е. адвокатам. Следует иметь в виду, что существовало две категории адвокатов: частный поверенный и присяжный поверенный. Их отличие было в том, что присяжные поверенные были адвокатами, состоящими при штате того или иного суда, тогда как частным поверенным могло быть любое лицо, имевшее соответствующее образование, возрастной и половой ценз, в частном порядке защищавшее обвиняемого. Введение защитника на суде было прогрессивным явлением для Степного края.

Мировой судья, в отличие от российского, не был выборным, а назначался из лиц мужского пола, имевших юридическое образование, и рекомендованных высшестоящими судебными учреждениями. В Казахстане на должность мирового судьи практиковалось выдвижение представителей коренного населения.

Мировым судьям были подсудны дела, не связанные с ограничением или лишением прав состояния. Их приговоры признавались окончательными со штрафом до 50 рублей либо арестом до 7 дней. Решения свыше этих норм могли быть обжалованы в областном суде.

Несмотря на ограниченность правомочий, мировой судья был близок к населению, значительно упростив прежнюю волокиту возбуждения и решения дел в суде. Приговоры мирового судьи исполнялись органами полиции. Мировой судья также мог рассматривать дела, подсудные бийскому суду, по согласию обеих сторон.

В начале XX в. в связи с началом революционного движения в Казахстане были введены военные и военно-полевые суды. Военные суды вводились в местностях, объявленных на военном положении¹.

Военно-полевой суд, в отличие от других судов, рассматривал дело в течение двух суток. По инструкции в судебном разбирательстве не допускались защитники. Членами военно-полевого суда могли быть только офицеры. Подсудимый не имел права обжаловать решение военно-полевого суда. Приговор суда приводился в исполнение на месте, как правило – смертная казнь. Представители местного населения приговаривались к смертной казни через повешение.

Народные суды или суды биев существовали параллельно с общеимперской судебной системой в Казахстане, как до введения «Временного» и «Степного» положений, так и после. Из ведения суда биев были изъяты дела о государственных преступлениях, убийствах, барымте, грабеже, разбое и другие тяжкие преступления и переданы имперским судам. В его ведении остались немногочисленные уголовные и гражданские дела, также семейно-брачные отношения.

¹ Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966. С. 42.

«Временные положения» четко определяли правовой статус бийского суда. Он с этого времени стал называться народным судом. Бии избирались сроком на три года. В каждой волости предполагалось от 4 до 8 биев. Их выборы проводились одновременно с выборами органов «общественного управления» казахов. Согласно законодательству на должность бия мог претендовать любой, кто пользовался уважением и доверием народа.

Существовали три инстанции бийских судов: единоличный судья, волостной и чрезвычайный съезды биев.

Бии по закону не получали жалованья, а имели вознаграждение в размере 10 % от общей суммы иска, который именовался «бийлик». Решения единоличного судьи были окончательными по делам с иском на сумму до 30 рублей. Волостные съезды биев имели право решать дела на любую сумму, но окончательными их решения были по делам с иском до 500 рублей. И, наконец, чрезвычайные съезды биев созывались в тех случаях, если дело касалось интересов волостей нескольких уездов.

«Степное положение» 1891 г. внесло в народный суд некоторые незначительные изменения. Российское правительство чрезвычайному съезду биев предоставило возможность ходатайствовать о высылке тех или иных правонарушителей за пределы края. Кроме этого, чрезвычайные съезды биев назначались по распоряжению губернатора¹.

В результате правительственных мер по «Степному положению» 1891 г. только мелкие уголовные и гражданские дела регулировались обычным правом, в том числе и семейно-бытовые отношения. Причем закон предоставлял право коренным жителям по желанию сторон и в этих вопросах обращаться в имперские суды, которые бы рассматривали их по нормам российского права.

Кроме вышеотмеченных общеимперских и обычно-правовых норм, на юге Казахстана существовало исламское право с судом кадиев. Однако оно не имело столь значительного влияния на правовую систему Казахстана, поскольку ограничивалось южными регионами².

В указанный период произошли существенные изменения в соотношении различных источников права, действовавших в Казахстане, – появились новые источники.

«Ереже» как нормативное положение съездов казахских биев стали теперь постоянным источником, который существенно исправлял, дополнял адат – правовой обычай, превращал его в известной мере в писаное право.

Большое значение в Казахстане приобрело российское имперское право, начавшее действовать после интеграции Казахстана в правовое поле Российской империи.

Нормы российского имперского права, действовавшие на территории Казахстана, можно разделить на две большие части: общеимперские нормы, не

¹ См.: Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 395.

² См.: *Ахметова Н. С., Кожжахметов Г. З.* Указ. соч. С. 282.

отражавшие специфического положения Казахстана, а также нормы, установленные российской администрацией специально для Казахстана. Это были нормы, которые устанавливали военно-колониальные формы устройства и организации государственной власти в Казахстане; уголовного и процессуального права; право собственности на землю и некоторые другие специальные гражданско-правовые предписания. Важнейшими из этих правовых актов были Устав 1822 г., Закон 1864 г., Временные положения 1867–1868 гг., Положения 1886 и 1891 гг. и другие.

Важнейшим результатом окончательного присоединения Казахстана к России был переход права собственности почти на весь земельный фонд края из рук правящих кругов ханско-султанского рода Чингизидов в собственность Российской империи.

Российскими властями значительные пространства земли отводились казачьим поселениям, русским и иностранным промышленникам, крупным феодалам – казахам, заслужившим доверие имперской администрации; из этого фонда власти наделяли земельными угодьями русских и украинских крестьян-переселенцев, уходивших из центральных губерний от безземелья.

Особое место по своему юридическому положению занимали земли, переданные Сибирскому казачьему войску общей площадью в 5 миллионов десятин. Согласно повелению царя из этих земель выделялись участки казачьим офицерам, к концу XIX в. в их руках находилось более 500 тыс. десятин плодородных земель в Акмолинской и Семипалатинской областях. Эти земли сдавались в аренду казахам¹.

Земли Сибирского казачьего войска в конце XIX в. арендовали 6736 хозяйств с населением 436 тыс. человек. Правовое положение почти полумиллионного населения характеризовалось полной зависимостью от собственника земли.

Существенные изменения произошли в уголовном праве Казахстана в XIX в. Сфера действия уголовных норм казахского обычного права постепенно суживалась, вместо этих норм российские имперские власти вводили нормы уголовного права или специально установленные для колониальных народов уголовно-правовые нормы с повышенной санкцией по уголовным делам.

Принятый в 1854 г. Закон «О распространении на сибирских киргизов общих законов империи» расширил перечень составов преступлений, подлежащих общим судам империи. Кроме установленных ранее, к ним относились «возбуждение соплеменников против правительства», поджог, преступление против денежной системы.

Еще раньше российское имперское правительство ввело в некоторых областях казахской степи такие составы преступления, которых вообще не бы-

¹ См.: История государства и права Казахской ССР: учеб. пособие / под общ.ред. С. С. Сартаева. С. 140.

ло в уголовном праве, действовавшем в метрополии. К ним относились: «дозволение проживать у себя бродягам и бедным»; «допущение в свои аулы мулл из соседних азиатских владений»; «буйство и вообще дурное поведение»; «упуск неважных арестантов»; «умысел на воровство»; «снятие шкуры с павшего скота». Мерами наказания за эти преступления полагались выговор, возмещение убытков, арест до 3 месяцев, принудительные работы. Последующие законы и «Положения» 1867–1868 гг. существенных изменений в уголовное право не внесли.

Прогрессивными в уголовно-правовой политике российских властей в Казахстане являлись: отмена рабства; формальная отмена телесных наказаний; объявление барымты преступным деянием; изъятие убийства из сферы обычного права, по которому полагался выкуп, и объявление этого преступления особо опасным с тяжелой уголовной карой для виновного.

Тем не менее, совершенно отсутствовало представительство коренного населения в политико-административном аппарате внутри самого Казахстана, не говоря уже об участии казахов в работе министерств и ведомств по вопросам, касающимся в той или иной мере управлением Казахстана. Ярким примером этого служит то, что все административные, политические и судебные реформы 1867–1868 гг., проводимые российскими властями в самой метрополии и касавшиеся Казахстана, готовились без участия представителей казахского народа.

Для Казахстана были разработаны и введены в действие специальные режимы управления, каковыми явились реформы управления 1867–1868 гг. и ряд других положений. Причем эти реформы разделили огромную территорию казахских степей между тремя генерал-губернаторствами, а ряд других территорий, заселенных казахами, вошел в другие административные единицы (Букеевское ханство и полуостров Мангышлак вошли, соответственно, в состав Астраханской губернии и Закавказского края).

Для всех этих территорий был установлен единообразный режим управления. Все высшие и средние звенья управления занимали чиновники, представители русской и ряда других национальностей, лишь в низовых звеньях «общественного управления» были представители казахской национальности.

Характерной чертой этого режима являлась централизация власти в руках генерал-губернаторов, военных губернаторов, непосредственно подчинявшихся высшей власти метрополии.

Принятые российским имперским правительством в 60-х – 90-х гг. XIX в. специальные нормативные акты, касавшиеся различных частей Казахстана, внесли изменения в административное устройство, в систему местных органов управления, правосудия и правовых институтов.

Существенные изменения были внесены в правовое положение казахов, которые были отнесены к категории сельских обывателей. Были лишены прежних политических привилегий султаны и их потомки.

Низовые звенья административного управления – волостные и аульные, хотя и назывались органами «общественного самоуправления», никакого отношения к самоуправлению не имели. Знатные и богатые казахи выдвигали в органы самоуправления своих представителей и через них управляли населением. Эти органы примыкали к аппарату вышестоящих органов российской имперской администрации и становились политической опорой центральной власти.

Реформы внесли определенные изменения в правовую систему. Установление государственной собственности на землю внесло существенные изменения в право пользования, владения и распоряжения ею.

Сложились нормы обязательственного права, которые выражали интересы крупных землевладельцев и скотовладельцев. Появились правовые нормы, направленные на ограничения феодально-патриархальных пережитков в семейно-брачных отношениях. В уголовной политике наблюдалась тенденция ограничения карательной деятельности суда биев и усиления роли имперских судов.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. Какие изменения в правовое состояние казахской аристократии внесло административное положение 1867–1868 гг.?
2. Какие виды налогов устанавливались для казахского населения согласно Временным положениям 1867–1868 гг.?
3. Из каких элементов состояла структура органов управления в соответствии с реформами 1867–1868 гг.? Как функционировала двухзвенная система управления в рамках низовых административных единиц, созданных по реформам 1867–1868 гг.?
4. В чем состояла необходимость военного управления территории Казахстана в указанный период?
5. Охарактеризуйте особенности судебной системы согласно административным реформам второй половины XIX в.
6. Назовите источники права, действовавшие в Казахстане в рассматриваемый период.
7. Какие изменения произошли в уголовно-правовой политике российских властей в Казахстане?

ТЕМА 3. СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

3.1. ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

В начале XX в. концентрация и централизация промышленного производства в России достигла первого места в мире. Россия пытается вывезти капитал в другие страны и вступает в борьбу за мировые рынки и сферы влияния. Тем не менее, наряду с высокими темпами промышленности в Российской империи сохраняются еще значительные пережитки феодализма в сельском хозяйстве. Этот клубок капиталистических и феодальных противоречий на данном этапе развития государства приводит к Первой русской революции 1905–1907 гг., буржуазно-демократической по характеру и народной по движущим силам.

Революция была призвана решить следующие основные задачи: свержение самодержавия, установление демократической республики, ликвидацию помещичьего землевладения, введение 8-часового рабочего дня, проведение демократических преобразований в стране (установление выборности государственных органов, обеспечение прав и свобод граждан и т. д.)¹.

Падению политического престижа Российской империи способствовали внешнеполитические проблемы, связанные с поражением в Русско-японской войне 1904 г., которое привело к потере политико-экономического влияния в странах Востока и Индокитая.

Подавление инакомыслия, жестокие репрессии против политических оппонентов, направленные на сохранение монархического режима, попрание естественных прав и свобод граждан страны вызывали серьезное недоверие к царскому правительству со стороны населения и, в особенности национальной буржуазии.

Все эти факторы социально-экономического и политического характера в совокупности привели к обострению внутренних противоречий в России и вылились в революцию 1905–1907 гг. Последней каплей в чаше терпения российского общества стал расстрел царским правительством мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 года. Волна протестов против царского самодержавия прокатилась по всей империи от центральных областей ее до окраин. Этими обстоятельствами не преминули воспользоваться революционные и демократические партии, которые встали во главе народных масс в борьбе с властями, чтобы использовать назревшую революционную ситуацию для смены существующего режима и установления демократического строя.

¹ См.: История отечественного государства и права. М.: МГУ, 1992. Ч. 1. С. 286.

«Пожар», который охватил центральную часть метрополии, перекинулся на «тлеющие» от несправедливости и беззакония степные окраины империи, к которым относилась и территория Казахстана. Переселенческая компания и колонизация казахских земель ущемляли интересы главным образом коренного населения, которое оказалось на грани нищеты и разорения, вследствие захвата у них «излишков» земель для последующей колонизации. В то же время не в лучшем положении находился неимущий класс переселенцев, который напрямую столкнулся с трудностями суровых природных и климатических условий края, перегибами форсированной переселенческой политики и коррумпированной администрацией на местах.

Именно по этим причинам Степной край стал частью общероссийского революционного движения, и знаменательные события, происходящие в центральной части России, были встречены в Казахстане с большим воодушевлением и пониманием.

Край захлестнули массовые акции политического неповиновения, которые вылились в манифестации, митинги и забастовки. Социальный протест охватил все слои населения периферии, объединив переселенцев и коренных жителей, наемных рабочих и крестьян, интеллигенцию и средний класс, будоража умы и вселяя надежду на лучшее.

Тяжелые, изнурительные условия труда на фабриках и заводах, старые формы организации крестьянского труда и обнищание населения привели к глубокому системному кризису.

Уже в феврале 1905 г. по всей линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги на железнодорожных станциях происходили забастовки рабочих с требованием сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Стачечная забастовка произошла на Успенском руднике, на котором работало 269 казахов и 65 русских горняков. К забастовке присоединились горняки карагандинских угольных копей, рабочие-речники Западно-Сибирского товарищества в Павлодаре, поддерживающие тесную связь со служащими пароходств Западной Сибири¹. Революционное движение рабочих Казахстана развертывалось под мощным влиянием русского революционного движения.

Крестьянским волнениями были охвачены Семиречье и почти все уезды Уральской и Тургайской областей. Солидарность с восставшим в России народом поддерживали не только в областных центрах и городах Казахстана, но и в переселенческих поселках, в волостях кочевого населения региона.

События 1905 г. послужили поводом для начала «петиционной» кампании, которая стала набирать обороты по инициативе казахской демократической интеллигенции. Так, 25 июля 1905 г. в адрес российского правительства на Кояндинской ярмарке в Каркаралинском уезде была составлена известная Каркаралинская петиция, которую подписали 15 000 человек, что составляло

¹ См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы: Атамұра, 2000. Т. 3. С. 612.

половину численности населения уезда. Петиция содержала требования о демократизации политической жизни в Степном крае, предоставлении избирательного права кочевому населению, а также об организации в Казахстане собственного мусульманского духовного управления, строительства мечетей, открытия религиозных школ и т. д.¹

В поисках компромисса, пытаясь подавить революционную волну, которая поднялась в стране после «Кровавого воскресенья» 1905 г., 17 октября 1905 г. царское правительство обнародовало Манифест, провозглашавший относительно широкие политические права и гражданские свободы и учреждение Государственной Думы – высшего представительного органа, который должен был обсуждать и одобрять принимаемые в империи законы.

Манифест стал поистине эпохальным событием в политической жизни Российского государства, охваченного революционной «горячкой» и раздираемого социально-экономическими проблемами, которые неизбежно приближали страну к крупнейшему историческому рубежу, завершающему целую эпоху.

Философ и публицист В. В. Розанов приводит комментарии выдающегося русского художника Ильи Репина к своей картине «17 октября 1905 года», отобразившего ту духовно-эмоциональную атмосферу, которая царила в российском обществе под знаком Первой русской революции 1905 г.: «Жидовство, сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек – вот что сплело нашу революцию, понесшую красные знамена по Невскому на другой день по объявлении манифеста 17 октября, – так комментирует дело И.Е. Репин в выставленной им большой картине... Картину эту хочется назвать лебединою и вместе завещательною песнью великого художника»².

Идея создания парламентского органа давно витала в умах в связи с накаленной от внутреннего противостояния власти и народа политической ситуацией в стране. Правительство в России осознавало неизбежность скорейших преобразований в государственном устройстве и события Первой русской революции 1905 г. лишь ускорили процесс создания парламентского демократического органа – Государственной Думы.

Тем не менее, самодержавие не собиралось сдавать свои позиции и приняло все меры, чтобы не допустить самостоятельной законодательной инициативы Государственной Думы. Всякий законопроект, принятый Думой, должен был получить одобрение Государственного совета, куда входили представители проправительственных сил. Даже в случае одобрения Советом

¹ См.: Сулейменов Б. С. Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. Алма-Ата, 1977. С. 71–73.

² Розанов В. В. Собр. соч.: в 30 т. Т. 1: Итальянские впечатления. Среди художников / под общ. ред. А. Н. Николюкина; сост., подгот. текста и вст. ст. А. Н. Николюкина, коммент. В. А. Фатеева (Итальянские впечатления) и А.Н. Николюкина (Среди художников). М.: Республика, 1994. С. 398.

на законопроект свое veto мог наложить император. Без одобрения царя проект не имел законной силы.

Несмотря на право ежегодного рассмотрения бюджета страны, Государственная Дума, согласно закону, не могла уменьшить бюджетные расходы силовых министерств ниже предыдущих лет рассматриваемого периода. Царь имел право роспуска парламента, депутаты могли быть досрочно отправлены на каникулы, и в их отсутствие утверждались нужные ему законы.

Государственная Дума, по замыслу правительства, должна была служить дымовой завесой для получения западных кредитов и борьбы с растущим влиянием финансовых и торгово-промышленных кругов России. Видимость демократических преобразований должна была ослабить накал революционных настроений, правительство, используя Думу, предпринимало попытки проведения реформ по буржуазной модернизации режима.

В то же время с Государственной Думой были связаны надежды и чаяния широких слоев населения Российской империи, не исключением в этом смысле был и Казахстан. Население Степного края и Туркестана возлагало большие надежды на демократизацию существующего строя парламентским путем.

Усилиями интеллигенции по кочевым аулам края распространялся переведенный на казахский язык Манифест 17 октября. Выборы в Думу первого и второго созывов проходили при большом душевном подъеме народных масс региона, которые видели в своих представителях в высшем законодательном органе России достойных защитников интересов Казахстана. В атмосфере общей угрозы колониальной и переселенческой политики царского правительства была сформирована единая политическая платформа, направленная на защиту прав кочевого населения от лица всего казахского народа, вне зависимости от имущественного положения. Цементирующей связкой в борьбе за политические права коренного населения стала казахская демократическая интеллигенция, которая использовала все легальные и доступные способы и методы, чтобы приобщить народные массы к общественно-политической жизни края.

Во всех случаях главным был вопрос о земле, по мнению избирателей региона, он требовал первоочередного разрешения в Государственной Думе. Вместе с тем неизменно выдвигались требования о защите политических прав и демократических свобод населения, среди которых звучали призывы к отмене смертной казни, амнистии всех политических заключенных, отмене военно-полевых судов, введению земского и городского самоуправлений, изменению судебно-правовой системы и т. д.¹

Посредством Государственной Думы коренное население намеревалось добиться правовых гарантий неприкосновенности казахской земли и закреп-

¹ См.: *Ахметова Н. С., Кожжахметов Г. З.* Указ. соч. С. 288.

ления ее в свою собственность, оставив лишь некоторую часть земли для переселения колонистов.

Не менее важным вопросом, который стоял на политической повестке дня и требовал решения на законодательном уровне, через Государственную Думу, был вопрос свободы духовно-религиозных прав казахского народа и сохранения традиционных институтов обычно-правового регулирования кочевого самоуправления.

Казахская интеллигенция разработала конкретные шаги по решению проблемы землепользования в крае, свободы мусульманского вероучения и духовенства, функционирования традиционных народных судов с учетом изменившихся социально-экономических и политических условий в казахском обществе.

Первая и вторая выборная кампания в Государственную Думу, несмотря на чинимые препятствия официальных властей, продемонстрировали крепнувший авторитет и популярность демократических сил в регионе. Большинство социальных групп в Казахстане были солидарны в своем неприятии существующей политической власти. Однако деятельность первой и второй Государственной Думы не оправдала надежд на серьезные перемены в социально-экономической и политической сферах. Конфликт между Думой и правительством был неизбежен в силу принципиальных противоречий и несовместимости зарождавшегося парламентаризма и абсолютного диктата царского самодержавия.

Всего в истории Государственной Думы было четыре созыва: первый созыв – март-июль 1906 г., второй созыв – февраль-июнь 1907 г., третий созыв – 1907–1912 гг., четвертый созыв – 1912–1917 гг. Исходя из продолжительности работы каждого из четырех созывов, нетрудно предположить, что первая и позже вторая Дума являлись наиболее оппозиционными по отношению к царскому режиму.

Разогнав Думу первого и второго созыва, правительство поспешило лишить избирательных прав население Казахстана. Политический актив региона не питал уже прежних иллюзий в отношении деятельности третьей и четвертой Думы. Режим не скрывал своих намерений дальнейшей колонизации края за счет земель кочевого населения.

Органы центральной власти при любой возможности старались искусственно обострить существующий антагонизм между переселенцами и коренными жителями региона. Это проявлялось в том числе при выработке избирательного законодательства для Степного и Туркестанского края. Так, был создан специальный орган – Особое совещание, который разрабатывал правила о выборах на основе предложений правительства и местной администрации. Последние были едины в своем мнении о нецелесообразности равного представительства в Думе коренного и некоренного населения.

В 1906 г. Особое совещание завершило свою работу и были утверждены правила о выборах для Казахстана и казахов Внутренней орды (Букеевской

орды) Астраханской губернии. Для Акмолинской, Уральской, Тургайской и Семипалатинской областей Казахстана было определено 8 депутатских мест в Государственную Думу, из которых 4 места получило коренное население и столько же – русское население. Также отдельно 2 места получило казачество Уральского и Сибирского казачьих войск.

Несмотря на то, что коренное население в Туркестане и Степном крае составляло 72,1 %, местной администрацией прилагались все усилия для того, чтобы не допустить равного представительства коренного и «пришлого» населения.

Туркестанский край получил 13 депутатских мест, из которых 5 мест – коренное население и столько же – русское, одно место – казаки Семиреченского войска и два места отдельно получил г. Ташкент. Всего Казахстан и Туркестанский край получил 24 места в Государственную Думу с включением в это число одного депутата от Внутренней орды (Букеевской орды)¹.

В выборах участвовали три категории населения, которые делились не по социальному принципу, как в России, а по национальному: курии от кочевого и некоренного населения и отдельно – казачья курия. Общим для метрополии и окраин империи было отсутствие избирательных прав у женщин.

Кроме того, не имели права участвовать в выборах в Думу следующие категории лиц, проживающих в Российской империи: лица, моложе 25 лет; лица, обучающиеся в учебных заведениях; воинские чины армии и флота; иностранные подданные; бродячие инородцы (народности Сибири и Алтайского края, жившие охотой и другими промыслами)².

На основании решения Второго всероссийского съезда мусульман 1906 г. мусульманскому населению Казахстана, где не были созданы самостоятельные организации, было рекомендовано действовать на выборах совместно с конституционно-демократической (кадетской) партией. Поэтому из 10 депутатов первой Думы 8 представляли от кадетской партии. Одним из депутатов от конституционно-демократической партии, избранным большинством голосов от Семипалатинской области в Думу первого созыва, был А. Букейханов – лидер казахской демократической интеллигенции, всеми силами боровшийся за интересы и просвещение казахского народа.

От коренного населения Уральской и Тургайской областей были избраны А. Беремжанов и А. Кальменов, от Акмолинской – непримиримый противник военно-полицейского режима в крае религиозный деятель Ш. Кошегулов. Все они пользовались широким доверием народных масс и впоследствии активно участвовали в избирательной кампании во вторую Думу.

От русского населения Семипалатинской области был избран Н. Я. Кеншин, в Тургайской и Уральской областях – Н. Е. Дыхнич и В. В. Недоносков,

¹ См.: *Ахметова Н. С., Кожаметов Г. З.* Указ. соч. С. 292–293.

² Там же. С. 293.

в Акмолинской – В. И. Ишерский. Депутатами от Уральского и Сибирского казачьего войска стали Н. А. Бородин и И. П. Лаптев.

За редким исключением это были депутаты с революционными и либерально-демократическими взглядами, оппозиционно настроенные против существующей политической власти в стране.

Как и следовало ожидать, самой крупной и значительной партией в первой Думе были кадеты. Много мест имели представители партии «Союз 17 октября» (октябристы), которые в блоке с кадетами составляли явное большинство в Думе. Представители проправительственного лагеря – крайние правые партии монархического толка составляли незначительную часть на фоне оппозиционного большинства¹.

Однако такой расклад политических сил в высшем законодательном органе государства не мог устраивать царское правительство. Первая Государственная Дума начала свою работу 27 апреля 1906 г. и через 72 дня – 8 июля 1906 г. была досрочно распущена.

В ответ на роспуск Думы 169 депутатов обратились с Воззванием, в котором выражался протест против неправомерных действий правительства. От Казахстана Воззвание подписали А. Букейханов и В. Ишерский, приговоренные судом в числе других участников акции к шести месяцам заключения без права избираться в последующем в состав Государственной Думы.

После проведения выборов во вторую Думу обнаружилось, что она еще более оппозиционно настроена по отношению к правительству, чем предыдущая.

В Казахстане ранее бойкотирующие выборы в Думу социал-демократы и эсеры заняли лидерство среди русского населения региона. От Акмолинской, Тургайской и Уральской областей – это были представители социал-демократической партии А.К. Виноградов, Ф.И. Голованов и И.И. Космодемьянский. Семипалатинскую область представлял эсер Н.Я. Коншин. От казачества Акмолинской и Уральской области – монархист И.П. Лаптев и кадет А.Ф. Еремин.

Казахское население от Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей представляли Ш. Кошегулов, А. Беремжанов, Т. Норкенов, Б. Каратов. От Внутренней (Букеевской) орды был представлен депутат Думы обоих созывов Б. Кулманов. Сырдарьинскую и Семиреченскую области Туркестанского края представляли Т. Аллабергенов и М. Тынышпаев.

Вторая Государственная Дума начала свою работу 20 февраля 1907 г. и уже 3 июня 1907 г. была распущена решением правительства. В период деятельности Думы второго созыва противостояние между представительным органом и правительством возобновилось с новой силой.

Блок оппозиционных режиму сил намного увеличился. Основными движущими силами оппозиционного блока были кадеты, эсеры и социал-

¹ См.: История отечественного государства и права. Ч. 1. С. 293.

демократы. Из 518 депутатов оппозиционное большинство в лице кадетов, депутатов народной группы, эсеров, социал-демократов составляло более 400 человек¹, все остальные депутаты, включая октябристов и представителей других фракций, поддерживающих правительство, были в меньшинстве.

Принципиальные разногласия между правительством и демократическим большинством Думы возникли по поводу аграрного вопроса в стране. Оппозиционный блок требовал его решения не иначе, как путем отчуждения части помещичьих земель. Дума не торопилась также с одобрением государственного бюджета, от чего, в конечном счете, зависело решение вопроса о получении кредитов от иностранных государств, так как Россия имела большие государственные долги. Также со стороны Думы продолжались различные запросы к правительству по поводу злоупотреблений и незаконных действий государственных должностных лиц².

Поводом для очередного роспуска Думы послужило привлечение к уголовной ответственности социал-демократической фракции по сфальсифицированному обвинению в антигосударственном заговоре.

При роспуске второй Думы был принят новый избирательный закон, в соответствии с которым число выборщиков от крестьян было сокращено, а Туркестан и Казахстан вовсе лишились избирательных прав. В виде исключения право на выдвижение одного депутата получило Уральское казачье войско.

В Думе третьего созыва, которая начала свою деятельность 1 ноября 1907 г. большинство мест получили проправительственные партии (301 депутат из общего количества избранных 442 человек). Этот же состав практически сохранился и в четвертой Думе 1912–1917 гг.

Таким образом, был установлен «контроль» над законодательной деятельностью Государственной Думы и поставлен существенный заслон против дальнейшего распространения революционных идей и демократических преобразований, которые транслировались до этого времени посредством представительного законосовещательного учреждения Российской империи.

Первая русская революция 1905 г. была окончательно подавлена, но впереди была революция 1917 г., которой было суждено перевернуть мир.

С изменением порядка выборов в Государственную Думу, Казахстан был лишен официального представительства в Думу третьего и четвертого созыва. Защиту интересов края пытались отстаивать немногочисленные партии и фракции, имевшие отделения на местах. Этому процессу активно способствовали бывшие депутаты Думы от Казахстана, которые устанавливали контакты населения с депутатами соседних губерний, различными демократическими партиями и мусульманской фракцией России.

¹ См.: Большая Российская энциклопедия. Государственная Дума / Д. И. Раскин, В. Е. Чиркин. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2372888

² См.: История отечественного государства и права. Ч. 1. С. 294.

Несмотря на отсутствие реальных механизмов для решения острых проблем и нужд населения Казахстана участие представителей края в деятельности Государственной Думы Российской империи и сам выборный процесс способствовали интеллектуальному росту и пробуждению политической активности народных масс, были важным этапом на пути развития государства и права Казахстана.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. Назовите причины и задачи Первой русской революции 1905–1907 гг.
2. Как развивались события в Казахстане в ходе революции 1905–1907 гг.?
3. Какие вопросы и проблемы рассматривались в деятельности Государственной Думы?
4. Как и кем был представлен Казахстан в Государственной Думе первого и второго созывов?
5. В чем заключались разногласия между оппозиционным блоком и правительством в Государственной Думе первого и второго созывов?

3.2. ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИОННОГО И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX В.

С двадцатых и до шестидесятых годов XIX столетия российские власти осуществляли политику окончательной интеграции Казахстана в состав Российской империи. «С этой целью был предпринят ряд мероприятий, в основном шедших по трем линиям:

1. По линии военного закрепления, что выразилось в форсированном строительстве укрепленных линий и отдельных укреплений с одновременным их насыщением гарнизонами и созданием вблизи них постоянных казахских поселений.

2. По линии политического закрепления, что выразилось в проведении реформы административного управления, в первую очередь образовании округов и окружных приказов, и затем введении дистанчной системы, в результате чего резко ограничивались политические права казахов.

И, наконец, в-третьих, по линии экономического закрепления, что выразилось в массовом захвате казахских земель, введении налогового обложения и различных монополий (вроде монополии на рыболовство, порубку леса и т. д.)»¹

На пути к целям, намеченным российской администрацией, стояла ханско-султанская верхушка, все еще контролировавшая казахское население. В этой ситуации особые усилия прилагались для ликвидации ханской власти в Младшем и Среднем жузах, которые находились в наиболее близком территориальном отношении к России. Царским правительством проводилась последовательная политика «баланса» путем ослабления военно-политического союза между жузами, расчленения внутрержузовского управления, ослабления ханской власти.

Ликвидация ханства и укрепление имперских органов управления осуществлялось в несколько этапов. Реальную власть в Казахской степи могли сохранить только правители, вошедшие в контакт с пограничными властями. Такие лица наделялись льготами, получали жалование от приграничных властей, им предоставлялись лучшие пастбищные угодья. К «непримиримым» администрация применяла жесткие меры материального и морального давления, вплоть до совершения карательных экспедиций к аулам и поселениям этой части казахской аристократии.

Эффективным способом установления имперской власти в Казахской степи стала политика введения пограничных укрепленных пунктов с военными гарнизонами. В 1715 г. была образована Сибирская укрепленная линия, затем границы этой линии продвинулись на юг – за счет строительства крепостей

¹ См.: Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века: учебник. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 117.

Омской, Железнинской, Ямышевской (1717 г.), Семипалатинской (1718 г.), Усть-Каменогорской (1720 г.) и Петропавловской (1745 г.). Таким образом, весь северо-восток Среднего жуза был окружен российскими военными гарнизонами, в то время как Младший жуз был охвачен Оренбургской укрепленной линией (1736 г.).

К этому же времени были сформированы Яицкое, Оренбургское и Сибирское казачьи войска, получившие от правительства льготы и земельные наделы. На территории укрепленных линий существовала так называемая «десятиверстная полоса», запрещавшая местному населению выпасать скот и даже иметь там стоянки. Сеть укреплений неуклонно продвигалась вглубь степи, охватывая все новые и новые территории.

Существенные изменения в государственно-правовых взаимоотношениях между Казахстаном и Россией произошли в первой четверти XIX века. Важной вехой на пути окончательной интеграции Казахской степи в состав Российской империи стала ликвидация ханской власти и создание новых органов управления в Среднем и Младшем жузах. В результате тщательного анализа общей ситуации в жузах на базе Азиатского департамента и комитета, образованных при Министерстве иностранных дел, были разработаны «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.), «Устав об Оренбургских киргизах» (1824 г.), «Положение об управлении оренбургскими киргизами» (1844 г.). Именно с принятием и утверждением данных правовых актов была ликвидирована ханская власть в Среднем и Младшем жузах и поставлена точка в объединении Казахской степи под имперской юрисдикцией царского правительства.

В «Уставе о сибирских киргизах» нашли отражение вопросы собственности на землю, где отмечалось, что земли, не отведенные казахам, считались свободными. Земля могла принадлежать только кочевым коллективам аулов и волостей, а не индивидуальным собственникам.

После упразднения ханской власти внутреннее управление Казахской степью перешло к старшим султанам в Среднем жузе и султанам-правителям в Младшем жузе. Вместе с тем российские власти осуществляли контроль над деятельностью султанов и принуждали их действовать так, как нужно было администрации, и очень часто – вразрез интересам кочевых общин.

Резко отрицательную реакцию населения вызывали земельные захваты, санкционированные российской администрацией в первой половине XIX века. «Переход многочисленных летних кочевий и зимних стойбищ казахов в ведение царских властей нарушил веками сложившуюся форму кочевков. Эти захваты были тем более тяжелы для широких масс казахов, что в связи с общим углублением процесса феодализации, они происходили в условиях узурпации общинных земель собственной знатью»¹.

Ломка традиционных форм управления и судопроизводства, захват пастбищных земель, строительство военных линий и укреплений, злоупотребле-

¹См.: Бекмаханов Е. Б. Указ. соч. С. 131.

ния администрации и ее ставленников привели к антиколониальным выступлениям на всей территории Казахстана, которые жестко подавлялись имперскими властями. И все же, несмотря на жесткую политику, проводимую на местах царской администрацией, интеграция Казахской степи в состав Российской империи имела прогрессивное значение, представляя собой процесс закономерного развития исторически сложившихся связей, повлекший коренное изменение политико-правовой системы кочевого общества и экономики Казахстана и послуживший укреплению дружественных отношений казахского и русского народов.

Огромный регион, вошедший в состав в основном двух административно-территориальных управлений империи – Туркестанского и Степного генерал-губернаторства, в силу своей геополитической расположенности никак не мог избежать социально-экономического и демографического влияния внутренних территорий России.

Земельный вопрос для Казахстана стал наиболее острым и животрепещущим с первых этапов интеграции края в состав Российской империи. Захват земель и объявление их государственной собственностью, с точки зрения российских властей, обосновывались тем, что земля никогда не принадлежала отдельному частному лицу и являлась собственностью родового коллектива.

В первую очередь правительство рассчитывало путем колонизации северо-западных и юго-восточных районов Казахстана переселить крестьян из внутренних губерний России и создать тем самым социальную опору государства в зауральской окраине.

Массовый характер целенаправленное переселение русских и украинских крестьян приняло в 1870-х – 1880-х гг., а 13 июля 1889 г. было разработано и утверждено Положение о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли. Районами переселения определялись Семиреченская, Акмолинская и Семипалатинская области. Размер земельного надела определялся местными властями.

Согласно разработанным в 1868 г. «Временным правилам» о переселении крестьян в Семиречье переселенцам определялся ряд льгот: наделение землей в размере 30 десятин на душу (дееспособное лицо мужского пола); освобождение от налогов и всякого рода повинностей, в том числе и от воинской, сроком на 15 лет; нуждающимся семьям выдавалась ссуда до ста рублей. Позже в связи с сокращением запасов в 1891 г. Министерство внутренних дел, чтобы ограничить поток крестьян, закрыло Семиречье для переселения¹.

Однако урегулировать стихийный характер, который при определенных обстоятельствах приобретал миграционный процесс, не всегда удавалось, даже невзирая на официальные запреты властей.

¹ См.: *Ахметова Н. С., Кожжахметов Г. З.* Указ. соч. Ч. 1. С. 303.

Переселенческая кампания не только изменила демографическую структуру населения края, но и способствовала насильственному изъятию у коренных жителей лучших земель, пригодных как для скотоводства, так и для расширяющегося земледелия. Только с 1885 г. по 1893 г. в Акмолинской области было изъято у казахов 251 779 десятин земли и образовано 24 переселенческих участка с 10 940 жителями мужского пола, а в Семипалатинской – 33 064 десятины¹.

Переселенческое освоение края осуществлялось также в рамках соединения Казахстана железнодорожными магистралями с Сибирью. Так, в связи со строительством Транссибирской железной дороги, сооружение которой продолжалось с 1892 г. по 1905 г., правительством планировалось отмежевать в двухсотверстной полосе вдоль линии железной дороги 2 421 503 десятин лучшей земли в трех уездах Акмолинской области – Петропавловском, Кокчетавском и Омском, куда намечалось переселить 160 тыс. крестьян².

События Первой русской революции 1905 г., в основе которых лежал аграрный кризис, способствовали началу нового этапа переселенческого движения в Казахстан. Крестьянская община становится препятствием в развитии не только сельского хозяйства, но и экономики всего государства. Россия, будучи аграрной страной, испытывала дефицит продовольствия, что приводило к крестьянским бунтам и восстаниям. Ослабить аграрный кризис в центральных районах России была призвана столыпинская аграрная реформа, начатая в 1906 г.

Замирение кочевых общин, которое стало возможным в результате завоевания Туркестана Российской империей, позволило оседлому населению Средней Азии существенно расширить территорию своего проживания за счет освоения земель южных районов Казахстана.

Российский чиновник И. И. Гейер так описывает процесс заселения территории южного Казахстана оседло-земледельческим населением из Средней Азии: «Расселение сартов носит тактический характер. Первоначально строится караван-сарай. В порядке вещей сарт пользуется водным источником, принадлежащим местному аулу... На следующий год сарт обсаживает участок деревьями, а позади сарая воздвигал дувал, сеял клевер и ячмень... На следующий год сарт засеивал пшеницу и бахчевые, а через несколько лет вырастал кишлак и вскоре аул лишался воды, так как сарты заявляли, что земля принадлежит по давности владения, а вместе с ней и вода... После этого киргизам остается откочевать вглубь степи... Так выросла целая масса кишлаков в той самой киргизской степи, которой сарт не так давно боялся пуще огня»³.

¹ См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы: Атамұра, 2000. Т. 3. С. 472.

² См.: *Ахметова Н. С., Кожаметов Г. З.* Указ. соч. Ч. 1. С. 303.

³ *Гейер И. И.* По русским селениям Сыр-Дарьинской области (Письма с дороги). Чимкентский уезд. Ташкент, 1893. Т. 1. С. 93–94.

Также усилило земельную тесноту и вызвало протесты казахского населения переселение уйгуров и дунган в плотно населенные районы Семиречья, что было связано с возвращением Кульджинского края Цинской империи и со стремлением правительства усилить свое влияние в регионе в случае военных осложнений на китайской границе. По некоторым данным в этот период в Семиречье переселилось 60 тыс. человек¹.

Важную часть реформы составляла переселенческая политика, которая основывалась на усилении переселенческого движения из внутренних губерний России в Сибирь и Степной край с предоставлением земельных наделов за счет коренных жителей региона.

Масштабное переселение, инициированное государством, было изнурительным для крестьян, имело во многом неконтролируемый и стихийный характер, что приводило к беспорядочному использованию земельных ресурсов, вырубке ценных лесных массивов, выпаживанию плодородного слоя и усилению эрозии почвы. Как справедливо писал известный казахский ученый, публицист и политический деятель того времени А. Букейханов, «при спешном и массовом переселении крестьян в киргизскую степь, весьма возможно, что целина будет выпажана раньше, нежели крестьянское хозяйство успеет принять более интенсивную форму. Киргизская степь, лишившись вековой целины, окажется бесплодной и при современной технике крестьянского хозяйства перестанет давать урожай. Здесь повторяются знакомые неурожаи юго-восточной России. Распылив превосходные пастбища киргизской степи и обратив ее в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а киргизы, лишившись к тому времени своих пастбищ, окончательно обнищают»².

В результате реформы общее количество земель, изъятых в Казахстане для переселения, вместе с переселенческим фондом составило более 45 млн десятин³. И, как итог этого, массовое обезземеливание казахского населения привело к возрастанию социальной напряженности, отдельным проявлениям межнациональной розни и стихийным акциям протестов.

Следует отметить, что, несмотря на усиление протестных настроений, межэтническое партнерство между казахами и переселенцами из Центральной России стало основой для формирования доверительных и толерантных отношений, в будущем переросших в общую систему ценностных ориентиров.

Аграрный вопрос нашел свое отражение при обсуждении в Государственной Думе. Представители социал-демократических партий и депутаты от Казахстана поддерживали требования местного населения по остановке переселенческого движения.

¹ См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3. С. 474.

² Букейханов А. Н. Киргизы // Букейханов А. Н. Казахи. Астана, 2014. С. 32–33.

³ См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3. С. 599.

Партия кадетов предлагала эволюционный путь развития сельского хозяйства с сохранением частной собственности на землю. Кадеты предлагали наделить землей вначале местное население, а затем – переселенцев. В противоположность кадетам, эсеры были противниками частной собственности на землю, но, в целом, были солидарны с кадетской партией в переселенческом вопросе и защите прав коренного населения. Первоочередной задачей для радикальных социал-демократических партий была конфискация всех частнособственнических земель, для них решение переселенческого вопроса имело второстепенное значение. В свою очередь, официальные власти не желали идти на уступки оппозиции, пытаясь всеми силами поддержать иссякавшую переселенческую программу.

Земельные утеснения местного населения послужили толчком для зарождавшегося идейно-политического движения в Казахстане. Ответной реакцией казахов на потерю земли и умаление прав кочевого населения было создание национальных движений и отчуждение от российской государственной политики в Степном крае.

Политические дебаты в стенах Государственной Думы о нарушении земельных прав казахов сформировали будущее ядро национальных и региональных элит XX века на окраинах Российской империи. У истоков национально-освободительного движения в Степном крае и Туркестане стояли лидеры казахской демократической интеллигенции. Как отмечал А. Букейханов, это была, «с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской культуре, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными, при наличии обещанной 17 октября свободы веротерпимости. С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности... Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую тюркофилами и поборниками панисламизма»¹.

Для осуществления своих планов и задач российские власти расширяют сферу образования и культуры в Степном и Туркестанском крае, поскольку для дальнейшего освоения природных ресурсов региона необходимы были квалифицированные специалисты в хозяйственной и управленческой области, а также наемные рабочие из числа местных жителей. Край духовно и материально обогащался, несмотря на негативные стороны переселенческого движения, в результате созидательных отношений, которые сложились между крестьянами-переселенцами и кочевым населением. Дух свободомыслия и общественно-политического просвещения передавался посредством ссыльных демократов и революционеров, проживавших в Казахстане.

¹ Букейханов А. Н. Указ. соч. С. 38–39.

Обучаясь в крупных образовательных центрах в России, казахская молодежь закрепляла личные связи с научными кругами и революционно-демократическими силами, которые оказали большое влияние на рост и становление идейно-политического движения в Казахстане.

Одним из каналов общественно-политических преобразований в крае стал первый российский парламент – Государственная Дума, которая объединяла русских демократов и казахскую демократическую интеллигенцию в своем стремлении к новой и лучшей жизни.

Вместе с тем серьезное влияние на казахскую аристократию в лице биев и акынов жырау, предназначение которых заключалось в сохранении и передаче культурного национального кода будущим поколениям, оказало культурно-религиозное наследие мусульманского Востока. Это был «специфический общественный слой, выполнявший ту же социальную роль, которую в западной традиции отводят интеллигенции, образованному сословию, интеллектуальному классу и т. д.

Основными исполнителями духовно-идеологических, социорегулятивных и художественно-творческих функций образованного сословия можно считать такие подразделения «степной интеллигенции», как, соответственно: 1) сайиды и ходжи, 2) бии, 3) баксы, кюйши, жырау»¹.

Сама семантика слова «зиялы» (от арабского — «праведный»), применяемого у казахов к интеллигенции, означает в соответствии с канонами ислама, что его носители – «зиялы қауым» обладают святостью и особыми дарованиями.

Таким образом, идейно-политическая направленность казахской демократической интеллигенции была далеко не однозначной, скорее, «разновекторной». Искреннее и самоотверженное служение людям, их чаяниям принесло национальной интеллигенции огромный авторитет и популярность среди казахского народа. Рупором, через который вещали национальные идеологи и просветители, стали печатные органы на казахском языке, появившиеся после событий 1905 года под знаком Манифеста 17 октября, провозгласившего свободу слова и печати в Российской империи.

В 1907 г. по инициативе и при непосредственном участии депутата Государственной Думы Ш. Кошегулова был издан первый журнал на казахском языке «Серке», который вскоре по соображениям цензуры был закрыт. Эта же участь постигла «Киргизскую газету», изданную в том же году в г. Троицке Андреевым, Исмаиловым, Сосновским и Сералиным и закрытую после выпуска первого номера.

Между тем представителями Казахстана предпринимались и другие попытки по открытию печатного органа в областных центрах Поволжья и Си-

¹ Новая миссия казахстанской интеллигенции: сб. статей, интервью, выступления казахстан. интеллигенции. Алматы: Институт философии, политологии, религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 18.

бири и в 1911 г. в Троицке усилиями М. Сералина был издан журнал «Айкап». В этом же году вышла газета «Казахстан», с 1913 г. в Оренбурге начала выходить газета «Казах», стали появляться и другие печатные органы, представляющие Степной и Туркестанский край¹.

Главными изданиями, транслировавшими идеологические установки казахской демократической интеллигенции, стали журнал «Айкап» и газета «Казах», которые объединили вокруг себя наиболее ярких представителей общественно-политических течений Казахстана, таких, например, как: Мухамеджан Сералин, Бахытжан Каратаев, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов, Жакып Акбаев и др.

Безусловно одаренным и искренним сторонником преобразований в крае был М. Сералин, который, вдохновленный социал-демократическими идеями русских просветителей, стал лидером образованной части казахской молодежи в г. Троицке, где он начинал свой политический путь. В 1906 г. М. Сералин выдвигается в депутаты Государственной Думы от социал-демократических сил края. Наряду с общественно-политической деятельностью он занимается литературным творчеством, пишет критические статьи, посвященные переселенческому вопросу, системе колониального управления, вопросам народного образования и др. В 1917 г. после прихода к власти партии большевиков, он примкнул к революционному движению и встал на службу Советской власти вплоть до своей кончины в 1929 г.

Ощутимый вклад в формирование идейно-политической жизни края внес Бахытжан Каратаев – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, удостоенный за высокие знания именной золотой медали «Каратаев - 1890» второй степени. Он был одним из немногих, кому удалось выступить с трибуны Государственной Думы по аграрному вопросу в Казахстане. В 1911 г. Б. Каратаев принимает активное участие в открытии газеты «Казахстан», а после событий 1917 г., проникнувшись революционными идеями, включается в процесс установления Советской власти в Уральске. В 1919 г. вступает в большевистскую партию, однако впоследствии, испытав внутреннее разочарование в политике новой власти, открыто выступает с критикой первых руководителей Казахстана².

Огромное значение для развития национальной жизни края имела общественно-политическая деятельность известного ученого и публициста Алихана Букейханова. Будучи членом Западно-Сибирского отдела географического общества, он активно занимался исследованием вопросов землеустройства в Казахстане и являлся одним из авторов энциклопедии «Россия – полное географическое описание». Своими идеями об аграрном вопросе А. Букейханов делился также со страниц газеты «Казах», что принесло ему опре-

¹ См.: Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды М. Сералина. А., 1989. С. 63.

² См.: Ахметова Н. С., Кожжахметов Г. З. Указ. соч. Ч. 1. С. 315–316.

деленную известность в общественно-политических кругах Сибири и Казахстана. Опыт работы в Государственной Думе в качестве депутата от Семипалатинской области сыграл большую роль в становлении общественно-политических взглядов А. Букейханова. Его активная борьба за интересы и просвещение казахского народа, в том числе выражавшаяся в широкой научной и публицистической деятельности, снискала ему большую известность и уважение среди коренного населения.

Особое внимание в своих исследованиях он уделял вопросам обычного права казахов и правосудия биев, предлагая сохранение суда биев в связи с обсуждением в 1914 г. нового проекта судебной реформы в Казахстане и введением института суда присяжных.

В последующем, в 1917 г., А. Букейханов и его соратники образовали партию «Алаш», которая предлагала альтернативный путь развития Казахстана на тот исторический период. Председателем партии был избран А. Букейханов, а официальным органом партии стала газета «Казах». «Большинство передовых статей политического характера, например, «Государственная дума» от 22 февраля 1915 г. были написаны А. Букейхановым под псевдонимом Қырбаласы, – пишет Д. А. Аманжолова. – Его блестящая аналитика, аргументированная полемика и острые репортажи, особенно по поводу всех событий 1916 г. и положения тыловиков, огромная эрудиция и гражданская ответственность задавали тон обсуждения и определяли вектор политических инициатив. В конечном счете, именно те образованные националы, что объединились вокруг Букейханова, и характеризуются в историографии как национальная интеллигенция, играли главную роль идейно-политической жизни казахского общества в начале прошлого столетия, определяли характер и направленность этнополитических процессов в Степи. Они консолидировались в 1917 г. в движение. Все остальные группы оказались в тени из-за отсутствия сколько-нибудь значимого влияния на массы и самостоятельных организационных начал»¹.

Другим постоянным автором казахских печатных органов был поэт и литератор Ахмет Байтурсунов, посветивший всю свою жизнь идее просвещения и исследованиям в области казахской словесности. Автор ряда фундаментальных трудов по казахскому языкознанию, получивших широкое признание в тюркском мире, он подчеркивал приоритет и важность обучения на казахском языке, считая, что прежде всего «каждый народ должен иметь право на свой язык, письменность и религию»². Жизнь А. Байтурсунова, как и

¹ Аманжолова Д. А. Восстание 1916 г. и проблемы этнополитической мобилизации казахской интеллигенции // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Международ. науч.-практ. конференции (Москва, 18 сентября 2015 г.) / сост. и науч. ред. Т. В. Котюкова. М.: МГУ, 2016. С. 142–143.

² Байтурсунов А. Бастауышмектеп // Казак. 1914. № 87.

многих других представителей казахской интеллигенции, оборвалась в 30-х гг. XX века.

Видное место среди лидеров идейно-политических движений в Казахстане занимал Жакып Акбаев – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, один из первых юристов-казахов, получивший диплом магистра права. За свою политическую деятельность был отстранен от государственной службы, работая в редакции газеты «Казах», выступал против ущемления прав коренного населения российскими властями. Его политико-правовые идеи вошли в основу программы партии «Алаш».

Как свидетельствует исторический опыт, главная заслуга казахской демократической интеллигенции была в том, что она своевременно включилась в процесс всероссийского общественно-политического развития, начавшегося после Первой русской революции 1905 г., встав на защиту интересов родного народа в его пути к государственной независимости. Представители национальной интеллигенции мечтали видеть свой народ свободным и цивилизованным, самостоятельным и независимым. Именно об этом писал один из лидеров партии «Алаш» Миржакып Дулатов, находясь в Бутырской тюрьме в период репрессий 30-х гг. XX века: «Я считал своим долгом помочь своему поработанному, угнетенному народу вырваться из этого рабского положения... Не думаю, что смог вовремя предвидеть события в политической сфере, то что преподносят сейчас как борьбу против советской власти, всего лишь мое желание видеть казахскую нацию самостоятельной, независимой, счастливой»¹.

Таким образом, цели национальной интеллигенции были едины – приобретение независимости и процветание Казахстана, методы различны – от либерально-демократической (газета «Казах») до социал-революционной направленности (журнал «Айкап»).

Предвестником революции 1917 г. в Казахстане стало национально-освободительное движение 1916 г., возникшее из копившихся многие годы социально-экономических проблем региона, вызванных методами колониального управления краем, переселением русских крестьян и массовым изъятием земель у казахов.

С началом Первой мировой войны 1914 г. налоги на местное население возросли в 3-4 раза, а в некоторых случаях – в 15 раз, катастрофически падало сельскохозяйственное производство, а площадь изъятной у казахского населения земли к середине 1916 г. равнялась 45 млн десятин.

Представители либерально-демократических взглядов в лице авторов газеты «Казах» и социал-демократов, группировавшихся вокруг журнала «Айкап», несмотря на противоречия и различия в политических взглядах, избрали лозунгом в своей деятельности в этот период слова из названия сборника стихов М. Дулатова «Оян казак» («Проснись казах»). Тем самым казахская

¹ Дулатов М. Ұрпаққа хат // Дала дидары. 1991. 8 мамыр.

демократическая интеллигенция внедряла в сознание народа идею необходимости национально-освободительной борьбы¹.

Поводом к восстанию явился Высочайший указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г.

Согласно указу, призыву подлежали мужчины в возрасте от 18 до 43 лет, что составляло около 400 тыс. человек из числа коренного населения. Как оказалось, администрация не была готова к мобилизации: отсутствовали семейные списки, возрастная регистрация населения. Недобросовестные манипуляции чиновников и безграмотно организованный набор тыловиков обернулись тем, что на тыловые работы призывалась казахская беднота и многие семьи лишались единственных кормильцев. За взятки дети феодально-родовой знати и состоятельных семей, подлежащие призыву, освобождались от него. А уже официальное правительственное разъяснение 11 июля 1916 г. о полном освобождении от тыловых работ коренного населения «по должности, роду занятий и образованию» позволяло использовать это «разъяснение», наняв вместо себя другое лицо и уклониться, таким образом, от призыва. Нанимались в основном задолжавшие баям батраки и бедняки².

Мобилизация казахов-бедняков на тыловые работы вызвала стихийные массовые волнения среди казахского населения, которые переросли в восстание, охватившее почти всю территорию Казахстана. Наиболее широкий размах и всенародный характер национально-освободительное восстание получило в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской и Семиреченской областях. Так, в восстании в Тургайской области под руководством Амангельды Иманова – внука знаменитого батыра Имана, сподвижника Кенесары Касымова – участвовало 50 тыс. вооруженных бойцов. А. Иманов, на охваченных восстанием территориях, вводил административное управление через образованный им военный совет – Кенес, в ведении которого были сосредоточены все административные вопросы. Свою повстанческую армию он поделил на тысячи, сотни и десятки и управлял ими через тысячников, сотников и десятских. Судебные и хозяйственные функции осуществляли специальные органы³.

В силу национально-освободительного характера восстания в нем, помимо казахов-бедняков, участвовали представители низового звена административной системы управления в лице волостных управителей, биев, старшин, а также состоятельные казахи и представители демократической интеллигенции. Важно отметить, что часть национальной интеллигенции демонстрировала гражданскую ответственность и лояльность власти, пытаясь остановить

¹ См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3. С. 636.

² См.: История государства и права Казахской ССР / под общ. ред. С. С. Сартаева. Ч. 1. С. 173.

³ Там же. С. 174.

кровапролитие и эскалацию взаимного насилия. Так, А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов призывали не оказывать сопротивление мобилизации на тыловые работы, предпринимая попытки по отсрочке призыва коренного населения, а в случае мобилизации – создания необходимых условий для проживания и работы в прифронтовых районах. А. Букейханов и его соратники разоблачали проявления коррупции и беззакония при составлении списков призывников и провокационные действия администрации по организации конфликтов между местным населением и карательными отрядами казачьих войск¹.

Так или иначе, национально-освободительное восстание было жестоко подавлено. Отсутствие политического руководства, стихийность и раздробленность стали главными причинами поражения. Военные и военно-полевые суды без особых судебных процедур и следственных действий приговаривали участников восстания к смертной казни через повешение или расстрел. Значительная часть казахов, справедливо опасаясь репрессий, откочевала в западный Китай.

Восстание 1916 года стало важным этапом национально-освободительного движения казахского народа и, имея антиколониальную и антиимпериалистическую направленность, способствовало дальнейшей консолидации общественно-политических движений в Казахстане вокруг идеи независимости и самоопределения в политическом пространстве предреволюционной России. «Оно в значительной степени расшатало систему военно-феодального и военно-колониального правления в России и являлось составной частью, одним из звеньев все разгоравшегося в начале XX века национально-освободительного движения колониальных народов Востока против империалистического ига»².

Непродуманные односторонние действия властей в отношении мобилизации коренного населения в контексте взрывоопасной социально-экономической и этноконфессиональной политики, проводимой государственными органами Российской империи, послужили мощным импульсом для драматических и судьбоносных событий 1916 года, которые способствовали пробуждению казахского общества, оказав существенное влияние на правосознание и нравственность казахского народа.

Вопросы для закрепления учебного материала

1. Охарактеризуйте процесс окончательной интеграции Казахстана в состав Российской империи накануне XX века.
2. Укажите причины переселенческой политики, проводимой царским правительством. Каким образом осуществлялась кампания по переселению крестьян? Какими нормативными актами руководствовались власти?

¹ См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3. С. 641.

² Там же. С. 651.

3. Какие пути решения аграрного вопроса предлагались при обсуждении в Государственной Думе?
4. Кто стоял у истоков национально-освободительного движения в Казахстане?
5. Какова роль и значение печатных органов на казахском языке в общественно-политической жизни Казахстана в начале XX века?
6. Назовите причины и последствия национально-освободительного восстания 1916 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение XIX – начала XX вв. в рамках завершения процессов интеграции Казахской степи в состав Российской империи происходили процессы постепенной модернизации общественного и хозяйственного уклада. По мере нарастания социально-экономической интеграции среди казахов усиливались товарно-денежные отношения, кочевое хозяйство все более отходило от натуральных форм ведения. Казахская степь становилась рынком сбыта для российской промышленности и источником сырья и продовольствия, как для европейской, так и для азиатской части Российской империи.

Помимо товаров усиливался и ввоз промышленного капитала в Казахстан. В Казахской степи строились новые города, первоначально создававшиеся в качестве военных укреплений, но затем становившиеся как административно-территориальными центрами с очагами промышленности и регулярной торговли, так и культурными центрами.

Вхождение в состав Российской империи способствовало началу перехода казахов к оседлому земледелию. Если ранее к земледелию переходила только беднота – «жатаки», то, по мнению Е. Бекмаханова, к середине XIX в. к нему стали обращаться и более состоятельные казахи, в основном проживавшие близ пограничной линии, а затем, по мере нарастания крестьянской колонизации из Европейской части Российской империи, – в центральной и юго-восточной части Казахстана.

Переход казахов к оседлому земледелию диктовался не только нарастающим дефицитом пастбищных угодий, но и тем, что усиливающаяся имущественная и социальная дифференциация внутри кочевых родов и племен стимулировала переход на интенсивные формы землепользования, что приводило к формированию оседлого животноводства, разведению крупного рогатого скота, и, соответственно, переход к систематическому заготовлению сена и развитию зерноводства и овощеводства. Это отразилось в казахском фольклоре. Если раньше казахи говорили: «Малдын жаманы сиыр», т. е. «Худший вид скота – корова», то к середине XIX в. на смену этой пословице пришла другая – «Сиыр бай болды», т. е. условно «Корова даст богатство»¹.

Культурное и бытовое сближение казахов и русских переселенцев стало усиливаться в результате планомерной колонизационной политики российских имперских властей в последней трети XIX – начале XX вв. В 1914 году численность казахов составила 58,5 %, а русских – 29,6 %.²

На основе складывавшихся традиций совместного мирного проживания русские переселенцы перенимали у казахов особенности ведения хозяйства в засушливых степных районах, знакомились со спецификой ирригации и зем-

¹ См.: Кузембайұлы А., Абиль Е. А. К 89 История Казахстана: учеб. для вузов. Костанай: Костанай. регион. ин-т ист. исследований, 2006. С. 191. URL: <http://studmed.ru/kuzembayuly-abil...istoriya-kazahstana...>

² Там же. С. 238.

лепользования, разведения скота и т. п. Сложившиеся на почве совместного проживания взаимовыгодные отношения значительно повлияли на традиционный быт как русских переселенцев, так и коренного населения Казахской степи.

Следует отметить, что без мирного сосуществования переселенцев и местного населения Казахской степи было бы невозможным как дальнейшее развитие сельского хозяйства, так и формирование здесь промышленного производства. В начале XX в. в Казахстане появляются новые отрасли промышленности: горнодобывающая, добыча каменного угля, золота, строительство железных дорог, что способствовало развитию товарооборота как внутри Казахстана, так и на внешних рынках. Этому предшествовали драматические периоды в истории Казахстана, когда русским войскам приходилось отражать набеги и брать под свою защиту тех казахов, кто желал мирного сосуществования с Российской империей и осознавал выгоды социально-экономического развития в ее составе.

Прекращение барымты, обуздание обычаев кровной мести способствовало объединению казахского общества и прекращению междоусобных войн. Но в то же время развитие капиталистических отношений приводило к его социальной дифференциации, в ходе которой помимо кочевой аристократии и рядовых скотоводов среди казахов появились крупные землевладельцы, обычные крестьяне и наемные рабочие. В результате к началу XX в. помимо сохранявшегося еще деления на роды и племена казахское общество стало вовлекаться в социально-политическое противостояние, присущее всей Российской империи.

Нарастание социально-политического противостояния в Российской империи в начале XX в. неизбежно принимало национальную окраску и стимулировало рост национально-освободительного движения в Казахстане.

Развитие общественно-политической мысли в этот период происходило под воздействием как либеральных, так и демократических идей, распространенных во всем многонациональном обществе Российской империи. Это неизбежно приводило к вовлечению в весьма трагичный по своим последствиям революционный процесс представителей всех слоев населения Казахской степи, который происходил под влиянием наложения друг на друга различных религиозных, национальных и социальных компонентов, сложившихся в общественном сознании многонационального населения Казахской степи.

Безусловно, отказ от кочевого образа жизни весьма болезненно проходил в общественном сознании и жизнедеятельности всего казахского общества. Переход к оседлому земледелию и животноводству не сразу давал исключительно положительные результаты. Он приводил к ломке всего уклада жизни и мировоззрения казахов, столетиями свободно кочевавших в степи. Строительство военных укреплений в Казахской степи значительно ограничивало свободу передвижения кочевников, поскольку к военным объектам им при-

ближаться было запрещено, а земля, прилежавшая к ним, выводилась из хозяйственного оборота, что приводило к обнищанию многих кочевых хозяйств.

Первоначально для многих казахов были непонятны и неприемлемы административные и хозяйственные ограничения, налагаемые на них российскими имперскими властями. Рядовые кочевники долго не могли принять в качестве нормы отказ от барымты, что веками у казахов ассоциировалась с принципами соблюдения социальной справедливости. Эти принципы, к сожалению, не могли быть реализованы и гарантированы в деятельности окружных судов, которые стали заменять суды биев и старшин.

У казахов социальная справедливость традиционно считалась одной из высших ценностей, наряду со стремлением к максимальной независимости от любого вида государственной власти. Поэтому кочевники крайне болезненно переносили ломку своего социального уклада, в ходе которого родовая и племенная знать стала использовать административно-полицейский аппарат Российской империи в целях своего обогащения и выделения из среды своих рядовых сородичей и соплеменников.

Стремление к сохранению обычаев и традиций, неприятие ограничений при проведении ежегодных перекочевков, многочисленные факты изъятия пастбищ из хозяйственного оборота в пользу крестьянской колонизации из других российских губерний неоднократно приводили к массовым вооруженным выступлениям казахов против установления колониального режима управления в течение первой и второй трети XIX в.

Весьма неоднозначными были отношения между казахами и казаками. Последние неоднократно при переселении вглубь степи получали для ведения своего хозяйства лучшие земли, которые, как правило, находились вблизи военных укреплений, строившихся на перекрестках торговых путей, вдоль рек либо иных источников воды. Эти обстоятельства приводили к росту взаимных нападения друг на друга казаков и кочевников, претендующих на одни и те же пастбища и водопои.

Явная несправедливость значительной части решений окружных судов, нарушавших прежние нормы обычного казахского права, только обостряла конфликтную ситуацию в Казахской степи. Это обстоятельство способствовало длительному сосуществованию имперских окружных и волостных судов и судов биев во второй половине XIX – начале XX вв.

Нарушения обычаев в практике российских имперских чиновников не всегда происходили умышленно, многие из них первоначально не знали особенностей быта и жизни кочевников. В то же время среди российских чиновников встречались знатоки казахского обычного права, которое использовалось ими для урегулирования неизбежных конфликтов, возникавших как между кочевым и оседлым населением, так и среди самих кочевников. К сожалению таковых специалистов среди чиновников было очень мало, что приводило к росту случаев превышения служебных полномочий, а также формиро-

ванию коррупционных схем, которые использовали ага-султаны и старшины, часто поступавшие на службу в имперский административный аппарат с целью своего обогащения.

Особенно ярко неприятие колониальной системы управления воспринималось среди значительной части султанов, биев и старшин. Султаны различных племен из всех казахских жузов выступали против отмены института ханской власти, который традиционно носил выборный характер, что позволяло претендовать на ханский престол всем султанам торе – многочисленным потомкам Чингиз-хана и его старшего сына Джучи. Фактическая ликвидация ханской власти в Букеевской орде после смерти хана Джангира в 1845 г. происходила на фоне обострения военно-политического противостояния в Казахской степи в завершающий период восстания под руководством Кенесары Касымова (1837 – 1847 гг.).

Массовость антиколониальных выступлений в Казахской степи могла быть обеспечена только при соответствующей организации и активном участии прежде всего родовой и племенной знати (султанов, старшин, биев и батыров), обладавшей и средствами, и профессионально подготовленными воинами – батырами и толенгутами, которые становились организационным ядром повстанческих вооруженных формирований. Они оказались неготовыми к открытому противостоянию с русскими регулярными войсками и казачьими формированиями, поэтому данные восстания были обречены на провал.

Стремление султанов и старшин к сохранению своей власти, как правило, приводило к их переходу на службу в административно-полицейский аппарат Российской империи. Их слуги (толенгуты) обычно становились феодально зависимыми работниками либо (батыры) принимались на службу в качестве кочевой милиции и помогали отражать набеги тех представителей казахской знати, кто не желал признавать над собой власть имперской администрации.

Вхождение Казахстана в состав Российской империи привело к формированию целого ряда благоприятных факторов, способствовавших дальнейшему историческому развитию казахского общества.

Увеличилась интенсивность и скорость товарооборота на торговых путях, соединявших Российскую империю через Казахстан с Китаем и странами Ближнего и Среднего Востока. В Казахской степи начинает появляться экономическая инфраструктура: железные дороги, линии телеграфной связи, разработки добычи каменного угля и руд черных и цветных металлов, перерабатывающие предприятия текстильной промышленности.

На основе крестьянской колонизации происходило взаимное обогащение опытом ведения растениеводства и животноводства. Совершенствовался быт коренного населения, получившего доступ к благам индустриальной цивилизации.

Были прекращены набеги на казахские земли со стороны Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, причем Кокандское ханство, прояв-

лявшее наибольшую агрессию в Казахской степи, в 1876 г. было вообще ликвидировано. Была пресечена угроза экспансии Цинской империи.

Вхождение Казахстана в состав Российской империи исторически в целом имело для его народов благоприятные последствия. Острые конфликты внутри казахских родов и племен были прекращены. Переход к оседлому ведению хозяйства способствовал социально-экономическому и культурному развитию.

Казахский народ в целом был объединен в рамках одного большого государства, которое тогда не стремилось к его полной этнической и культурной ассимиляции, позволяя сохранять свое традиционное мировоззрение и развивать правосознание в соответствии с изменявшимися социально-экономическими реалиями.

Таким образом, к началу XX в. Казахстан и Россия были окончательно интегрированы в единый административно-хозяйственный экономический комплекс. Хозяйственные и культурные связи между русскими переселенцами и коренными казахами переросли в дружбу между народами. В течение многих десятилетий связывались в единое целое судьбы казахского и русского народов. Их совместное развитие в новых исторических условиях, и особенно после революции 1917 г., стало основой для последующего развития и взаимовыгодного сотрудничества современной России и Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдрахманова Б. М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке / Б. М. Абдрахманова. – Астана, 1998. – 242 с.
2. *Аитова А. А.* Исторические аспекты формирования уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, предусматривающего ответственность за корыстно-насильственные преступления / А. А. Аитова // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 4 (87). – С. 67–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-formirovaniya-ugolovno-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-kazahstan-predusmatrivayushchego>
3. *Алимгазинов К. Ш.* Казахские депутаты I и II Государственной Думы в период событий 1916 г. в Туркестане / К. Ш. Алимгазинов, Г. С. Жугенбаева // Первая мировая война и Государственная Дума: материалы Международ. науч. конференции (Казань, 17–18 октября 2014 г.). – Москва: изд. Государственной Думы, 2015.
4. *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков / И. Г. Андреев. – Алматы: ылым, 1998. – 278 с.
5. *Ахметова Н. С.* История государства и права Республики Казахстан / Н. С. Ахметова, Г. З. Кожахметов. – Караганда: КарГУ, 2001. – Ч. 1. – 333 с.
6. *Басханов М.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: библиограф. словарь / М. Басханов. – Москва: Вост. лит., 2005. – 295 с.
7. *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40-е годы XIX века: учебник / Е. Бекмаханов. – Алма-Ата: Казак университети, 1992. – 48 с.
8. *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX вв. / Н. Е. Бекмаханова. – Москва, 1980. – 280 с.
9. *Бларамберг И. Ф.* Земли киргиз-кайсаков Внутренней и Зауральской Орды / И. Ф. Бларамберг // Букеевской Орде 200 лет: в 6 кн. – Алматы: Элке, 2001. – Кн. 5. – URL: <http://www.tnu.in.ua/study/refs/d77/file1403608.html>
10. *Броневский С. Б.* Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды / С. Б. Броневский // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1830. – Ч. 41, 42, 43. – URL: <http://www.fmc.asu.ru/files/documents/00022295.pdf>
11. *Броневский С. Б.* О казахах Средней Орды / С. Б. Броневский. – 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 167 с.
12. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1984. – Т. 1. – 416 с.
13. *Васильев Д. В.* Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук / Д. В. Васильев. – Москва, 2017. – URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-administrativnogo-upravleniya-v-kazakhskoi-stepi-gosudarstvennaya-politika-i>

14. *Величенко С.* Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе / С. Величенко // Российская империя в зарубежной литературе: антология. – Москва, 2005. – 696 с.
15. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748–1765) / В. В. Вельяминов-Зернов. – Уфа, 1853. – URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/11/32/27.pdf>
16. Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составленное оберквартирмейстером Оренбургского корпуса генерального штаба полковником Бларамбергом. – Санкт-Петербург, 1848. – URL: https://www.academia.edu/36078995/Бларамберг_Военно-статистическое_обозрение_земли_киргиз-кайсаков_Букеевской_и_Малой_орды_1848
17. *Галиев В. З.* Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX вв.) / В. З. Галиев. – Алматы, 1994. – 128 с.
18. *Гвоздецкий Н. А.* Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX в. / Н. А. Гвоздецкий, В. Н. Федчина, А. А. Азатын, З. Н. Донцова. – Москва: Наука, 1964. – 158 с.
19. *Гродеков Н.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области / Н. Гродеков. – Ташкент, 1889. – Т. 1. – 141 с.
20. *Дамешек Л. И.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири / Л. И. Дамешек. – Иркутск, 1986. – 164 с.
21. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 2-е изд. – Москва, Высшая школа, 1983. – 352 с.
22. *Жумашев Р. М.* История Казахстана с древнейших времен до наших дней / Р. М. Жумашев. – Караганда, 2003. – URL: <https://www.nkzu.kz/library/Library/vir/v7.doc>
23. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) // История Казахстана в русских источниках XVIII–XX веков. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – Т. III. – 484 с. – URL: <https://www.twirpx.club/file/1166353/>
24. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – Москва, 1978. – 288 с.
25. *Зиманов С. З.* Казахский суд биев сохранился и утвердился в памяти поколений как независимое, профессиональное и мудрое правосудие / С. З. Зиманов // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования: в 10 т. / под ред. С. З. Зиманова. – Алматы: Жеті жарғы, 2006. – Т. 8.
26. *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство / С. З. Зиманов. – Алматы: Арыс, 2009. – 252 с. – URL: <https://na5ballov.pro/lib/azia/5290-zimanov-sz-politicheskiy-stroy-kazahstana-pervoy-poloviny-xix-veka-i-bukeevskoe-hanstvo.html>
27. *Зиманов С. З.* Общественный строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX вв. / С. З. Зиманов. – Алма-Ата: АН КазССР, 1961. – 296 с.

28. *Зиманов С. З.* Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. / С. З. Зиманов. – Алма-Ата: Ан КазССР, 1960. – 296 с.
29. *Идрисов Р. А.* Историческая география Западного Казахстана в первой половине XIX в.: автореф. дис. канд. ист. наук / Р. А. Идрисов. – Алматы, 1999. – 24 с.
30. *Исмаил-Заде Д. И.* Система управления и российская бюрократия. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / Д. И. Исмаил-Заде; отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. – 378 с.
31. История государства и права Казахской ССР: учеб. пособие / под общ. ред. С. С. Сартаева. – Алма-Ата, 1982. – Ч. 1. – 231 с.
32. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – Москва: Восточная литература, 1990. – 435 с.
33. *Карелин А. П.* Российское дворянство и его сословная организация (1861–1904) / А. П. Карелин // История СССР. – 1971. – № 5.
34. *Красовский М. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицером Генерального штаба. Область Сибирских киргизов / М. И. Красовский. – СПб., 1868. – Т. 1. – URL: <https://www.prlib.ru/item/426793>
35. *Красовский М. И.* Образ жизни казахских степных округов / М. И. Красовский. – 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 287 с.
36. *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей / И. И. Крафт. – Оренбург, 1898. – 532 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003549830>
37. *Кузембайулы А.* История Казахстана: учеб. для вузов / А. Кузембайулы, Е. А. Абиль – 8-е изд. перераб. и доп. – Костанай: Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. – 350 с. – URL: <http://studmed.ru/kuzembayuly-a-abil...istoriya-kazahstana...>
38. *Левшин А. И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков / А. И. Левшин. – Санкт-Петербург, 1823. – URL: <https://www.prlib.ru/item/732433>
39. *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих, орд и степей / А. И. Левшин. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
40. *Лухтанов А. Г.* Город Верный и Семиреченская область: энцикл. издание / А. Г. Лухтанов. – 2-е изд., доп. – Алматы: Глобус, 2011. – 324 с. – URL: <http://alnaz.ru/almaty/vernyj-i-semirechenskaya-oblast.html>
41. *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР / Э. А. Масанов. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 322 с.
42. Материалы по истории Казахской ССР. (1785–1828 гг.). – Москва-Ленинград: АН СССР, 1940. – Т. IV. – 543 с.
43. Материалы по истории политического строя Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – Т. 1. – 441 с.
44. *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Е. К. Мейендорф // Этнография казахов в записках российских путешественников начала XIX в. – 2-е изд. доп. – Астана: «Алтын кітап», 2007. – 246 с.

45. *Назарбаев Н. А.* Евразийский экономический союз: теория или реальность / Н. А. Назарбаев // Известия. – 2009. – 19 марта. – С. 5. – URL: <https://kaznmu.kz/rus/evrazijskij-jekonomicheskij-sojuz-teor/>
46. *Нурғалиев Р.* Творческое наследие А. Букейханова / Р. Нурғалиев // Простор. – Алматы, 1995. – № 4–5. – С. 129–134.
47. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века // История Казахстана в русских источниках XVIII–XX веков. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. V. – URL: http://turklib.ru/general_history/istoriya_kazahstana_v_russkih_istochnikah_-_v_10-i_tomah-tom_v_-_pervye_istoriko-etnograficheskieopisaniya_kazahskih_zemel_pervaya_polo_vina_xix_veka.html
48. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. VI. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – URL: http://turklib.ru/general_history/istoriya_kazahstana_v_russkih_istochnikah_-_v_10-i_tomah_-_tom_vi_-_putevye_dnevnik_i_sluzhebnye_zapiski_o_poezdках_po_yuzhny_m_stepyam_xviii_xix_veka.html
49. *Рычков П. И.* История Оренбургская / П. И. Рычков. – Оренбург, 2001. – URL: https://posredi.ru/blog10_richov_istoriya_oren_b_1.html
50. *Сапарғалиев Г. С.* Карательная политика царизма в Казахстане: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. С. Сапарғалиев. – Алма-Ата, 1966. – 35 с.
51. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. – Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1904. – 531 с. – URL: https://vk.com/wall-52136985_2524
52. *Султанғалиева Г. С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.) / Г. С. Султанғалиева. – Уфа: РУНМЦ Госкомнауки РБ. – 2002. – 262 с.
53. Труды отца и сына Рычковых по этнографии казахов. – 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 246 с.
54. *Фадеев А. М.* Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. / А. М. Фадеев. – Одесса, 1897. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=548764&p=1>
55. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века / С. Л. Фукс. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. – 224 с.
56. Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. / сост. Ш. Хафизова, В.А. Моисеев; под ред. Р. Б. Сулейменова. – Алма-Ата: Наука, 1989. – Ч. 1. – 216 с.
57. *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи / Л. Е. Шепелев. – Ленинград: Наука, 1977. – 153 с.
58. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XIX в. / Л. Е. Шепелев. – Санкт-Петербург, 2001. – 479 с.
59. *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям / А. Янушкевич. – 2-е изд. доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 384 с.

Приложение 1

*Портрет Бухей-хана –
основателя Бухеевской орды
(1801–1815 гг.)*

*Портрет Сибирского
генерал-губернатора
М.М. Сперанского (1819–1821 гг.)*

*Фото Джангир-хана и его супруги
Фатимы (1823–1845 г.)*

*Портрет Оренбургского генерал-
губернатора П.К. Эссена
(1817–1829 гг.)*

*Фото Западно-Сибирского
губернатора Г. Гасфорта
(1854 г.)*

*Фото генерал-лейтенанта
К.П. Кауфмана –
первого Туркестанского
генерал-губернатора (1873 г.)*

*Портрет генерал-лейтенанта
И.Ф. Бларамберга, исследователя
и картографа Казахской степи*

*Фото полковника
Г.А. Колпаковского
победителя в сражении
при Узун-Агач (1860 г.)*

*Фото депутатов II Государственной Думы от Сибири
и Степного края (1907 г.)*

*Депутат I Государственной Думы
от Семипалатинской области
А.Н. Букейханов (1906 г.)*

*Депутат I и II Государственной
Думы от Уральского казачьего
войска Н.А. Бородин*

*Депутат II Государственной
Думы от Сырдарьинской области
М. Тынышпаев*

*Депутат II Государственной
Думы от Сибирского казачьего
войска И.П. Лаптев*

*Депутат II Государственной
Думы от Внутренней орды
Б. Кулманов*

Приложение 2. Фотографии жизни и быта кочевников Казахской степи и русских поселенцев

Кибитка кочевников

Перекочевка казахов для занятия новых пастбищ

г. Туркестан

Актюбинскъ — Aktubinsk. № 5.

Общій видъ города.

г. Актюбинск

Туркестанъ.—Tourkestan. № 4.
Развалины крепости.

pastvu.com/496980 uploaded by Pirogov

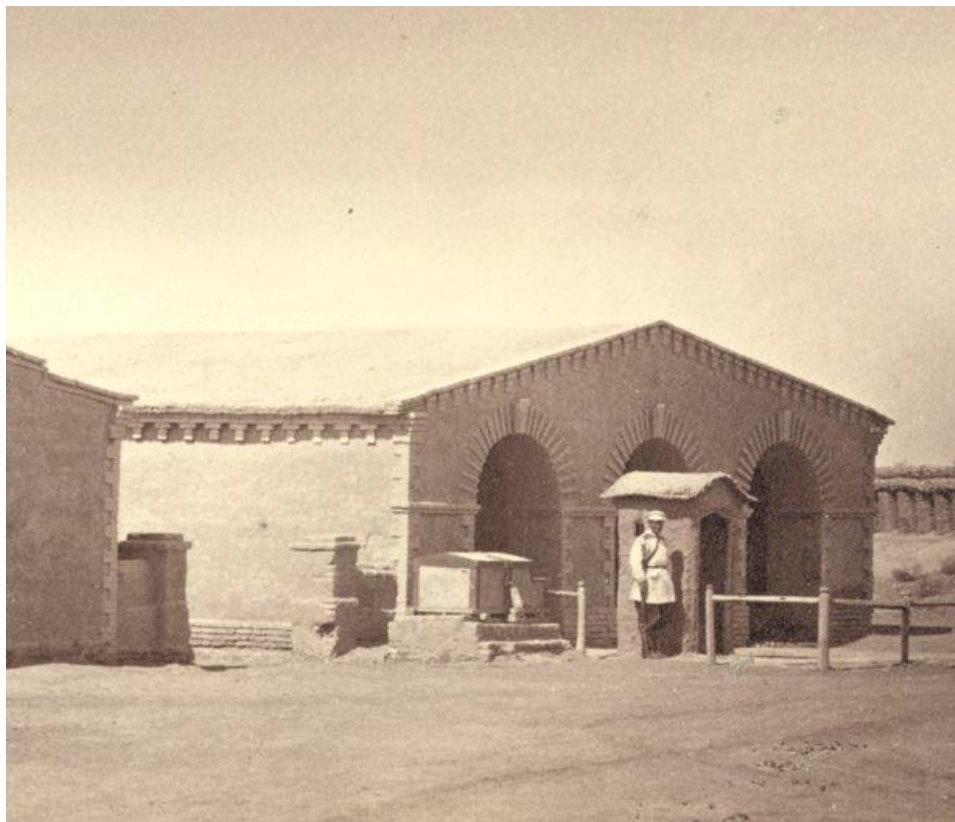
Развалины крепости Туркестан

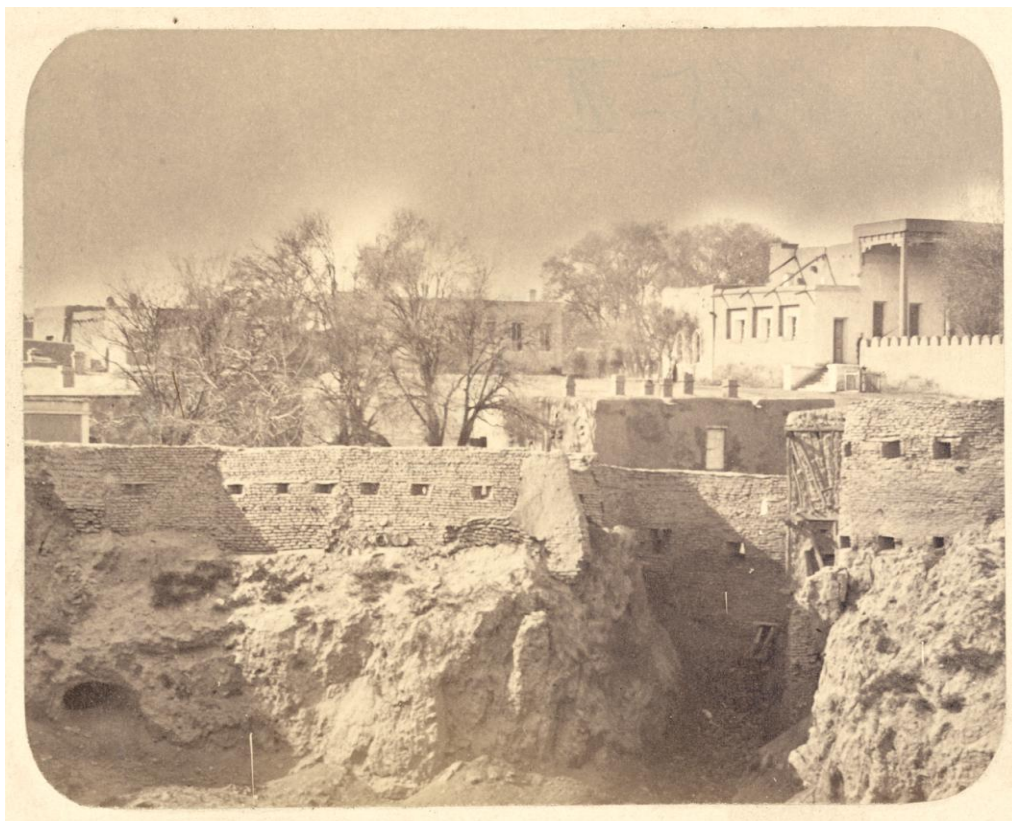
Зимние кочевья казахов в Сырдарьинской области

Крепость Ак-Мечеть

Военные укрепления русских войск в форте Перовский

Крепость Аулие-Ата

Военные укрепления форта №2 Сырдарьинской линии

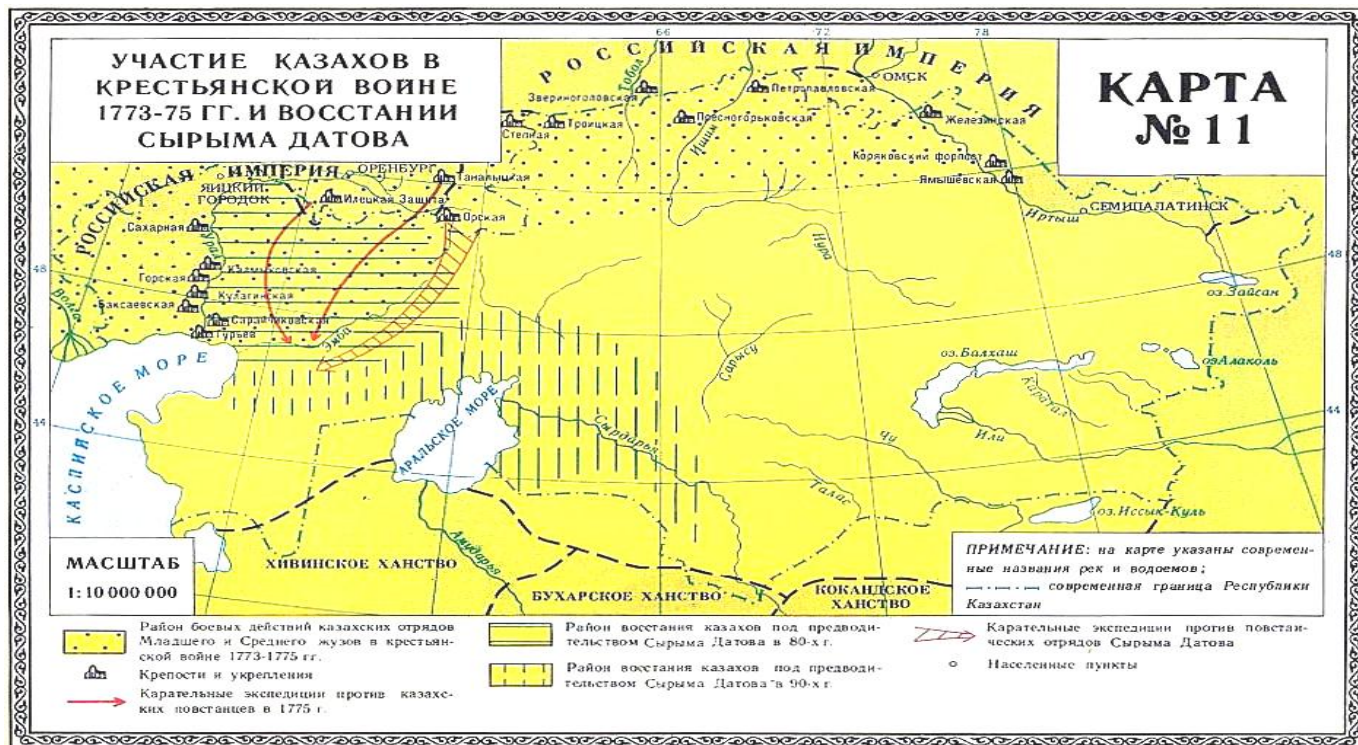

Торговые ряды в г. Казанске

Русская слободка в укреплении Чиназ

Приложение 3. Исторические карты и схемы вхождения Казахстана в состав Российской империи

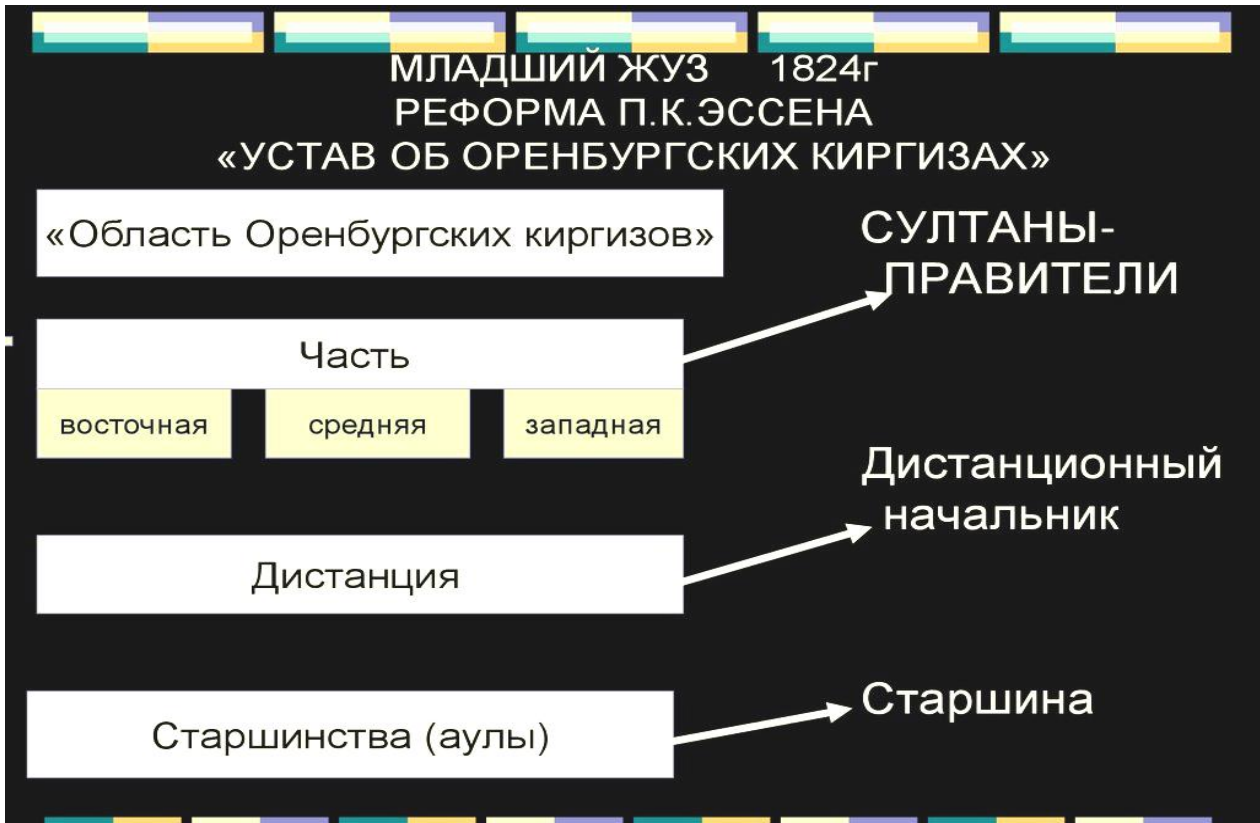

Восстание Сырыма Датова в конце XVIII в.

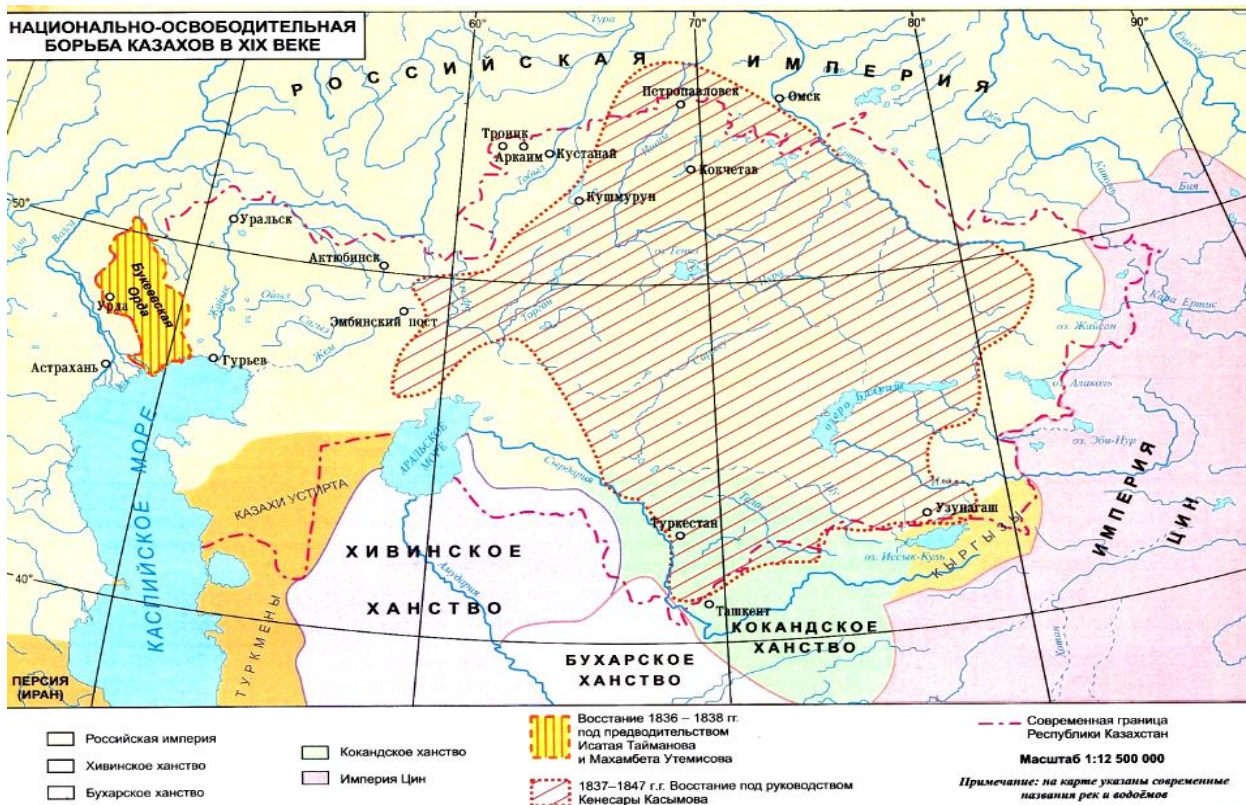
СРЕДНИЙ ЖУЗ- «ОБЛАСТЬ СИБИРСКИХ КИРГИЗОВ» (ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО)

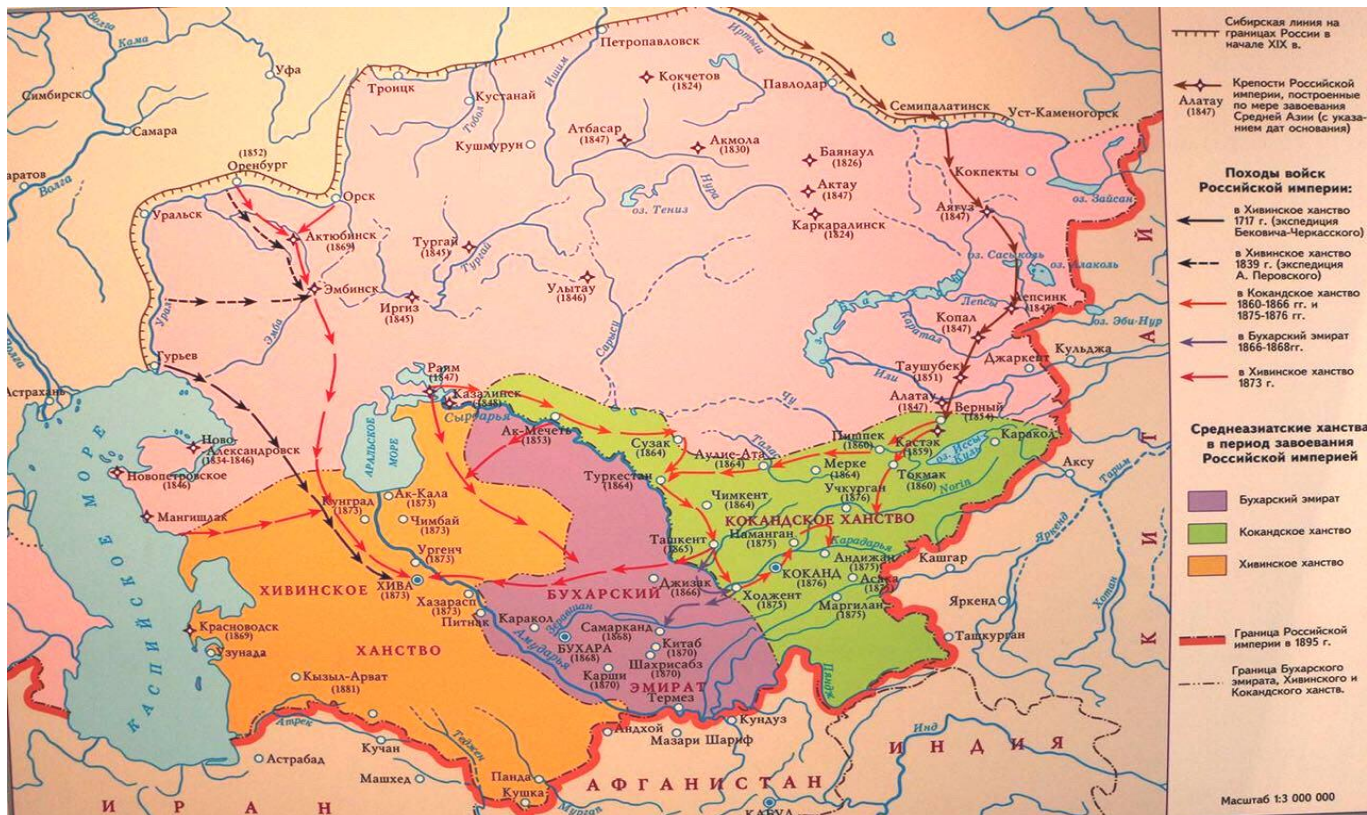
Реформа Западно-Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского 1822 г.

Реформа Оренбургского генерал-губернатора П.К. Эссена в 1824 г.

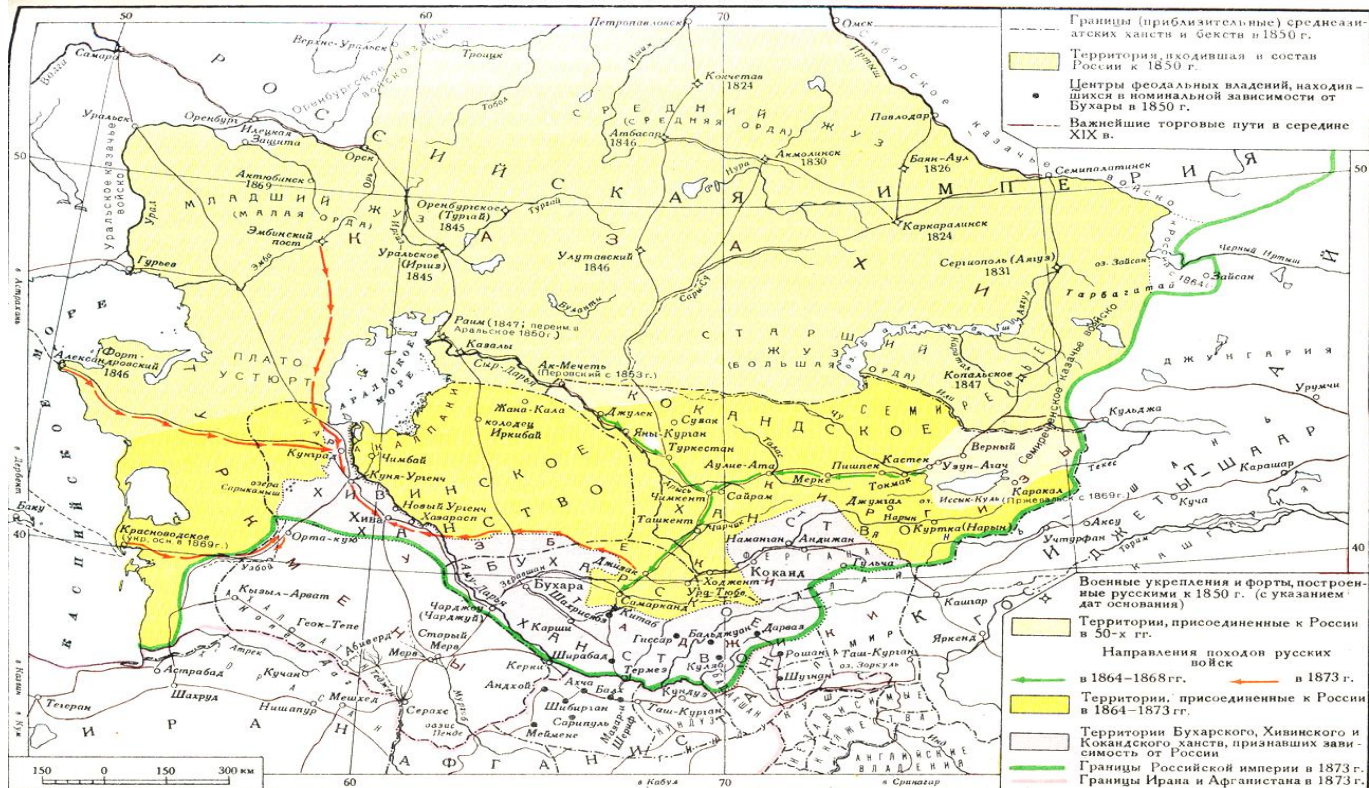

Восстания 1836-1838 гг. Исая Тайманова и Махамбета Утемисова и восстание 1837–1847 гг. Кенесары Касымова

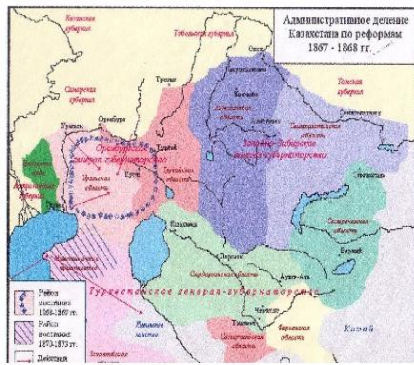

Строительство русских военных крепостей в Казахской степи в 1820–1860-х гг.

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ к 1873 г.

Завершение присоединения Старшего жуза к Российской империи в 1860-х – 1870-х гг.

Административная реформа 1867–1868 гг.

Территориально-административное устройство в 1914 г.

Содержание

Введение	3
Тема 1. Эволюция государственно-правовых отношений Российской империи с Младшим и Средним жузами в первой половине XIX в.	8
1.1. Изменение геополитического положения младшего и среднего жузов	8
1.2. Взаимодействие обычного казахского и российского имперского права в первой половине XIX в.	18
1.3. Становление колониальной системы управления в первой половине XIX в.	30
Тема 2. Интеграция Казахстана в административно-территориальную структуру Российской империи во второй половине XIX в.	40
2.1. Окончательное вхождение Старшего жуза в состав Российской империи	40
2.2. Административные реформы России в Казахстане в 1867–1868 гг., 1886–1891 гг. и их последствия	50
2.3. Система органов управления Российской империи в Казахстане во второй половине XIX века	54
Тема 3. Становление общественно-политического движения в начале XX в.	65
3.1. Изменения в законодательстве Российской империи после первой русской революции 1905–1907 гг.	65
3.2. Формирование оппозиционного и национально-освободительного движения в Казахстане в начале XX в.	74
Заключение	87
Список литературы	92
Приложения	96

СКИПСКИЙ Георгий Александрович
БЕЙСЕЕВ Айдар Амангельдыевич

История государственно-правовых
взаимоотношений России и Казахстана
в XIX – начале XX века

Учебное пособие

Редактура и компьютерная верстка *И. Б. Бебих*

Подписано в печать 23.08.2022. Формат 60x84 1/16
Печать трафаретная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 38 экз. Заказ № 50

Типография редакционно-издательского отдела
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66